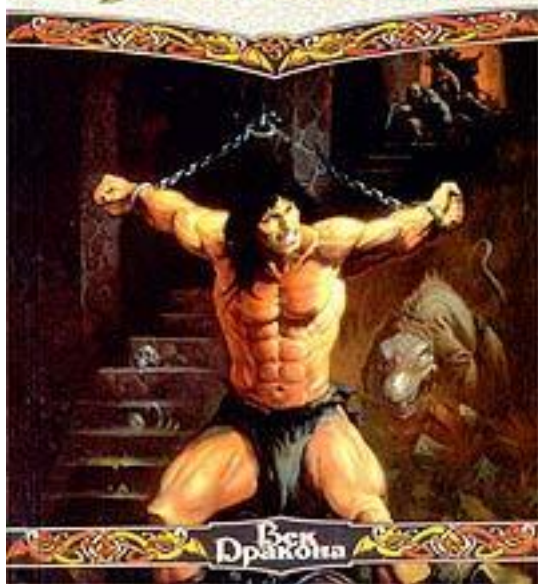

РОБЕРТ ДЖОРДАН

ОГНЕННЫЙ
ЗВЕРЬ

Бек
Дракона

Роберт Джордан

Огненный зверь

Серия «Конан»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158449

Роберт Джордан. Огненный зверь: АСТ; Москва; 2003

ISBN 5-17-019066-2

Оригинал: Robert Jordan, "Conan the Magnificent"

Перевод:

Александр Митрофанов

Аннотация

Конан-варвар жив! Слишком велика была популярность самого знаменитого персонажа за всю историю героических фэнтези, чтобы приключения его закончились со смертью его создателя. Вслед за Робертом Говардом эстафету саги о Конане принял Роберт Джордан – и подарил миллионам поклонников семь романов о новых деяниях отважного киммерийца. И новым из его деяний станет схватка с безжалостным порождением богов Тьмы – таинственным Огненным зверем...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	15
Глава 2	31
Глава 3	40
Глава 4	58
Глава 5	73
Глава 6	82
Глава 7	87
Глава 8	100
Глава 9	115
Глава 10	132
Глава 11	147
Глава 12	166
Глава 13	185
Глава 14	195
Глава 15	206
Глава 16	218
Глава 17	226
Глава 18	237
Глава 19	253
Глава 20	264
Эпилог	285

Роберт Джордан

Огненный зверь

Пролог

Ледяной воздух мертвенно, неподвижно висел над отрогами Кезанкийских гор, протянувшихся с юга на запад вдоль границы между Заморой и Бритунией. Птицы не пели, и безоблачное лазурное небо было пусто, поскольку даже вечные обитатели этих мест – грифы – не могли найти ни единого воздушного потока, чтобы парить.

В этой жуткой тишине на крутых бурных склонах, образующих естественный амфитеатр, толпились тысячи жестоких кезанкийских горцев в грязных тюрбанах. Они ждали, и их молчание сливалось с тишиной гор. Ни одна кривая сабля не лязгнула о камень. Ни одна нога, обутая в сапог, не шаркнула в нетерпении, которое ясно читалось на бородатых лицах. Люди, казалось, едва дышали. Черные глаза не мигая глядели на площадку в двести шагов в поперечнике, вымощенную огромными гранитными плитами и окруженную широким барьером высотой по пояс. Из барьера торчали, будто зубы из высушенного солнцем черепа, толстые, грубо обтесанные гранитные колонны. В центре этой круглой площадки к высоким черным железным столбам были привязаны за

поднятые над головой руки глубоко врезавшимися в запястья кожаными ремнями три светлокожих бритунийца. Но не на них было сосредоточено внимание зрителей. Все глядели на высокого человека в алом одеянии и с раздвоенной бородой, который стоял над входом в туннель, выложенный массивными глыбами и уходящий в глубь горы.

Ималла Басракан, со смуглым худым и серьезным лицом под тюрбаном из красной, зеленой и золотой материи, запрокинул назад голову и прокричал:

– Слава истинным богам!

Возбужденный вздох пробежал по рядам зрителей, и ответ их эхом раскатился по склонам гор:

– Слава истинным богам!

Если бы натура Басракана была иной, он мог бы улыбнуться довольно. Горцы не собирались вместе в большом количестве, поскольку все кланы враждовали друг с другом и внутри племен кипела кровная вражда. Но он собрал этих людей, и не только тех, что стоят здесь. Почти в десять раз больше горцев устроили стоянки среди скал, окружающих амфитеатр, и каждый день прибывают еще десятки. С властью, данной ему истинными богами, с символом их благоволения, подаренным ими, он делал то, что не удавалось никому другому. И он сделает еще больше! Древние боги Кезанкийских гор избрали его.

– Люди городов, – он произнес эти слова как ругательство, – поклоняются ложным богам! Они не ведают о богах

истинных – духах земли, воздуха, воды. И огня!

Нечленораздельный рев вырвался из тысяч глоток: одобрение Басракану и ненависть к людям городов слились вместе до того, что нельзя было отличить, где кончалось одно и начиналось другое.

Черные глаза Басракана горели страстью. Сотни других ималла бродили по горам, неся слово древних богов от клана к клану и охраняя кланы этим словом от вражды и войн. Но лишь ему было дано привести к победе истинной веры.

– Истинные боги считают людей городов злом! – Голос его гудел как колокол, и ималла видел, что слова его находят отклик в сознании слушающих. – Царей и князей, убивающих правоверных во имя демонов, называемых ими богами! Жирных торговцев, набивающих свои подвалы таким количеством золота, сколько нет и у целого клана! Принцесс, выставляющих напоказ свое полуголое тело и предлагающих себя мужчинам, будто блудницы! Блудниц, купающихся в благовониях и усыпающих себя золотом, будто принцессы! Мужчин, у которых гордости меньше, чем у животных, и которые побираются на улицах! Их мерзкие жизни оскверняют землю, но мы омоем ее их кровью!

Ответный крик толпы, потрясший серый гранит под его ногами, едва затронул мысли. Имамалла думал о том, как он спускался в подземелье, глубоко под этой самой горой, ходил по мрачным коридорам, освещенным лишь факелом, который он нес, как пытался быть ближе к богам земли, когда

возносил им молитвы. Истинные боги привели его к подземному озеру, в котором безглазые бесцветные рыбы плавали вокруг кладки огромных твердых, как лучшая броня, яиц, оставленных там в прежние века.

Долгие годы он опасался, что истинные боги отвратят от него свои лица из-за того, что он изучает магическое искусство, но лишь это знание позволило ему перенести эти гладкие шары в свою хижину. Без знания, полученного в результате его стараний, ему никогда не удалось бы высидеть одно из десяти яиц и он никогда не привязал бы к себе вылупившееся из него существо, хотя и сделано все это было столь несовершенно. Если бы только у него были Огненные глаза... Нет, когда у него будут Огненные глаза, все связи, такие хрупкие сейчас, будут как железо.

– Убьем неверных и осквернителей! – призвал Басракан, когда крики стихли. – Снесем их города и посыплем землю, на которой они стояли, солью! Женщины их, сосуды похоти, будут очищены от их мерзости! Не останется и следа их крови! Даже памяти! – Горбоносый ималла раскинул руки. – С нами символ благоволения истинных богов!

Громким чистым голосом он начал петь, и каждое слово отдавалось от скал, разносясь четким эхом. Тысячи собравшихся воинов затаили дыхание. Ималла знал, что среди слушающих есть и те, кто больше хочет награть в городах золота, чем очистить мир. Теперь они узнают истинную веру.

Последний слог заклинания звенел в воздухе, будто хру-

стальной колокольчик. Басракан пробежал взглядом по оставшимся в живых бритунийским пленникам из охотничьего отряда, зашедшего в горы с запада. Одному из них было не больше шестнадцати, взгляд его серых глаз в ужасе метался, но ималла не считал бритунийцев людьми.

Басракан почувствовал низкую вибрацию камня еще до того, как услышал резкий скрежет когтей, более длинных, чем человеческая ладонь.

– Символ благоволения истинных богов с нами! – прокричал он снова, и из туннеля появилась огромная голова существа.

Тысячи глоток ответили ималле, когда показалась оставшая часть бочкообразного тела, более пятнадцати шагов в длину, поддерживаемого четырьмя широко расставленными массивными ногами.

– Символ благоволения истинных богов с нами!

Короткую морду покрывала почерневшая чешуя, на фоне которой видны были торчащие из пасти неровные зубы, созданные для того, чтобы терзать плоть. Остальная часть чудовищной головы и тело были покрыты зеленой, золотой и алой чешуей, блестящей в бледных лучах солнца, чешуей тверже любой рукотворной брони. На спине эта чешуя недавно сменилась двумя удлиненными кожистыми волдырями. Это был дракон, как называют его в древних книгах, и, если эти фолианты сообщают правду о подобных твердых темных наростах, символ благоволения богов скоро будет со-

вершенен.

Существо повернуло голову и устремило свой парализующий взгляд прямо на Басракана. Ималла оставался внешне спокоен, но внутри его словно сковало льдом, и холод этот заморозил дыхание и слова в горле. Ималле всегда казалось, что взгляд этих золотых глаз исполнен ненавистью. Это, конечно, не может быть ненавистью к нему. Он ведь имеет благословение истинных богов. Однако злоба там есть. Вероятно, это презрение создания истинных богов к простым смертным. В любом случае охранительные свитки с заклятиями, положенные им между грубо обтесанными гранитными колоннами, удержат дракона в круге, а туннель имеет только один вход. Только ли один? Хотя ималла часто спускался в пещеры под горой – по крайней мере в дни до того, как он нашел черные яйца дракона, – он не обследовал и десятой части подземелья. Вполне могут существовать десятки так и не найденных им выходов из этого лабиринта.

Существо отвело свой жуткий взгляд, и Басракан поймал себя на том, что делает глубокий вдох. Он был доволен, заметив, что в дыхании нет дрожи. Благосклонность древних богов воистину с ним.

Со скоростью, какой никак нельзя было ожидать от такой массы, поблескивающее чешуей существо оказалось в десяти шагах от связанных людей. Вдруг огромная морда закинулась назад, и из зияющей пасти раздался пронзительный вой, от которого люди похолодели до костей и сами кости

сделались мягкими. Благоговейная тишина повисла над зрителями, но один из пленников закричал высоко и жалобно, и в этом крике уже явно слышалось безумие.

Мальчик боролся со связывающими его ремнями молча; по его рукам потекли ручейки крови.

Ималла с огненным взглядом вытянул руки вперед, ладонями вверх, будто предлагая дракона всем собравшимся.

– Он пришел из глубин земли! – кричал он, – Духи земли с нами!

Не закрывая пасти, дракон начал опускать голову – до тех пор, пока взгляд его холодных золотых глаз не устремился на пленников. Из зияющей пасти снопом вырывалось пламя и выплеснулось на них.

– Огонь – его дыхание! – кричал Басракан. – Духи огня с нами!

Двое медленно оседающих пленников уже превратились в факелы – рубахи и волосы их горели. Мальчик, извиваясь от боли, выкрикнул:

– Митра, помоги мне! Элдран, я...

Сверкающее существо сделало два прыжка, и сноп огня, немного поменьше, заставил мальчика замолчать. Бросившись вперед, дракон перекусил горящее тело пополам. Громко хрустнули кости, и на камни упали куски опаленного мяса.

– Истинные боги с нами! – произнес Басракан. – Близится день, когда символ благоденствия богов сможет летать! Ду-

хи воздуха с нами! – «Древние тома должны говорить правду, думал он. Эти кожистые наросты прорвутся, и вырастут крылья. Обязательно вырастут!» – И в тот день мы двинемся в поход, непобедимые, благодаря милости древних богов, и очистим мир огнем и сталью! Слава истинным богам!

– *Слава истинным богам!* – ответили его последователи.

– Слава истинным богам!

– *Слава истинным богам!*

– Смерть неверным!

Рев оглушал.

– СМЕРТЬ НЕВЕРНЫМ!

Тысяча останется, чтобы досмотреть пожирание до конца, ибо зрители были выбраны по жребию из воинов, постоянно прибывающих в лагерь, развернувшийся по склонам окрестных гор, и многие из них раньше этого не видели.

У Басракана же были и более важные дела. Дракон вернется в свои пещеры по собственной воле, после того как завершит свою страшную трапезу. Ималла пошел вверх по тропе, протоптанной им в буром камне, поскольку ему так много раз приходилось уходить по ней от амфитеатра в горы.

* * *

Человек, почти такой же высокий, как Басракан, и даже еще более тощий, с лицом, горящим аскетическим фанатизмом, и с заплетенной бородой, встретил его и низко скло-

нился.

– Да будет с тобой благословение истинных богов, ималла Басракан, – сказал подошедший. Тюрбан из алой, зеленой и золотой материи выделял его как ученика Басракана, однако халат его был простым черным. – Пришел человек Аккадан. Я приказал проводить его в твоё жилище.

Ни тени возбуждения, испытываемого Басраканом, не пробежало по серьезному лицу. Огненные глаза! Он едва заметно кивнул.

– Да будет с тобой благословение истинных богов, ималла Джбейль. Я встречаюсь с ним сейчас.

Джбейль снова поклонился, а Басракан пошел дальше не спеша, на этот раз даже не кивнув.

Тропа вела по склону горы к горному селению – два десятка сложенных из камня домиков, – выросшему в том месте, где раньше стояла лачуга, в которой жил Басракан. Его последователи предлагали построить ему крепость, но он не нуждался в подобном. Со временем, однако, он позволил соорудить для себя жилище в два этажа и больше, чем все остальные дома селения вместе взятые. Сделано это было не ради славы, напоминал он себе часто, ибо отрицал любую славу, кроме славы древних богов. Сооружение было построено во славу их.

Бородатые мужчины в тюрбанах, испачканных кожаных жилетках и широких шароварах, первоначальный цвет которых был тайной, скрытой годами и слоем грязи, склонялись,

когда он приходил, и то же самое делали женщины, скрытые от головы до ног черными одеяниями с единственной прорезью для глаз. Он не обращал на них внимания, как не обратил внимания и на двух стражников, стоящих у дверей его дома, поскольку сейчас он откровенно спешил.

Войдя в дом, он увидел еще одного ученика в цветном тюрбане, который склонился перед ним, и указал костлявой рукой на дверь:

– Да будет с тобой благословение истинных богов, ималла Басракан. Человек Аккадан...

– Да, Рухалла, – Басракан не стал тратить времени даже на церемонию. – Оставь меня! – Не дожидаясь исполнения приказания, высокий ималла торопливо вошел через дверь, на которую указывал Рухалла, в скудно обставленную комнату, где были лишь столы и скамьи, покрытые черным лаком. Занавес на одной стене был тканой картой, изображающей народы от Моря Вилайет на запад до Немедии и Офира.

Лицо Басракана сделалось мрачным при виде ожидавшего в комнате человека. Тюрбан и раздвоенная борода заявляли о том, что это горец, но пальцы украшали перстни, халат был из пурпурного шелка, а полнота его фигуры и пухлое лицо говорили о пирах и вине.

– Ты слишком много времени провел среди людей городов, Аккадан, – сказал Басракан сурово. – Без сомнения, ты приобщался к их порокам! Сожительствовал с их женщинами!

Обрюзгшее лицо вошедшего побледнело так, что это было заметно сквозь загар, и он быстро спрятал руки в перстнях за спиной, когда склонился, произнося:

– Нет, ималла Басракан, я не делал ничего подобного. Клянусь! – Слова словно спотыкались в спешке. На лбу заблестел пот. – Я истинный...

– Довольно! – оборвал его Басракан. – Твое счастье, если у тебя есть то, за чем ты был послан, Аккадан. Я приказал тебе без сведений не возвращаться.

– У меня они есть, ималла Басракан. Я их нашел. И я составил планы дворца и карты...

Крик Басракана прервал его:

– Воистину древние боги благоволят мне более чем кому-либо из смертных!

Повернувшись к Аккадану спиной, он прошагал к занавесу на стене и торжествующе поднял сжатые кулаки, глядя на изображенные там страны, населенные разными народами. Скоро Огненные глаза будут у него и дракон окажется связанным с ним так, будто является частью его плоти и воли. И когда перед его последователями взлетит символ благоволения истинных богов, ни одна армия смертных не сможет устоять против них.

– Слава истинным богам, – яростно прошептал Басракан. – Смерть неверным!

Глава 1

Ночь ласкала Шадизар, город, прозванный Злым, и скрывала происходящее в нем, которое оправдывало это прозвище тысячу раз и более. Темнота, приносящая покой другим городам, вызывала самое худшее в Шадизаре Алебастровых Башен, в Шадизаре Золотых Куполов, в городе продажности и насилия.

В десятках мраморных покоев одетые в шелка аристократы увлекали чужих жен к себе в постель, а купцы с множеством подбородков облизывали губы, замышляя похищения дочерей конкурентов. Благоухающие жены, сидя под снежно-белыми опахалами из страусиных перьев, ломали головы, как бы наставить рога мужьям, в то время как женщины со страстными очами из богатых и знатных семей думали, как обойти охрану, оберегающую их предполагаемое целомудрие.

Девять женщин и тридцать один мужчина, один из которых был нищим, а другой – князем, пали жертвой убийств. Золото десяти богачей было унесено из окованных железом подвалов грабителями, а пятьдесят других увеличили свое состояние за счет бедных. В трех борделях практиковались немыслимые раньше виды извращений. Продажные женщины, которым не было числа, предлагали себя во всех темных закоулках, а скрюченные, оборванные нищие подкараулива-

ли пьяных клиентов женщин. Никто не ходил по улицам без оружия, но даже в самых лучших районах города оружия часто было недостаточно, чтобы уберечь свой кошелек от карманников и налетчиков. Шадизарская ночь была в разгаре.

Обрывки облаков, гонимые теплым ветерком, проползали пятнами по высоко висящей в небе луне. Бродячие тени проносились над крышами домов, однако и этого было достаточно мускулистому молодому человеку с ремнем, перекинутым через широкую грудь так, что потертая рукоять меча торчала над правым плечом. Навыки, приобретенные им на диких пустынных склонах его родных Киммерийских гор, помогали ему сливаться с пробегающими тенями, будучи незаметными для глаз того, кто рожден в городе.

Крыша четырехэтажного дома, по которой путешествовал молодой человек, закончилась, и он стал вглядываться в темноту, скрывающую мостовую улицу. Его ледяные глаза были подобны сапфирам, а лицо, обрамленное грубо остриженной гривой черных волос, перевязанных кожаным ремешком, говорило, несмотря на юность, о жизненном опыте, которого хватило бы не на одного обычного человека. Он разглядывал соседнее здание – алебастровый куб с узорным фризом, тянущимся по всей длине чуть ниже края крыши. Послышалось тихое низкое ворчание. Улица под ним была шириной в целых шесть шагов, и тем не менее она являлась самой узкой из тех, что окружали сооружение, сравнимое с дворцом. Что он не заметил, когда выбирал себе путь – оценивая расстоя-

ния с земли, – так это то, что крыша была покатой. И крутой! Эрлик побрал бы этого Баратсеса, подумал он. И его золото!

Это была кража не по его собственному выбору, а заказ купца Баратсеса, поставщика пряностей из самых дальних стран мира. Десять золотых монет обещал торговец пряностями за самую дорогую вещь Самарида – богатого импортера драгоценностей, – кубок, вырезанный из цельного огромного изумруда. Десять золотых были сотой частью стоимости кубка и десятой частью того, что заплатили бы скупщики краденого в Пустыне, но после череды неудач в игре в кости киммерийцу очень нужны были монеты. Он согласился на эту кражу и на такую плату и взял две золотые монеты в задаток еще даже до того, как узнал, что нужно украсть. Однако обещание надо выполнять. По крайней мере, подумал он мрачно, там, на крыше, нет стражи, как на других домах купцов.

– Кром! – пробормотал он, бросив последний взгляд на крышу Самарида, и отошел от края подальше в тень между трубами. Сделав несколько глубоких вдохов, чтобы наполнить легкие, он присел. Взгляд сосредоточился на вершине крыши напротив. Вдруг, будто леопард на охоте, он бросился вперед: в два шага он развил большую скорость. Толчковая нога коснулась края крыши, и он прыгнул – вытянув вперед руки, согнув пальцы, готовый зацепиться.

С грохотом киммериец приземлился животом на покатую крышу. И тут же начал сползать. В отчаянии он расставил ру-

ки и ноги, чтобы удержаться; глаза искали какой-нибудь выступ, хотя бы шишечку, чтобы ухватиться и предотвратить падение. Он неумолимо сползал к краю крыши.

Неудивительно, что на крыше нет стражи, подумал он, злой на себя за то, что раньше не задал себе вопроса о причине такого «упущения». Поверхность черепиц, покрытых глазурью, была гладкой, как фарфор. Не успел он перевести дыхание, как ноги его уже свесились с крыши. Неожиданно его левая рука скользнула, попав в то место, где недоставало черепицы. Черепицы раскололись и отвалились под тяжестью его тела, когда он тщетно пытался ухватиться за них рукой, осколки дождем посыпались мимо него вниз, во мрак. Ладонь ударилась о дерево, и киммериец судорожно сжал пальцы. Сделав мощный рывок, он остановился и повис в темноте на высоте в четыре этажа.

В первый раз со времени прыжка киммериец издал звук – долгий, медленный выдох сквозь зубы.

– Десяти золотых, – проговорил он спокойным голосом, – недостаточно.

Вдруг деревянная рама, за которую он держался, с резким хрустом сломалась, и он снова полетел. Падая, он вытянулся, поймал кончиками пальцев выступ в нижней части фриза, шириной с палец, и ударился грудью об алебастровую стену.

– Совсем недостаточно, – выдавил он из себя, когда восстановил дыхание. – Я склоняюсь к мысли, что после этого проклятый кубок следует отнести Зенону. – Но, даже говоря

это, он знал, что не пойдет к немедийцу – скупщику краденного. Он дал слово.

В то мгновение, понимал киммериец, задача его заключается не в том, как сбыть изумрудный кубок, а как выбраться из создавшегося положения с целой шкурой. Единственными отверстиями, прорезающими алебастровую стену на этой высоте, были вентиляционные дыры, размером с его кулак, поскольку верхний этаж и чердак были отведены под хранилище запасов и помещения для челяди. Им не нужны окна, по мнению Самарида, – если их сделать, слуги и рабы будут выглядывать из них и портить вид его прекрасного дома. Никакого уступа или карниза не было на гладкой стене, не было даже балконов, выходящих на улицу. Крыша же, с которой киммериец прыгнул вначале, вполне могла бы находиться и в Султанапуре, а ее край – за облаками. Остаются (неохотно заключил болтающийся молодой человек) только окна третьего этажа, верхние своды которых находились под ним на расстоянии вытянутой руки.

Не в характере киммерийца было терять время после того, как решено, что надо делать. Медленно перебирая пальцами, он продвинулся вдоль узкого уступа. Первые два сводчатые окна под его ногами светились. Он не мог рисковать встретить людей. Третье окно, однако, было темным.

Сделав глубокий вдох, он разжал руки и начал падать, едва задевая телом стену. Если он прижмется к стене слишком сильно, его оттолкнет, и помочь себе он тогда не сможет. Ко-

гда он почувствовал, что пальцы ног находятся напротив окна, он подтянулся немного вперед навстречу подоконнику. Подметки сапог ударились о камень, а ладони с силой шлепнули и уперлись в край окна. Киммериец удержался, хотя и очень ненадежно, поскольку не за что было уцепиться даже ногтем. Усилием воли он пытался удержаться и не упасть.

Мышцы вздулись от напряжения, но он сумел сделать шаг вперед и войти в жилище Самарида. Когда нога коснулась устланного коврами пола, рука направилась к потертой коже на рукояти меча. В комнате было темно, однако привычные к ночной темноте глаза молодого человека могли различить серые силуэты мягких кресел. На стенах висели шпалеры, цвет которых в темноте казался серым, а мраморный пол покрывал ковер с неясным узором.

Вздыхнув, киммериец наконец немного расслабился. Это не спальня, где можно было бы разбудить кого-нибудь, кто поднял бы тревогу. Пора бы уже, чтобы хоть что-нибудь удалось в эту ночь сплошного невезения.

Задачи, однако, оставались. И еще неизвестно, какая из них самая трудная: то ли как выбраться из этого жилища, то ли как добраться до своей цели. Дом Самарида был выстроен вокруг сада, где торговец драгоценностями и проводил большую часть своего времени среди фонтанов. Единственная дверь помещения, в котором он выставял свои сокровища, выходила на колоннаду на первом этаже вокруг этого сада.

Было бы просто забраться в сад с крыши, к тому же Баратсес точно описал расположение двери в сокровищницу. Теперь ему надо пробираться по коридорам с риском натолкнуться на слуг или стражу.

Приоткрыв дверь, он заглянул в коридор, освещенный бронзовыми лампами, висящими на цепях. У стен, разукрашенных замысловатыми мозаичными узорами из тысячи крошечных плиточек, на некотором расстоянии друг от друга стояли столы, инкрустированные перламутром. Никто не шел по полированному мраморному полу. Киммериец тихо выскользнул в коридор.

Мгновение он простоял, рисуя в мозгу план дома. Мысленно он представил, где находится сокровищница. Напрягая слух, чтобы первым услышать чужие шаги, он легко, как кошка, пошел по коридору. Задняя лестница провела его вниз, следующая – еще ниже. Расположение лестниц и красная стершаяся облицовка говорили, что это лестницы слуг. Дважды он настораживался, услышав шарканье сандалий в соседнем коридоре, и прижимался спиной к стене, едва дыша, когда не видящие ничего слуги в бледно-голубых рубашках спешили мимо, слишком поглощенные своими занятиями, чтобы даже просто взглянуть в боковой коридор.

Но вот он в саду. Высокие, поглощенные тенью стены дома делали сад похожим на маленькое ущелье. Слышались всплески и нежное журчание полудюжины фонтанов, разбросанных среди фиговых деревьев, цветущих растений и

алебастровых статуй. Сокровища лежали как раз напротив.

Молодой человек сделал шаг и замер. Неясная фигура спешила в его сторону по одной из садовых дорожек. Конан тихо отошел в сторону, подальше от света, падающего из двери. Неужели его заметили, подумал он. Кто бы это ни был, но теперь фигура двигалась очень медленно, будто крадучись, совершенно беззвучно.

Вдруг незнакомец оставил мощеную дорожку и снова пошел в сторону киммерийца. Челюсть Конана напряглась, но ни один мускул не дрогнул, даже веки не моргали. Ближе. Десять шагов. Пять. Два. Незнакомец замер, едва слышно вскрикнув от удивления. Огромный киммериец прыгнул. Одна рука оборвала звук, зажав рот, который его издавал, другая обхватила руки непонятого существа. В мозолистую ладонь Конана впились зубы, и пленник начал бешено биться, осыпая пинками ноги киммерийца.

– Эрлик тебя побери! – прошипел молодой человек. – Ты дерешься как женщина! Прекрати, и тебе ничего не...

И тут до него дошло, что тело, которое он держал, было округлым, хотя и плотным. Он шагнул в сторону, туда, где падал свет от двери, и обнаружил, что разглядывает большие карие глаза, которые вдруг приняли суровое выражение.

Это все-таки была женщина, и красивая, с шелковой оливковой кожей и волосами, плотно заплетенными вокруг маленькой головки. Она перестала кусаться, и он ослабил руку, державшую ее челюсть. Он раскрыл рот, чтобы сказать, что

не причинит ей вреда, если она не будет кричать, но она перебила его.

– Я колдунья, – прошептала он грозно, – и я знаю тебя, Конан, пришедший из далекой Самарии или Киммерии. Ты считаешь себя вором. Отпусти меня!

Волосы у него на затылке зашевелились. Откуда она знает? Похоже, у него талант натекаться на колдунов, талант, которого он предпочел бы лишиться. Он уже ослаблял хват, когда вдруг заметил озорной блеск в ее больших глазах и то, как белые зубки прикусили полную нижнюю губу. Только сейчас обратил он внимание на то, во что она была одета: плотно облегающая матовая черная ткань от шеи до ступней. Даже на ногах были черные носки, с отделенным большим пальцем, как на варежке.

Удерживая ее перед собой за плечи, он не мог подавить улыбку. Она хрупкая и маленькая, но то, как плотно облегло тело ее странное одеяние, не оставляло сомнения в том, что это женщина. Она пнула его и попала в голень.

– Колдунья? – прорычал он тихо. – Только почему-то мне кажется, что ты будешь рассказывать что-нибудь другое, если я приложу розгу тебе к заднице.

– А почему мне кажется, что при первом же ударе я закричу так, что сюда сбежится полгорода? – шепнула она в ответ. – Но на самом деле я не хочу этого делать. Меня зовут Лиана, и я слышала о тебе, Конан. Я видела тебя на улицах. И восхищалась тобой. Я просто хотела показаться таинствен-

ной, чтобы быть достойной соперницей твоим женщинам. – Она пошевелилась, пытаясь высвободиться, и ее округлые груди, и так слишком большие для ее хрупкого тела, сделались еще заметнее. Она облизнула губки и приветливо улыбнулась: – Отпусти меня, пожалуйста. Ты такой сильный, что делаешь мне больно.

Он поколебался, затем опустил ее на землю.

– Что это у тебя за одежда, Лиана?

– Не думай об этом, – страстно прошептала она, прижавшись еще сильнее. – Поцелуй меня...

Руки его сами собой поднялись, чтобы обхватить ее лицо. Но не успели его пальцы коснуться щек, как она упала на колени и сделала кувырок вперед мимо него. Пораженный, он все же успел развернуться ей вслед. Маленькая ножка во время кувырка ударила его под ребра, отчего он ойкнул и потерял время, так что женщина успела встать на ноги лицом к стене... и она, казалось, начала карабкаться вверх, как паук.

Выругавшись, Конан бросился вперед. Что-то коснулось его руки, и он схватил мягкую, выкрашенную в черный цвет веревку, свисающую сверху.

– Митра, какой же я дурак! – простонал он. – Воровка!

Тихий смех донесся сверху, так близко, что Конан резко поднял голову.

– Ты действительно дурак. – В тоне девушки слышалась радость. – А я на самом деле вор, чего из тебя никогда не получится. Возможно, с такими плечами ты сможешь стать

извозчиком. Или ломовой лошадью.

Рыча, Конан уцепился за веревку, чтобы залезть наверх. Он заметил краем глаза, как что-то мелькнуло, и скорее почувствовал, чем услышал, как что-то упало у его ног. Инстинктивно он отпрыгнул, отпустив веревку. Пытаясь снова схватить ее, он лишь коснулся конца веревки, которую подтягивали наверх.

– Я бы попала в тебя, – снова послышался низкий голос девушки, – если бы захотела. На твоём месте я бы убралась отсюда. Сейчас же. Прощай, Конан.

– Лиана? – громко прошептал он. – Лиана?

Ответом ему была тишина.

Тихо бормоча проклятия, он обшарил землю у ног и выдернул из нее плоский черный метательный нож. Он заткнул его за пояс и вдруг напрягся, будто его ткнули чем-то.

Девушка была воровкой, и она пришла со стороны сокровищницы. Ругаясь про себя, он побежал, не обращая внимания на редкие кусты и цветы.

Сводчатая дверь, ведущая в помещение, где Самарид хранил свои самые ценные предметы, была открыта. Конан остановился на мгновение, чтобы осмотреть тяжелый железный замок. В том, что дверь открыла девушка, киммериец не сомневался, но если она побывала внутри, значит, все ловушки обезврежены либо их можно обойти.

Киммериец поколебался еще одно мгновение, затем направился по залу, вымощенному ромбовидными красными и

белыми плитками. Изумрудный кубок, как ему сказали, должен стоять в дальнем конце помещения на постаменте, вырезанном из серпентина. Когда он сделал второй шаг, одна ромбовидная плитка вдавилась у него под ногой. Вспомнив об арбалетах, установленных на стенах, – киммериец встретил уже такое раньше, – он бросился на пол. Конан почувствовал, как под его рукой вдавилась еще одна плитка. От стены послышался лязг и треск, который он не мог не узнать, будучи вором уже достаточно долго. Каждая погружившаяся плитка высвободила груз, который тянул за цепь и вращал колесо. И оно в свою очередь приведет в действие... вот только что?

Когда он вскочил на ноги, начал звонить колокол, затем еще один. Ругаясь, Конан побежал в конец помещения. Плиты продолжали вдавливать, и к тому времени, когда он достиг матово-зеленого пятнистого постамента, четыре колокола били тревогу. Постамент был пуст.

– Эрлик поberi эту девку! – прорычал он.

Резко развернувшись, он бросился из сокровищницы. И налетел прямо на двух стражников с копьями. Когда все трое повалились на пол, в голове у Конана промелькнула мысль о том, что даже хорошо, что он не задержался, чтобы выбрать себе что-нибудь взамен кубка. Кулак врезался в лицо одного стражника, расквасив нос и раздробив зубы. Стражник дернулся и осел, потеряв сознание. Другой вскарабкался на ноги, готовый ударить копьём. Если бы он задержался,

думал Конан, они вполне могли продержаться бы его в сокровищнице, пока не подойдут другие. Он выхватил меч из ножен, ударил по копьё у самого наконечника, и в результате у стражника в руках оказалась просто длинная палка. С криком стражник бросил эту жердь в Конана и побежал.

Конан тоже побежал. В другую сторону. Он нырнул в дом в первую же дверь, влетев в толпу слуг, взволнованно обсуждающих причину поднятой тревоги. Какое-то мгновение они глядели на него, все сильнее тараща глаза, но затем он взмахнул мечом в воздухе и взревел изо всех сил. Мужчины и женщины бросились врассыпную, будто стая кофских курупаток.

Паника, подумал киммериец. Если он посеет панику, то, может быть, еще сумеет выбраться отсюда. Он понесся по дому, встречая каждого попадающегося ему слугу диким ревом и взмахами меча, пока крики «На помощь!», «Убивают!» и даже «Пожар!» не стали слышны в каждом коридоре. Несколько раз молодому киммерийцу приходилось укрываться в комнатах, когда мимо, лязгая железом, проносились стражники, бегущие на крик и оружие сами. Он уже начал удивляться, сколько же людей у Самарида. Какофония звуков и беспорядок царили в доме.

Наконец Конан добрался до зала при входе, окруженного с трех сторон балконом с балюстрадой из дымчатого камня, и со сводчатым потолком, украшенным алебастровыми арабесками.

Двойная лестница из черного мрамора шла от балкона на уровне второго этажа к мозаичному полу, на котором была выложена карта мира – так, как его знали заморийцы, где каждая страна была представлена драгоценными камнями, вывозимыми оттуда.

На все это Конан не обратил внимания, поскольку взгляд его был устремлен на высокую окованную железом дверь, ведущую на улицу. Ее запирали засов такой тяжелой, что поднять его можно было только втроем, и засов этот, в свою очередь, удерживался на месте железными цепями и массивными замками.

– Кром! – проворчал киммериец. – Заперта, как в крепости!

Один, два, три раза меч его ударил по замку, и каждый раз Конан морщился, видя, что делают эти удары с кромкой клинка. Замок открылся, и Конан начал быстро протягивать цепь сквозь кольца, при помощи которых она крепилась к засову. Когда он повернулся, чтобы заняться следующей цепью, в засов рядом с тем местом, где он стоял, впилась стрела толщиной в два его пальца. Он бросился на пол, пытаясь определить, откуда может прилететь следующая стрела.

Вдруг он увидел своего одинокого противника. Наверху лестницы стоял невероятно толстый человек, чья кожа, однако, висела складками, будто раньше он был в два раза толще. Пухлое лицо окружали жидкие редящие волосы, и одет он был в бесформенный ночной темно-синий шелковый халат.

Самарид...

Одна нога торговца драгоценностями была вставлена в стремя на конце тяжелого арбалета, и он, пыхтя, крутил ворот, натягивая тетиву, а из угла его тонкого рта текла струйка слюны.

Быстро оценив, сколько времени пройдет до того, как Самарид сможет вставить в арбалет новую стрелу, Конан вскочил на ноги. После одного яростного удара, высекшего искры, второй замок со звоном полетел на пол. Вложив меч в ножны, Конан выдернул цепь и взялся за массивный засов.

– Стража! – вопил Самарид. – Ко мне! Стража!

Мускулы вздулись желваками на икрах, бедрах, спине, плечах и руках, когда Конан уперся в тяжелый деревянный засов. Он приподнялся на толщину ногтя. На лбу киммерийца выступил пот. На толщину пальца. На ширину ладони. И вот засов вышел из железного паза.

Конан сделал три шага назад, чтобы отвернуть засов. Мозаичные плитки разлетелись вдребезги, когда засов грохнулся и сотряс пол.

– Стража! – заорал Самарид, и ему ответил топот ног.

Конан кинулся к толстой окованной двери и потянул одну створку так, что она с силой ударила в стену. Когда он выбежал на улицу, еще одна стрела просвистела мимо его головы и пропорол борозду в мраморном портике. За спиной образовалась суতোлка, когда в зал с криком ввалились стражники, спрашивая у Самарида, что делать, а Самарид, бессвязно

вопя, пытался отвечать им. Конан не стал оглядываться. Он побежал. Полный злости на молодую воровку со слишком острым языком, он бежал, пока шадизарская ночь не поглотила его.

Глава 2

Квартал Шадизара, называемый Пустыней, состоял из жалких трущоб. Над кривыми улочками висел смрад, пахло отбросами и отчаянием. Беспорядки, творившиеся в остальных частях города за закрытыми дверями, происходили в Пустыне открыто и делались для того, чтобы получить доход. Обитатели Пустыни, большей частью оборванцы, жили так, будто в следующее мгновение их может настичь смерть, что зачастую и происходило. Мужчины и женщины были собирателями падали, хищниками или жертвами, и те, кто считал себя принадлежащим к одному классу, обнаруживали, часто слишком поздно, что принадлежат к другому.

Таверна Абулета была одной из лучших в Пустыне, по мнению обитателей квартала. Среди ее завсегдатаев было мало разбойников и карманников. Расхитителей могил не приветствовали, хотя больше из-за запаха, который шел от них, чем из-за способа, каким они добывали себе монеты. Всем остальным, кто мог уплатить за выпивку, были рады.

Когда Конан толкнул дверь таверны, испарения улицы мгновенно вступили в борьбу с запахом подгоревшего мяса и кислого вина в большом обеденном зале, где двое музыкантов, играющих на цитрах, аккомпанируя голой танцовщице, безуспешно соревновались с шумом голосов посетителей таверны. Усатый немедийский фальшивомонетчик мял рука-

ми у стойки хихикающую потаскуху в высоком рыжем парике и лоскутах зеленого шелка, которые мало что могли сделать, чтобы скрыть роскошные полушария груди и ягодиц.

Пухленький офирский сводник с перстнями, блестящими на пальцах, угощал за угловым столом; среди тех, кто смеялся его шуткам – пока хватало его денег по крайней мере, – были три похитителя, смуглые, с узкими лицами иранистанцы, надеющиеся, что он сможет навести их на дело. Две потаскухи, черноглазые близнецы, предлагали свои услуги, расхаживая между столов, и их пояса из монет позвякивали в такт покачивающимся бедрам.

Не успел киммериец войти, как полная, с оливковой кожей женщина обвила его шею руками. Позолоченные бронзовые чаши едва вмещали ее тяжелые груди, а узкий пояс из позолоченных цепочек, низко сидящий на ее крутых бедрах, поддерживал полоски прозрачного синего шелка, шириной не больше пяди, которые свисали спереди и сзади до щиколоток с браслетами.

– Ах, Конан, – промурлыкала она низким голосом, – как жалко, что ты не вернулся раньше.

– Выпей со мной, Семирамида, – ответил он, разглядывая ее высокую грудь, – и расскажи, зачем мне нужно было возвращаться раньше. А потом мы поднимемся наверх... – Он замолчал в недоумении, когда она замотала головой.

– Я сегодня работаю, киммериец. – Увидев, что он хмурится, она вздохнула: – Даже мне, чтобы жить, нужно немно-

го серебра.

– У меня есть серебро, – прорычал он.

– Я не могу у тебя брать монеты. Не хочу.

Он выругался про себя.

– Ты всегда так говоришь. Почему не хочешь? Не понимаю.

– Потому что ты не женщина, – она нежно рассмеялась. – За что я бесконечно тебе благодарна.

Лицо Конана напряглось. Вначале Лиана сделала из него дурака этой ночью, а теперь Семирамида пытается сделать то же самое.

– Женщины никогда не говорят прямо. Ладно. Если я тебе сегодня ночью не нужен, то и ты мне не нужна.

Он отошел от нее, а она так и осталась стоять, уперев кулаки в бока и беззвучно кривя от раздражения губы.

У стойки он залез в кошелек и бросил на ее потрескавшуюся деревянную поверхность медяки. Как он и предполагал, звон монет прорезался сквозь стену шума в зале и привлек Абулета, который подошел, вытирая толстый палец о грязный передник, надетый поверх выцветшей желтой рубахи. Хозяин таверны подхватил монеты отработанным движением.

– На них я хочу вина, – сказал Конан, Абулет кивнул. – И кое-каких сведений.

– Здесь хватит на вино, – сухо ответил хозяин. Он поставил деревянную кружку, от которой поднимался кислый за-

пах дешевого вина. – Сведения стоят дороже.

Конан потер большим пальцем зарубку на краю стойки, сделанную мечом, привлекая взгляд свинячьих глазок жирного хозяина к этой отметине.

– Их было шестеро, насколько я помню, – сказал он с отсутствующим видом. – Один ножом тыкал тебе под ребра и был готов поковырять твои потроха, если ты раскроешь рот без его разрешения. Что же они хотели? Отвести тебя на кухню, кажется? Не говорил ли один из них, что сунет твои ноги в очаг и продержит их там, пока ты не скажешь, где спрятано золото?

– У меня нет золота, – пробормотал неубедительно Абулет. Обрезанную по краю монетку он узнавал за десять шагов, и вполне можно верить слухам, что свой самый первый краденый медяк он зарыл где-то в таверне.

– Конечно, нет, – мягко согласился Конан. – Однако ты должен благодарить Ханнумана за то, что я увидел, что происходит, в то время как никто больше этого не заметил. Согласись, все-таки немного... неудобно, когда ноги жарятся в углях, а сказать тебе нечего.

– Да, ты увидел. – Тон толстяка был таким же кислым, как и его вино. – И начал размахивать вокруг своим проклятым мечом, поломав половину моих столов. Ты знаешь, во что мне обошлась их замена? Потаскухи бились в истерике, увидев, сколько ты налил здесь крови, и половина посетителей разбежалась, опасаясь, что ты уложишь и их.

Конан рассмеялся и сделал большой глоток вина, не говоря ничего больше. Не проходило и ночи без того, чтобы не была пролита кровь на посыпанный опилками пол, и не было редкостью зрелище, когда выволакивают труп, чтобы выбросить его в переулок.

Лицо Абулета передернулось, и челюсть его опустилась так, что число подбородков удвоилось.

– Так что мы в расчете. Правильно?

Конан кивнул, но предупредил:

– Если только расскажешь о том, что меня интересует. Я ищу женщину. – Абулет фыркнул и указал рукой на девок в зале. Конан терпеливо продолжал: – Она воровка, примерно такого роста, – он показал огромной рукой расстояние от пола до груди, – и довольно округла для своего размера. Сегодня ночью на ней были черные узкие штаны и короткая рубашка, плотно облегающие. И при ней было это, – он выложил на стойку метательный нож. – Себя она называет Лианой.

Абулет потыкал черное лезвие грязным пальцем.

– Я не знаю воровки ни по имени Лиана, ни с другим именем. Был один человек, однако, который пользовался похожими ножами. Джамаль звали его.

– Женщину, Абулет.

Хозяин таверны пожал плечами:

– У него была дочь. Как ее звали? Дай вспомнить... – Он потер измазанную сажей щеку. – Джамалья укоротила на голову городская охрана, должно быть, десять лет назад. Де-

вочку взяли к себе его братья, Гайан и Хафид. Они были тоже ворами. Не слышал о них, однако, уже давненько. Слишком старые для такого занятия, полагаю. Годы всех нас не щадят. Тамира. Так ее звали. Тамира.

Мускулистый молодой человек бесстрастно глядел на жирного хозяина, пока тот не умолк.

– Я спрашиваю о девушке по имени Лиана, а ты мне плетешь басню о какой-то Тамире. И о всей ее Митрой проклятой семье. Не хочешь ли рассказать мне о ее маме? Ее бабушке? Мне уже самому хочется засунуть твои ноги в огонь.

Абулет опасливо посмотрел на Конана. Этот человек с необычными голубыми глазами был известен в Пустыне своей вспыльчивостью и непредсказуемостью.

Хозяин развел руками:

– Разве трудно назвать чужое имя? И разве я не сказал? Джамаль и его братья носили черную одежду, какую ты описал. Утверждали, что это делает их почти невидимыми в темноте. У них было много хитростей. Вербки из шелка, выкрашенные черной краской... я всего и не знаю. Нет, твоя воровка – Тамира, это точно, как бы она себя теперь ни называла.

Черные веревки, подумал Конан, и подавил улыбку. Несмотря на свою молодость, он уже довольно долго был вором, чтобы научиться скрывать свои чувства.

– Возможно, – произнес он задумчиво.

– Возможно, – проворчал хозяин. – Помяни мое слово.

Это она. Мы в расчете, киммериец.

Конан допил вино тремя большими глотками и громко поставил пустую кружку.

– Если только это та самая женщина, что я ищу. Вопрос лишь в том, где ее найти, чтобы убедиться.

Абулет взмахнул коротенькими руками:

– Ты думаешь, я слежу за всеми женщинами в Пустыне? Я не могу уследить за потаскухами даже в собственной таверне!

Конан повернулся спиной к скрипящему зубами хозяину таверны. Тамира и Лиана, он был уверен, одно и то же лицо. Должно быть, ему сопутствует удача, ибо он ожидал потратить дни на расспросы, чтобы выйти на след. Обитатели Пустыни оставляли так же мало следов, как и животные, живущие в местности с тем же названием. Определенно, то, что он так быстро столь многое узнал, было добрым предзнаменованием. Без сомнения, он выйдет утром из таверны и встретит ее, когда она будет проходить мимо по улице. И тогда уж они посмотрят, кто из кого сделает дурака.

В это мгновение взгляд его упал на Семирамиду, сидящую за столом вместе с тремя кофскими контрабандистами. Один, с усами, закрученными как рога, и большими позолоченными серьгами в ушах, месил рукой обнаженное бедро Семирамиды и что-то настойчиво ей говорил. Быстро приняв решение, Конан зашагал к столу, где сидели все четверо.

Кофийцы подняли глаза, а Семирамида нахмурилась.

– Конан, – начала она, протянув к нему предупредительно руку.

Огромный киммериец схватил ее за кисть, нагнул и, пока никто не успел пошевелиться, взвалил Семирамиду на плечо. Скамьи с грохотом попадали, когда кофийцы вскочили на ноги, потянувшись руками к рукоятям оружия.

– Ты, северный олух! – орала Семирамида, яростно извиваясь. Кулак ее безрезультатно барабанил по широкой спине. – Отпусти меня, ты, верблюжий выкидыш! Митра разорви твои глаза, Конан!

Тирана ее продолжалась, ругательства становились все более изощренными, и Конан замер в восхищении, чтобы послушать. Кофийцы колебались, наполовину вытаскивая клинки, смущенные тем, что на них не обращают внимания. Мгновение спустя Конан посмотрел на них, изобразив на лице любезную улыбку. Это явно смутило всех троих еще больше.

– Моя сестра, – сказал он мягко. – Она и я должны посоветоваться по семейному вопросу.

– Чтоб Эрлик содрал с тебя шкуру и выставил твой труп тухнуть на солнце! – кричала извивающаяся женщина. – Деркето иссуши твои яйца!

Конан спокойно встретился взглядом с каждым из троих по очереди, и каждый контрабандист поежился, поскольку улыбка Конана не затрагивала ледяных голубых глаз. Кофийцы измерили ширину его плеч, подсчитали, насколько

ему будет мешать женщина, и бросили в уме жребий.

– Не буду вмешиваться в отношения между братом и сестрой, – пробормотал тот, у которого в ушах болтались кольца, отводя взгляд. Все трое вдруг оказались поглощены тем, что ставили свои скамейки на место.

Крики Семирамиды стали еще яростнее, когда Конан направился к шаткой лесенке, ведущей на второй этаж. Он шлепнул ладонью по круглой попке.

– Твои сладкие стихи наводят меня на мысль, что ты меня любишь, – сказал он, – но твой нежный голосок оглушил бы и быка. Замолчи.

Тело ее начало дрожать. Конану потребовалось некоторое время для того, чтобы понять, что она смеется.

– Можешь отпустить меня теперь, ты, зверь неученый? – спросила она.

– Нет – ответил он, улыбаясь.

– Варвар! – пробормотала она и нежно прижалась щекой к его спине.

Смеясь, он шагал через две ступеньки. Ему действительно везло.

Глава 3

Катара-базар являл собой калейдоскоп цветов и какофонию звуков. Это была большая, мощенная плитами площадь рядом с Пустыней, где холеные князьки оказывались бок о бок с неумытыми приказчиками, которые ехидно скалились, когда толкали благородных. Одетые в шелка дамы, сопровождаемые вереницей подобострастных рабов, несущих покупки, прогуливались здесь, не обращая внимания на толпы оборванных беспризорных ребятишек, путающихся под ногами.

Некоторые торговцы выставляли свой товар на изысканных столиках под тенью. У других не было ничего, кроме одеяла, расстеленного под жарким солнцем. Коробейники, продающие сливы и ленты, апельсины и заколки, звонко выкрикивали название своего товара, продираясь сквозь толпу. Радужные ткани, резная слоновая кость из Вендии, медные котлы от собственных шадизарских мастеров, переливающиеся жемчуга с Моря Запада и поддельные украшения, в неподдельности которых клялись торговцы, – все переходило из рук в руки за одно мгновение. Часть товаров была ворованными вещами, часть – контрабандой. Мало за что была уплачена даже царская пошлина.

Утром после первой попытки завладеть кубком Самарида – одна мысль об этом заставляла его морщиться – Конан об-

ходил базарную площадь по периметру, высматривая кого-то среди нищих. Попрошаек не допускали на саму площадь, но они выстраивались по ее краям, умоляя прохожих подать им монетку. Между оборванцами было определенное расстояние, ибо, в отличие от других районов Шадизара, здесь нищие скооперировались до такой степени, что точно установили этот промежуток. Попрошаек слишком много, и если стоять слишком близко, то это снизит доход каждого.

Купив на медяки во фруктовой лавке два апельсина, огромный киммериец сел на корточки рядом с попрошайкой в грязных отрепьях, у которого одна нога была гротескно вывернута в колене. Испачканная тряпка закрывала глаза, а перед ним на мостовой стояла деревянная плочка с единственным медяком на дне.

– Поддай бедному слепому, – громко ныл нищий. – Подайте монетку слепому, милые люди. Подайте бедному слепому.

Конан бросил в плочку один апельсин и начал чистить другой.

– Не думаешь снова стать вором, Пеор? – спросил он тихо. «Слепой» слегка повернул голову, чтобы убедиться, что никого нет рядом, и сказал:

– Никогда, киммериец. – Его веселый голос звучал настолько тихо, что достигал лишь ушей киммерийца и ничьих больше. Апельсин исчез под заплатанной рубахой. – Не стану. Нет, я плачу десятую часть городской охране и сплю по ночам спокойно, зная, что моя голова не будет выставлена

у Западных ворот. Тебе стоит подумать и перейти в нищие. Это надежное занятие. Не то что воровство. Проклятое Митрой горное дерьмо!

Конан замер, не донеся до рта дольку апельсина.

– Что?

Едва заметным движением головы Пеор указал на группу из шести кезанкийских горцев в тюрбанах и с бородами; их черные глаза были широко раскрыты от удивления перед большим городом. Они прошли по базару будто в тумане, щупая вещи, но ничего не покупая. По хмурым взглядам, провожающим их, было видно, что торговцы рады, что те убралась, независимо от того, сделали они покупки или нет.

– Это уже третья группа грязных шакалов, какую я видел сегодня, а до того, как полностью поднимется солнце, песочные часы должны перевернуться еще два раза. Им следует поспешить убраться под камни, из-под которых они выползли, если учесть то, о чем мы узнали сегодня утром.

У нищего практически не было возможности между восходом и заходом произносить что-нибудь, кроме жалобного крика и время от времени подобострастных благодарностей. Так что пусть выговорится, подумал Конан, и спросил:

– Что вы узнали?

Пеор фыркнул:

– Если бы это был новый способ кидать игральные кости, киммериец, ты знал бы это еще вчера. Думаешь ли ты о чем-

нибудь, кроме женщин и азартных игр?

– Что вы узнали, Пеор?

– Говорят, что кто-то объединяет кезанкийские племена. Говорят, что горцы точат свои сабли. Говорят, это может означать войну. Если это так, то Пустыня первой почувствует удар, как всегда.

Конан выбросил остатки апельсина и вытер руки о штаны.

– Кезанкийцы далеко, Пеор. – Улыбка его показала крепкие белые зубы. – Или ты думаешь, что племена оставят свои горы, чтобы грабить Пустыню? Я бы на их месте выбрал район побогаче, но ты старше меня и, безусловно, разбираешься лучше.

– Смейся, киммериец, – сказал горько Пеор. – Но когда объявят войну, толпа начнет охотиться на горцев, чтобы перерезать им глотки, и если не насытится кровью, то обратит свое внимание на Пустыню. И армия будет здесь – «для поддержания порядка». То есть будут зарубать любого беднягу, который решит противиться толпе. Так уже случилось, и так же будет снова.

На них упала тень, отброшенная женщиной, чьи мягкие одежды из изумрудного шелка, будто ласкающие руки, обводили изгибы груди, живота и бедер. Вокруг талии был повязан пояс, сотканный из золотых нитей. На запястьях и шее были нитки жемчуга, и еще две жемчужины, огромные, как ноготь большого пальца мужчины, висели в ушах. За ее спиной стоял высокий шемит с рабским ошейником и выраже-

нием усталости на лице, нагруженный свертками с базара. Она бросила в плоску Пеора серебряную монету, но ее жаркий взгляд был устремлен на Конана.

Мускулисту молодому человеку обычно доставляли удовольствие взгляды, какие бросали на него женщины, но эта оглядывала его так, будто он конь, которого продают. И что было еще хуже, шемит нахмурился, будто узнал соперника. Лицо Конана вспыхнуло гневом. Он открыл рот, но она заговорила первой:

– Мой муж не одобрил бы этой покупки. – Она улыбнулась и пошла прочь, покачивая бедрами. Шемит поспешил следом, бросив на Конана через плечо самодовольный взгляд.

Костлявые пальцы Пеора выудили серебряную монету из плоски. Хихикая, что свидетельствовало о том, что он по крайней мере частично вернул себе хорошее настроение, он засунул его к себе в сумку.

– И она заплатила бы в сто раз больше за одну ночь с тобой, киммериец. В двести. Так ведь приятнее зарабатывать себе монеты, чем лазая по крышам, а?

– Ты хочешь, чтобы эта нога была сломана на самом деле? – прорычал Конан.

Нищий расхихикался так, что в конце концов закашлялся. Когда он снова мог ровно дышать, то вытер рот рукой.

– Без сомнения, тогда в мою плоску попадет еще больше монет. Мое колено болит по ночам оттого, что я выворачиваю его весь день, но то падение было самым лучшим, что

со мной случалось.

Конан поежился от такой мысли, но, пока Пеор не потерял еще хорошего настроения, поспешил сказать:

– Я пришел сюда сегодня не для того, чтобы угостить тебя апельсином, Пеор. Я ищу женщину по имени Лиана или, может быть, Тамира.

Пеор кивал, когда киммериец описывал девушку, тщательно отредактировав рассказ об их встрече, затем сказал:

– Тамира. Я слышал это имя и видел девушку. Внешность у нее такая, как ты и говоришь.

– Где мне ее найти? – спросил радостно Конан, но нищий покачал головой:

– Я сказал, что видел ее, и не один раз, но о том, где она может быть... – Он пожал плечами.

Конан дотронулся до кожаного кошелька у пояса.

– Пеор, у меня найдется несколько серебряных монет для человека, который скажет, где ее найти.

– Жаль, что я не знаю, – произнес Пеор огорченно, но затем быстро продолжил: – Но я поговорю со своими – из Братства плоски. Если какой нищий увидит ее, ты об этом узнаешь. В конце концов, ведь дружба что-то значит?

Киммериец прочистил горло, чтоб скрыть улыбку. Дружба, действительно! Сведения поступят к нему через Пеора, а нищему, который их добудет, повезет, если он получит хотя бы один серебряный кругляш.

– Конечно, значит, – согласился он.

– Но, Конан... Я не одобряю убийства женщин. Ты ведь не хочешь причинить ей вреда?

– Только ее достоинству, – ответил Конан, поднимаясь на ноги. С помощью нищих он доберется до нее еще до вечера. – Только ее достоинству.

* * *

Два дня спустя Конан пробирался сквозь толпу с кислым выражением лица. Не только нищие Шадизара сделались его глазами. Многие потаскухи улыбнулись красивому киммерийскому варвару, трепеща под взглядом голубых глаз, и пообещали помочь ему найти ту женщину, хотя и надувая каждый раз от ревности губки. С уличными беспризорниками, на которых не производили впечатления широкие плечи и лазурные глаза, было сложнее. Некоторые называли их «пыль», этих бездомных, оборванных детей, которым не было числа, беспомощных перед ветрами судьбы, но улицы Шадизара были жестокой школой, и дети верили неохотно и требовали награды серебром. Но все эти глаза сказали ему только о том, где Тамира была до этого, а не о том, где она находится сейчас.

Конан рассматривал прохожих, пытаясь проникнуть взглядом сквозь покрывала тех женщин, которые их носили. По крайней мере, под покрывала тех, кто был хрупок и не выше его груди.

Что он будет делать, когда найдет ее, было еще неясно; он знал лишь, что потребует возместить ущерб, нанесенный его достоинству; но он отыщет ее, даже если ему придется заглянуть в лица всех женщин Шадизара.

Он был настолько погружен в свои мысли, что совершенно не слышал звук барабана, который сгонял других с улицы, заставляя даже паланкины прижаться к краю, до тех пор пока вдруг не обнаружил, что стоит один посреди улицы.

Обернувшись, чтобы посмотреть, откуда исходит ритмичный стук, он увидел, что на него надвигается процессия.

Во главе ее шли два воина с копьями, такие же высокие, как и киммериец, – мужчины с черными глазами и в накидках из шкур леопарда, чьи когтистые лапы висели поперек их широкой обнаженной груди. За ними следовал барабанщик с инструментом, висящим на ляжке на боку так, чтобы можно было свободно размахивать палочками, отбивая ритм. Десятка два человек в остроконечных шлемах и коротких кольчугах без рукавов следовали за барабанщиком. Половина из них несли копья, а половина – луки и колчаны за спиной, и все были одеты в белые широкие шаровары и красные сапоги.

Конан оглядел кортеж лишь до того места, где шествовали всадники. Их возглавляла женщина верхом на гарцующем черном мерине, который был на локоть выше всех коней свиты. Женщина была высокой, с развитыми формами. Ее одеяние, состоящее из узкой рубахи и еще более узких штанов, и

то и другое из коричневого шелка, и алой мантии, откинутой на круп лошади, и все это ничуть не скрывало изгибов тела женщины. Светло-коричневые волосы, позолоченные солнцем, вились вокруг плеч и обрамляли гордое лицо с ясными серыми глазами.

Это была женщина, на которую стоит посмотреть, подумал Конан. И кроме того, он знал о ней, как и любой вор в Шадизаре. Княжна Йондра была известна благодаря своей надменности, своей любви к охоте, умению управлять лошадьми, а среди воров – благодаря тому, что обладала ожерельем и тиарой, от вида которых у многих текли слюнки. В них были вправлены чистейшие рубины, более крупные, чем последняя фаланга большого пальца массивного мужчины, обрамленные сапфирами и черными опалами. Обитатели Пустыни дразнили друг друга, предлагая собеседнику украсть эти украшения, ибо из всех, кто уже пытался это сделать, единственный, не попавшийся на копьё стражника, умер со стрелами в глазах, выпущенными самой Йондрой. Говорили, что она была больше разгневана тем, что вор вошел в ее покои тогда, когда она купалась, чем его неловкой попыткой кражи.

Конан уже приготовился уступить дорогу процессии, как воины в накидках из леопарда, теперь не более чем в пяти шагах от него, направили на киммерийца острия своих копий. Они не замедлили шага, а шли так, будто от этой угрозы киммериец должен помчаться в поисках укрытия.

Лицо огромного киммерийца напряглось. Они что, приняли его за собаку, чтобы сгонять с дороги? Достоинство молодого человека, и без того изрядно пострадавшее в последние дни, было уязвлено. Он выпрямился, и руки его направились к потертой, обмотанной кожей рукояти меча. Над толпой, стоящей по обеим сторонам улицы, повисла мертвая тишина.

Глаза воинов с копьями расширились при виде того, что молодой человек остался стоять на месте. Улицы всегда расчищались перед их госпожой – обычно хватало и барабана, а в самом крайнем случае было достаточно блеснуть на солнце наконечником копья. Оба поняли одновременно, что это не ученичок, которого можно оттолкнуть в сторону. Как один, они остановились и приняли боевую стойку.

Барабанщик, самозабвенно лупя палочками, продолжал размахивать руками, пока не оказался между двумя воинами. Там палочки его застыли – одна поднятая, другая у самой кожи барабана, – а глаза забегали, отыскивая выход. Все трое перегородили улицу и вынудили остальной кортеж княжны Йондры остановиться – вначале охотников в кольчугах, затем и всадников, и так до самого конца, пока все не прекратили движение.

Конан понял всю нелепость создавшегося положения и почувствовал, как ему становится смешно – против собственной воли. И как он только так влип, подумал он.

– Эй, ты! – прозвучал низкий женский голос. – Ты, верзи-

ла с мечом! – Конан поднял глаза и обнаружил, что поверх голов людей с копьями и луками на него глядит княжна Йондра. – Если ты можешь остановить Зурата и Тамалья, вероятно, ты можешь встретиться и со львом. Мне всегда нужны мужчины, но в Шадизаре мало достойных этого имени. Я возьму тебя на службу. – Высокий с орлиным носом человек, ехавший рядом с ней, сердито раскрыл рот, но она оборвала его жестом. – Что скажешь? С твоими плечами можно носить копье.

У Конана вырвался смех, и киммериец дал ему волю, хотя сам старался не сводить глаз с воинов и не убирал руки с рукояти меча.

Лицо Йондры постепенно застыло в удивлении.

– Я уже на службе, – сумел проговорить он, – у самого себя. Но, моя княжна, я хочу пожелать тебе приятного дня и не буду перегораживать дорогу.

Он сделал изящный поклон – не очень низкий, чтобы не терять из виду концы копий, – и сошел с середины улицы.

Мгновение сохранялось недоуменное молчание, но затем княжна Йондра уже кричала:

– Зурат! Тамаль! Шагом марш! Юнио! Барабан!

Воины с копьями выпрямились, а барабанщик тут же принялся за свою работу. В следующее мгновение процессия уже двигалась. Йондра быстро проскакала мимо и посмотрела еще раз на киммерийца, не понимая, что делает. Человек с орлиным носом скакал рядом, красноречиво приводя

какие-то доводы, но она его явно не слушала.

Стайка босоногих ребятишек в рубахах, которые давно потеряли всякий цвет, вдруг появилась рядом с Конаном. Предводителем их была девочка, находящаяся, правда, в том возрасте, когда худому телу трудно приписать какой-либо пол. Почти на голову выше всех своих сподвижников, она вразвалку подошла к мускулистому молодому человеку и принялась рассматривать убранство охотников. Мимо прошли собаки, натасканные на льва, рычащие бестии в ошейниках с шипами, рвущиеся с поводков.

– Такая собака и твою ногу откусит, – сказала девочка. – Большой человек, если получишь в живот копьё, то кто нам заплатит?

– Плату получите тогда, когда найдете ее, Лаэта, – ответил Конан.

Мимо проносили охотничьи трофеи: шкуры леопардов и львов, огромные полумесяцы рогов антилопы, череп огромного дикого быка с рогами, толщиной с человеческую руку, – и все это несли так, чтобы видели зрители.

Дочка бросила на киммерийца презрительный взгляд:

– Разве я не говорила? Мы нашли ту девку, и я хочу обещанные две серебряных монеты.

Конан проворчал:

– Когда я буду уверен, что это она.

Это было не первое сообщение о Тамире, полученное им. В одном случае за Тамиру выдавалась женщина в два раза

старше его, в другом – одноглазый ученик горшечника. Прошел конец процессии Йондры – вьючные животные и телеги с большими колесами, запряженные быками, и толпа сомкнулась, будто вода за кормой лодки.

– Отведи меня к ней, – сказал Конан.

Лаэта заворчала, но все же пошла по улице, окруженная, как телохранителями, своими мальчишками. Под каждой драной рубахой, как знал киммериец, был нож, и часто не один. Дети улиц предпочитали убежать, но, загнанные в угол, они были опасны, как стая крыс.

К удивлению Конана, они направились не в сторону Пустыни, а прочь от нее, в район, населенный ремесленниками. Вначале на них обрушился грохот из мастерской медника, затем вонь из чанов красильщика. Дым из горнов валил со всех сторон. Наконец девочка остановилась и показала на каменное здание, на котором на цепях висел знак с изображением льва, кое-как намалеванный не очень давно.

– Здесь? – спросил Конан подозрительно. Каждая таверна привлекала людей определенного круга, и вору не будут рады горшечники и красильщики.

– Здесь, – подтвердила Лаэта. Она пожевала губу, затем вздохнула: – Мы подождем на улице, большой человек. Серебряные монеты!

Конан нетерпеливо кивнул и толкнул дверь таверны.

Внутри таверна «Красный лев» была устроена иначе, чем другие подобные заведения. Когда-то в прошлом дом выго-

рел изнутри. Пол первого этажа, обрушившийся в подвал, так и не был восстановлен. Вместо этого был выстроен балкон вокруг всей внутренней части здания на уровне улицы, а обеденный зал находился там, где раньше был подвал. Даже в самые жаркие дни, когда солнце стояло высоко, в обеденном зале «Красного льва» было прохладно.

Стоя у перил балкона прямо у двери, Конан окинул взглядом таверну, отыскивая хрупкую женскую фигуру. Несколько мужчин стояли на балконе, некоторые прислонились к перилам, держа в руках кружки, большая же часть тихо торговалась с потаскухами о цене. Прислуживающие девушки, несущие подносы с едой и напитками, сновали вверх и вниз по лестнице в дальнем конце обеденного зала, поскольку кухня оставалась на уровне первого этажа. За столами, расставленными внизу на каменном полу, сидели горшечники, руки которых были измазаны засохшей глиной, и ремесленники в кожаных фартуках, работающие с металлом, а также подмастерья в рубахах с радужными кляксами.

Вездесущие девки, чьи лоскутки шелка скрывали тела не больше, чем у их товарок в Пустыне, разгуливали между столами но, как он и ожидал, Конан не увидел тут других женщин. Убедившись, что Лаэта ошибалась или лгала, он начал уже поворачиваться к двери. Краем глаза он заметил, как грузный горшечник, которого гладила по волосам пышногрудая потаскуха, отвернулся от ее прелестей и с любопытством взглянул на точку прямо под тем местом, где сто-

ял киммериец. Другой человек, положивший свой кожаный фартук на стол и усадивший к себе на колени повизгивающую девку, прекратил на мгновение лапать ее, чтобы сделать то же, что и горшечник. И еще один.

Конан перегнулся через перила, чтобы посмотреть, что же они все увидели, и обнаружил Тамиру, скромно одетую в бледно-голубой наряд, с отмытым лицом, так что кожа была девственно свежей... и с поднятой к губам деревянной кружкой. Вздохнув, она поставила, перевернув вверх дном, кружку на стол, что служило сигналом для прислуживающих девушек снова наполнить ее.

Улыбнувшись, Конан вынул из-за пояса плоский метальный нож. Рука его мелькнула, и черное лезвие уже дрожало в дне перевернутой кружки. Тамира вздрогнула, но тут же снова стала спокойной, и только пальцы левой руки барабанили по крышке стола. Улыбка киммерийца померкла. Тихо выругавшись, он степенно направился к лестнице.

Когда он достиг стола, за которым сидела девушка, метальный нож уже исчез. Он не обратил внимания на удивленные взгляды мужчин за соседними столами и сел напротив нее.

– Ты обещала мне восемь золотых, – были его первые слова.

Уголки рта Тамиры дернулись вверх.

– Так мало? Я получила сорок от княгини Зайеллы.

Конан вцепился в край стола так, что дерево заскрипело,

протестуя. Сорок!

– Зарат из Кофа дал бы сотню, – пробормотал он, затем быстро продолжил, пока она не успела спросить, почему же ему в таком случае должны были дать лишь восемь. – Я хочу с тобой поговорить.

– А я с тобой, – сказала она. – Я не для того явилась в такое заведение и позволила тебе найти меня, чтобы...

– Позволила найти тебя! – взревел Конан. Посетитель за соседним столиком быстро поднялся и поспешил прочь.

– Конечно, позволила. – Лицо и голос ее были спокойны, но пальцы забарабанили снова. – Как могла я не заметить, что каждый нищий в Шадизаре и огромное число потаскух выспрашивают о том, где я?

– А ты думала, я тебя забуду? – саркастически спросил он.

Она продолжала так, будто он ничего и не говорил:

– Ладно, но я этого не потерплю. Ты помешаешь моему... ты привлечешь к себе внимание моих родственников. Им не понравится то, что чужак следит за мной. Я привела тебя сюда, подальше от Пустыни, в надежде, что они не узнают о нашей встрече. Ты обнаружишь нож у себя в горле, киммериец. Но почему-то, сама не знаю почему, я этого не хотела бы.

Конан молча глядел на нее до тех пор, пока ее большие темные глаза не начали взволнованно моргать. Пальцы участили барабанную дробь.

– Значит, ты все-таки знаешь, из какой я страны.

– Дурак, я пытаюсь спасти тебе жизнь.

– О тебе заботятся дяди? – спросил он вдруг. – Наблюдают за тобой? Охраняют тебя?

– И ты сам узнаешь, насколько тщательно, если не оставишь меня в покое. Что ты так довольнo улыбаешься?

– Просто теперь я знаю, что буду твоим первым мужчиной. – Голос его был спокоен, но все его мускулы напряглись.

Тамира, не веря своим ушам, молча открыла рот, а щеки ее залила алая краска. Вдруг с губ девушки сорвался крик, и в руке ее оказался метательный нож.

Конан бросился со скамейки в тот миг, когда рука ее взметнулась. За его спиной вскрикнул подмастерье и недоуменно уставился на кончик собственного носа, с которого тек красный ручеек и образовывал новые разводы на закапанной краской рубахе.

Конан осторожно поднялся на ноги. Тамира потрясала перед ним кулачками вне себя от ярости. По крайней мере, подумал он, у нее больше нет таких ножей. Иначе нож был бы уже выхвачен.

– Но ты должна меня просить, – сказал он, будто не был прерван. – Когда попросишь, мы будем в расчете за те восемь золотых, что ты украла у меня.

– Чтоб тебя Эрлик побрал! – задыхалась она. – Митра раздери твою душу! Подумать только, что я беспокоюсь... подумать, что мне... Да ты всего лишь олух! Надеюсь, что мои дяди действительно тебя поймают! Надеюсь, что городская охрана выставит твою голову на обозрение! Надеюсь... наде-

юсь... о-о!

Она вся тряслась от ярости.

– С нетерпением ожидаю наш первый поцелуй, – сказал Конан и увернулся от кружки, полетевшей ему в голову.

Спокойно повернувшись спиной к яростно кричащей девушке, он зашагал вверх по лестнице и вышел из таверны. Как только дверь за ним затворилась, его непринужденная манера тут же исчезла. Он спешно искал Лаэту и улыбнулся, когда она появилась с протянутой ладонью.

До того как она успела сказать хотя бы слово, он бросил ей две серебряных монеты.

– Будет еще, – сказал он. – Я хочу знать все о том, куда она ходит и с кем встречается. Тебе по монете каждые десять дней и столько же твоим приятелям.

Золото Баратсеса исчезло быстро, подумал он, но если повезет, то как раз должно хватить.

Лаэта, открывшая рот, чтобы поторговаться, могла лишь молча кивнуть.

Конан довольно улыбнулся. Тамира попалась. После представления, разыгранного им, она думает, что он придурок и шут, намеревающийся соблазнить ее, чтобы расквитаться за прошлое. Он даже сомневался, помнила ли она свою оговорку. Она чуть было не сказала, что он может помешать ее следующему делу. Она замышляет кражу, и ей не нужен конкурент. Но на этот раз первым будет он, а пустой постамент обнаружит она.

Глава 4

Большинство заморийских аристократов, думала княжна Йондра, расхаживая по дворцовому саду, сожалели о том, что последним из Перашанидов была женщина. Аккуратно засучив рукав своего ярко-красного шелкового одеяния, она обмакнула пальцы в искрящиеся воды фонтана, обрамленного мрамором с серыми прожилками. Краем глаза она разглядывала человека, который стоял рядом с ней. Его красивое лицо и черные глаза излучали самоуверенность. Тяжелая золотая цепь, каждое звено которой было добыто усердием его семьи, висела поверх изящных складок цитриновой рубахи. Князь Амарид ничуть не сожалел о том, что она женщина. Это означало, что все богатство Перашанидов достанется ему вместе с ее рукой... Если ему только удастся заполучить ее руку.

– Погуляем еще, Ама, – сказала она и улыбнулась при виде его неудачной попытки скрыть гримасу, вызванную этим данным ею ласковым прозвищем. Она была уверена, что он примет улыбку на свой счет. Он не в состоянии думать иначе.

– Сад прелестен, – сказал он. – Но все же не так прелестен, как ты.

Вместо того чтобы взять предложенную ей руку, она пошла дальше по мощеной дорожке, вынуждая его торопиться, чтобы догнать ее.

В конце концов ей придется вступить в брак. Мысль эта вызвала вздох сожаления, но долг сделает то, что не удалось легионам претендентов на ее руку. Она не может позволить роду Перашанидов закончиться на ней. Еще один вздох сорвался с ее пухлых губ.

– В чем причина такой меланхолии, моя сладость? – бормотал Амарид ей в ухо. – Позволь мне испробовать твой медовый поцелуй, и я прогоню все твои печали.

Она ловко увернулась от его губ, но не стала ничем другим рушить его надежду. В отличие от большинства заморийских аристократок, она мало кому из мужчин позволяла даже поцеловать себя, не говоря уж о чем-то большем. Но даже если она и не могла сдержаться и не поиздеваться над напыщенностью Амарида, его не следует прогонять совсем.

По крайней мере, он достаточно высок, подумала она. Она никогда не позволяла себе задумываться над причиной того, почему она выше большинства мужчин в Заморе, но она уже давно решила, что муж должен быть выше нее.

Амарид был выше на голову, но зато слишком хрупок. Она представила себе мужчину, которого бы хотела иметь мужем. Аристократического происхождения, конечно. Превосходный наездник, стрелок и охотник, разумеется. Телосложение? Выше Амарида примерно на голову. Шире в плечах, с широкой мощной грудью. Красивый, но более грубой красотой, чем ее спутник. Его глаза...

Вдруг она чуть не вскрикнула, когда узнала, чей образ она

нарисовала себе. Она одела его как заморийского аристократа, но это был голубоглазый уличный бродяга, помешавший ее процессии, возвращавшейся с охоты. Лицо ее залилось краской. Голубые глаза! Варвар! Будто дымчато-серые огни вспыхнули ее собственные глаза. Как только могла она думать о том, чтобы позволить такому типу дотронуться до себя, даже не подозревая об этом! Митра! Тем хуже, что не подозревая!

– ...И во время моей последней охоты, – говорил Амарид, – я убил действительно замечательного леопарда. Даже лучше, чем те, что попались тебе, я полагаю. Я бы с удовольствием поучил тебя тонкостям охоты, моя маленькая конфетка. Я...

Йондра скрежетала зубами, в то время как он восторженно продолжал. Однако он действительно охотник, притом знатного происхождения. Если он и дурак – а в этом она почти не сомневалась, – тем проще будет с ним справляться.

– Я знаю, зачем ты пришел, Ама, – сказала княжна.

– ...когти величиной с... – Голос аристократа затих, и он недоуменно заморгал. – Знаешь?

Она не могла скрыть раздражения в голосе.

– Ты хочешь взять меня в жены. Ведь правда? Ну?

Она быстро направилась по саду к тиру. Амарид поколебался, затем побежал за княжной.

– Ты даже не представляешь, каким счастьем меня наполнила, сладчайшая. Сладчайшая? Йондра? Куда же ты... а?

Йондра отстранила руки, пытающиеся обнять ее, луком, снятым ею с позолоченной подставки, стоявшей на траве. Спокойно она надела на левую руку кожаную накладку, чтобы защитить кожу от тетивы. Еще один лук и вторая накладка, а также два черных лакированных колчана, полные стрел, висели на подставке.

– Ты должен... сравняться со мной, – сказала она, указав жестом на маленькую круглую мишень, сделанную из плотно переплетенной соломы, висящую на верху деревянной рамы высотой в три человеческих роста на расстоянии в сто шагов от них. Она намеревалась сказать «превзойти», но в конце концов не решилась. В действительности она не верила, что кто-нибудь может превзойти ее, – ни с луком, ни верхом. – Я не могу вступить в брак с человеком, который стреляет хуже меня.

Амарид поглядел на мишень, затем взял, самодовольно улыбаясь, второй лук.

– А почему так высоко? Не важно. Спорим, что побью тебя в этом. – Он рассмеялся, и смех этот напоминал ржание и никак не вязался с его внешностью. – Я выиграл, стреляя, много кошельков, но ты будешь самым лучшим моим призом.

Рот Йондры напрягся. Засучив свободные рукава, она положила стрелу и крикнула:

– Миней!

Лысеющий человек в короткой белой рубахе слуги вышел

из кустов рядом с рамой и потянул за веревку, укрепленную рядом с мишенью. Тотчас мишень, не больше человеческой головы, начала скользить вниз по диагонали, раскачиваясь из стороны в сторону на длинном деревянном рычаге. Было ясно, что она должна будет двигаться, увеличивая скорость до самой земли.

Йондра не поднимала своего лука до того, как мишень прошла половину первой диагонали. Зато тем быстрым движением она вскинула лук, натянула тетиву и выпустила стрелу. Стрела вонзилась в цель жестким ударом, не замедлив падения мишени. Но еще до этого в воздух взлетела уже вторая стрела, а за ней следовала третья. Когда соломенная мишень упала на землю, княжна опустила лук со вставленной, но не выпущенной стрелой. Это была седьмая. Шесть стрел с перьями украшали мишень.

– Рукава немного мешают, – сказала она огорченно. – В твоей рубашке можно выпустить больше шести. Дай мне только надеть охотничий костюм... Тебе плохо, Ама?

Лук Амарида болтался в расслабленной руке. Аристократ глядел, побледнев, на мишень. Когда он повернулся к княжне, бледность сменила густая краска. Он с трудом выговорил:

– Я слышал, что тебе доставляет удовольствие превосходить мужчин, но я не думал, что ты заявишь, что готова вступить в брак лишь для того, чтобы втянуть меня в... это! – Он выплюнул последнее слово и швырнул лук в сторону простреленной мишени. – Какой бритунийской ведьмовщиной

ты воспользовалась, чтобы заколдовать свои стрелы?

Руки ее дрожали от гнева, когда она подняла лук, положила стрелу и натянула тетиву, но она заставила их успокоиться.

– Убирайся! – сказала княжна сурово.

Разинув рот, смуглый аристократ глядел на стрелу, нацеленную ему в лицо. Он резко развернулся и побежал, прыгая из стороны в сторону, ссутулясь, пытаясь увернуться от ее стрел и одновременно готовясь принять выстрел в спину.

Она проследила за каждым его прыжком и скачком, по-прежнему нацелив стрелу на него, пока он не скрылся в кустах. Лишь тогда она сделала выдох и ослабила тетиву. Мысли, которые она приучалась к себе не допускать, нахлынули снова.

Князь Карентид, ее отец, был генералом заморийской армии, а также и последним представителем древнего рода. Ведя кампанию на границе Бритунии, он выбрал себе пленницу, Камардику, высокую и сероглазую, которая утверждала, что она жрица. В этой связи не было ничего необычного, ибо заморийские солдаты часто забавлялись с пленными бритунийскими женщинами и в Заморе несть числа рабыням из Бритунии, но Карентид взял пленницу замуж. Взял замуж и тем самым подвергся остракизму.

Йондра помнила его тело – его и... той женщины, – лежащее в гробу, после того как лихорадка унесла столько жизней в городе, не пощадив ни аристократа, ни нищего. Йон-

дру растили, обучали и охраняли так, как и полагается наследнице несметных богатств и представительнице древнего аристократического рода.

Однако ее рост и проклятые серые глаза... И она слышала, как люди шепчут. Полукровка. Дикарка. Бритунийка. Она слышала это, пока ее искусство стрельбы, ее вспыльчивость и отсутствие страха перед последствиями не прекратили этот шепот там, где она могла его слышать.

Она была княжна Йондра из дома Перашанидов, дочь генерала, князя Карентида, последняя из рода, не уступающего в знатности роду самого царя Тиридата, и никому не было позволено упоминать что-либо еще.

– Он ни разу бы не попал, моя госпожа, – произнес тихо голос у ее локтя.

Йондра взглянула на лысеющего слугу, на его озабоченное морщинистое лицо.

– Не тебе так говорить, Миней, – сказала она, но в голосе ее не было злобы.

Лицо Миней изобразило почтение.

– Повинуюсь, моя госпожа. Если моей госпоже угодно, то девушка, присланная княгиней Роксаной, здесь. Я отвел ее во вторую гостиную, но могу и увести, если ты все еще так хочешь.

– Если мне не дано выйти замуж, – ответила она, аккуратно кладя на место свой лук, – значит, служанка мне все-таки понадобится.

Во второй гостиной, пол которой был выложен мозаикой с зелеными и золотыми арабесками, стояла хрупкая девушка в короткой темно-синей рубаше – такой цвет заставляла носить своих служанок княгиня Роксана. Ее темные волосы были заплетены в простую косу, которая свисала до самой поясицы. Девушка опустила глаза, глядя на свои маленькие ножки, когда в зал вошла княжна Йондра.

На столике из черного дерева, инкрустированного слоновой костью, лежали две таблички, покрытые с одной стороны воском и связанные вместе шелковым шнурком. Йондра тщательно осмотрела печати на шкурке. Мало кто из не принадлежащих к классу аристократов или торговцев мог писать, но были случаи, когда слуги пытались внести изменения в свои рекомендации. Эти печати были целы. Княжна перерезала шнурок и стала читать.

– Почему ты хочешь оставить службу у княгини Роксаны? – спросила она вдруг. – Лиана? Так тебя зовут?

– Да, моя госпожа, – ответила девушка, не поднимая головы. – Я хочу стать горничной, моя госпожа. Я работала у княгини Роксаны на кухне, но ее горничные обучали меня. У княгини Роксаны не было места для еще одной горничной, но она сказала, что тебе, моя госпожа, она нужна.

Йондра нахмурилась. У этой девчонки даже не хватает духу посмотреть ей в глаза! Она терпеть не могла трусости у собак, лошадей, а также у слуг.

– Мне нужна девушка, чтобы обслуживать меня на охоте.

Последние две не справились с трудностями. Ты считаешь, что твое желание стать служанкой сохранится, несмотря на жару, мух и песок?

– О да, моя госпожа.

Медленно Йондра обошла вокруг девушки, разглядывая ее со всех сторон. На вид она определенно крепкая, чтобы выдержать жизнь в охотничьем лагере. Кончиками пальцев княжна приподняла подбородок девушки.

– Симпатичная, – сказала Йондра, и ей показалось, что она заметила искры в этих больших темных глазах. Возможно, у нее, в конце концов, действительно достаточно храбрости. – Я не потерплю, чтобы моей охоте помешало то, что охотники будут страдать из-за хорошенького личика, девушка. Смотри не строй им глазки.

Йондра улыбнулась. На этот раз в глазах действительно мелькнула вспышка гнева.

– Я девственница, моя госпожа, – сказала девушка с едва заметной ноткой чопорности в голосе.

– Конечно, – сказала Йондра уклончиво. Мало кто из служанок были девственницами, однако они считали, что это дает больше возможностей при получении места. – Удивительно, что княгиня Роксана отпустила тебя, принимая во внимание все похвалы, какими она тебя осыпает. – Она постучала ногтем по навощенным табличкам. – Со временем я узнаю, достойна ли ты этих похвал. В любом случае знай, что я не потерплю и намека на непослушание, ложь, воров-

ство и лень. Я не бью свою прислугу так часто, как некоторые, но прегрешения в этой области будут стоить тебе ударов плеткой. – Княжна наблюдала, как искры в глазах девушки потухли – в них теперь читалось усердие и рвение к работе по мере того, как значения слов доходили до нее.

– Моя госпожа, клянусь, что буду служить тебе так, как того заслуживает такая знатная особа.

Йондра кивнула.

– Миней, проводи ее в комнаты прислуги. И вызови сюда Арвания.

– Повинуюсь, моя госпожа.

Она тут же позабыла об этом деле. Звуки шагов Миней, уводящего девушку, уже не имели значения. Положив таблички на стол черного дерева, она прошла по залу к высокому узкому шкафу, сделанному из украшенного резьбой розового дерева. Дверцы распахнулись и открыли взгляду полки со свитками пергамента, каждый из которых был перевязан лентой. Она торопливо порылась среди свитков.

Случай с Амаридом утвердил ее решение. То, что слухи о ее происхождении по-прежнему расплзаются, было достаточной причиной для того, чтобы оставить мысль о замужестве. Вместо этого...

Амарид сказал, что она любит превосходить мужчин. Что же ей делать, если мужчины со своей дурацкой гордостью не могут принять того, что она лучше их – и в стрельбе, и в скачках, и на охоте? Она превзойдет их, поскольку так и

должно быть. Она сделает то, на что ни у одного из них не хватит ни умения, ни отваги.

Княжна развязала ленту, связывающую свиток, и пробежала глазами по пергаменту, пока не нашла то, что искала.

«У зверя, моя госпожа, говорят, есть чешуя, но передвигается он на ногах. Отсеивая явные преувеличения, вызванные страхом, я могу с определенностью доложить, что он поедает людей и скот. Обитает он, моя госпожа, по-видимому, в Кезанкийских горах рядом с границей Заморы и Бритунии. Учитывая происходящее сейчас волнение среди горских племен, я не могу советовать...»

Йондра смяла пергамент. Она вернется со шкурой этого необычного зверя в качестве трофея. Пусть только кто-нибудь из подобных Амариду заикнется о том, что сможет сделать то же самое. Пусть только посмеет.

* * *

Тамира семенила следом за Минеем по коридорам дворца, едва слушая лысеющего старика, который говорил ей о ее обязанностях и рассказывал о других слугах. До самого последнего момента она не была уверена, что план ее срабатывает, даже после такой тщательной подготовки.

Сорок золотых получила она от Зайеллы, и все ушло на приготовления к этому делу. Большая часть потрачена бы-

ла на дворецкого Роксаны, позволившего воспользоваться личной печатью княгини. Проверок, однако, не будет, и подвох не обнаружат, поскольку княгиня Роксана покинула город днем раньше. Тамира позволила себе улыбнуться. Через несколько дней у нее будет сказочное ожерелье и тиара Йондры.

– Не отвлекайся, девушка, – сказал раздраженно Миней. – Тебе все это надо знать, чтобы помогать в приготовлении к охоте княжны Йондры.

Тамира заморгала.

– К охоте? Но ведь она только что вернулась с охоты.

– Ты видела, как я говорил с Арвaniem, занимающимся делами, связанными с охотой. Нет сомнения в том, что вы отправитесь, как только соберут припасы.

Девушку охватила паника. В ее планы не входило на самом деле отправляться в поход с Йондрой. Зачем потеть в шатре, когда драгоценности остаются в Шадизаре. Конечно, они и останутся там, когда она вернется. Но может вернуться и княгиня Роксана.

– Я... я должна позаботиться... о своих вещах, – промямлила она. – Я оставила свою одежду во дворце княгини Роксаны. И свою любимую заколку. Мне нужно принести...

Миней прервал ее:

– Когда получишь инструкцию о подготовке к охоте. Ты должна позаботиться не только о том, чтобы были упакованы платья и драгоценности моей госпожи, но ты должна про-

следить за ее духами, мылами и маслами для купания, и...

– Она... госпожа берет на охоту украшения?

– Да, девушка. Слушай внимательно. Румяна и пудра моей госпожи...

– Ты имеешь в виду несколько браслетов и брошек? – не отставала Тамира.

Старик потер лысину и вздохнул.

– Я не имею в виду ничего подобного, девушка. По вечерам моя госпожа наряжается, чтобы обедать во всем великолепии. Ладно, поскольку ты кажешься мне рассеянной по какой-то причине, я прослежу за тем, как ты исполнишь свои обязанности.

Остаток утра и часть дня Тамиру перебрасывали с одной работы на другую, и все это происходило под неусыпным оком Минея. Она сложила шелковые и кружевные одежды Йондры – три раза ей пришлось переделывать это, пока Миней не остался доволен, – и уложила их в плетеные корзины. Редкие духи из Вендии и пудры из Кхитая, румяна из Султанапура, дорогие масла и мази из дальних краев – все завернула она в мягкие тряпочки и уложила, и все это время лысеющий старикашка висел над ней и напоминал, что с каждым флакончиком и с каждой баночкой нужно обращаться так нежно, как с младенцем. Затем, еле переступая под тяжестью корзин, она и другие служанки отнесли свой груз на двор конюшни, где готовили выючных животных к утру.

Каждый раз, когда Тамира проходила по покоем Йондры,

у нее текли слюнки при виде ларцов – железных ящичков с толстыми стенками – для переноски украшений аристократки. Ларцы стояли и дразнили на фоне увешанных гобеленами стен. Но сейчас они были просто железом, поскольку их заполнят лишь в последний момент. Все же украшения отправятся вместе с ней. Тамира не могла не улыбнуться.

Испытывая острую боль во всем теле от непривычного труда, Тамира обнаружила, что Миней подвел ее к боковой двери дворца.

– Принеси свои вещи, девушка, – сказал он, – и поскорее возвращайся. Есть еще работа.

Она не успела произнести ни слова, как ее уже вытолкнули на улицу и дверь захлопнулась у нее перед носом. Она простояла довольно долго, уставив удивленный взгляд в выкрашенное красным дерево.

Она уже позабыла о выдуманных по панике оставленных вещах. Ее первоначальный план требовал, чтобы она оставалась во дворце до тех пор, пока ожерелье и тиара не будут у нее в руках. Тогда Конан никак не выведает о том, что она собирается сделать. Огромный варвар, похоже, собирается...

До нее дошло наконец, что она за пределами дворца, поэтому она быстро развернулась, чтобы оглядеть узкую улочку. У стены напротив уныло сидел на корточках кезанкий горец в тюрбане, и несколько оборванных ребятишек играли на грубой мостовой в бабки. Тамира облегченно вздохнула. Не было видно ни нищего, ни потаскухи. Дяди найдут ей все

необходимое, чтобы Миней был доволен. Внимательно следя за тем, чтобы не попасться на глаза наблюдателям Конана, она поспешила по улице.

Трое ребяташек, на которых она не обратила внимания, прервали игру и пошли следом.

Горец проводил девушку похотливым взглядом, затем неохотно принялся снова рассматривать дворец.

Глава 5

За угловым столом в заведении Абулета сидел Конан и мрачно глядел в кружку, наполовину наполненную дешевым кофийским вином. Семирамида в пояске из монет и в двух полосках алого шелка сидела на коленях туранца в другом конце битком набитого зала, но сейчас не это было причиной плохого настроения киммерийца. Полученных от Баратсеса денег стало еще меньше после вчерашней игры в кости. Поскольку все мысли Конана были о Тамире, он не думал, где раздобыть еще монет. И что еще хуже, он не имел никаких сведений от Лаэты. Прошел лишь день после того, как он послал ребят следить за Тамирой, но он был уверен – уверен так, будто темноглазая воровка сама сказала об этом, – что она уже совершает задуманную ею кражу. Кражу, в которой он поклялся опередить ее. И у него нет никаких сведений!

Поморщившись, он поднял кружку и допил остатки вина. Когда он поставил кружку, то увидел, что по другую сторону стола стоит высокий и костлявый человек. Дорогая черная хауранская накидка, отделанная по краям материей, была плотно запахнута, чтобы нельзя было узнать подошедшего.

– Что тебе надо, Баратсес? – проворчал Конан. – Я оставляю себе два золотых, как плату за попытку, и ты должен быть счастлив, что это так дешево.

– У тебя есть комната в этом... заведении? – Торговец специями обежал взглядом зал, в котором стоял пьяный гул, будто ожидал, что на него могут накинуться в любое мгновение. – Я хочу поговорить с тобой наедине.

Конан недоверчиво покачал головой. Этот придурок явно оделся в то, что посчитал неброской одеждой, но столь же явным было и то, что он не обитатель Пустыни. Его приход, конечно, был замечен, и разбойники столпились в девять рядов на улице, ожидая, когда он выйдет, но здесь, где он в безопасности, он боится ограбления.

– Кром, – сказал Конан и повел торговца по шаткой деревянной лестнице в задней части обеденного зала.

Его комната была простым ящиком из грубых досок, с узким окном, заколоченным в тщетной попытке уберечься от вонючей, доносящейся из переулка за таверной.

Широкая низкая кровать, стол, одна ножка которого была короче других, и единственный табурет составляли всю обстановку. Все вещи киммерийца – кроме старинного меча, который он всегда носил с собой, – висели на гвоздях, вбитых в стену.

Баратсес презрительно оглядел комнату, и Конан вскипел:

– Не могу позволить себе приобрести дворец. Пока. Ну, зачем ты сюда пришел? Еще что-нибудь надо украсть? На этот раз хорошо заплатишь, или ищи кого-нибудь другого.

– Ты не выполнил еще предыдущего заказа, киммериец. – Хотя дверь была закрыта, торговец по-прежнему прятал свое

лицо под накидкой. – Я принес остальную часть золота, но где мой кубок? Я знаю, что у Самарида его больше нет.

– У меня его тоже нет, – огорченно ответил Конан. – Другой побывал там раньше меня. – Конан поколебался, он не мог избавиться от мысли, что Баратсесу за те два золотых положены хотя бы какие-то сведения. – Я слышал, что кубок теперь у княгини Зайеллы.

– Значит, она предложила тебе больше, чем я, – пробормотал Баратсес. – Я слышал, что у тебя есть некое странное представление о честности, но вижу, что ошибался.

Взгляд киммерийца сделался ледяным.

– Не называй меня лжецом, торговец. Украл кубок не я.

– В комнате душно, – сказал Баратсес. – Мне жарко. – Он скинул накидку, взмахнув перед собой одной полой.

Инстинкт подсказал киммерийцу, что здесь что-то не так. Когда полы накидки уже не мешали, Конан ударил Баратсеса по кисти, остановив карпашский нож с черным лезвием на расстоянии ладони от своего горла.

– Придурок! – произнес киммериец.

Полетели брызги крови и осколки зубов, раскрошенных ударом кулака Конана. Кинжал вывалился из слабых пальцев и упал на пол на мгновение раньше, чем сам Баратсес.

Огромный киммериец нахмурился, глядя на лежащего без сознания человека. Кинжал Баратсес выхватил из ножен, закрепленных на предплечье. Конан нагнулся, чтобы взять ножны, и бросил их и нож на накидку.

– Покушение на мою жизнь, – сказал он наконец, – будет стоить тебе того золота, что ты принес.

Отвязав кошелек от пояса торговца, он высыпал содержимое на ладонь. Золота там не было, лишь серебро и медь. Он подсчитал и поморщился. На три медяка больше золотого. Похоже, что смерть его была запланирована, независимо от того, есть ли у него кубок или нет. Высыпав монеты в кошелек, он швырнул его к кинжалу и ножнам.

Баратсес на полу пошевелился и простонал.

Схватив в кулак рубаху своего костлявого посетителя, Конан поднял его на ноги и стал трясти до тех пор, пока глаза торговца не открылись. Баратсес издавал булькающий стон, когда обследовал языком обломки зубов.

– У меня нет этого кубка, – сурово произнес киммериец. Он легко оторвал ноги торговца от пола. – У меня никогда не было этого кубка. – Он сделал шаг и ударил Баратсеса спиной о заколоченные ставни, которые тут же распахнулись. Торговец с окровавленным лицом повис над переулком на вытянутой руке Конана. – И если еще раз тебя встречу, выбью оставшиеся зубы.

Конан разжал кулак.

Вой Баратсеса оборвался, когда он плюхнулся в смесь, состоящую из равных частей грязи, помоев и содержимого ночных горшков. Тощая собака, которой помешали копаться в очистках, начала ожесточенно лаять. Еле поднявшись на ноги, Баратсес принялся дико озираться по сторонам, затем

бросился бежать.

– Убивают! – орал он. – Убивают!

Конан вздохнул, проводив торговца взглядом.

Услышав эти крики, никто не придет на помощь здесь, в Пустыне, но после того, как он выберется из этих кривых улочек, городская охрана быстро примчится. И внимательно выслушает рассказ уважаемого торговца.

Вероятно, было бы лучше, если бы он перерезал этому костлявому глотку, однако убийствами он не занимался. Ему придется временно оставить город, пока шум не уляжется. Кулак, вышибивший Баратсесу зубы, ударил по оконной раме. А когда вернется, Тамира уже совершит кражу. Он может вообще не узнать, что она украла, не говоря уже о том, чтобы украсть его первым.

Конан начал поспешно собираться. Содержимое кошелька Баратсеса было добавлено к тому, что оставалось в кошельке киммерийца. Кинжал в ножнах он привязал к левому предплечью, затем набросил на плечи черную накидку. Она была немного маловата, но зато в десять раз лучше, чем то, что имел Конан.

Он нахмурился, почувствовав что-то на груди, и пощупал рукой подкладку. Там был пришит маленький мешочек. Из него киммериец вынул серебряную коробочку с крышкой, украшенной синими камнями. Сапфиры низкого качества, оценил он опытным глазом.

Конан открыл коробочку и презрительно скривил губы,

увидев там зеленоватый порошок. Пыльца зеленого лотоса из Вендии. Похоже, что Баратсес любил вызывать сны тогда, когда хотел. Небольшое количество этого зелья может принести десять золотых. Перевернув коробочку, Конан постучал по донцу ладонью, чтобы вся пыльца высыпалась на пол. Этим он не занимается.

Он быстро оглядел остальные свои вещи. Здесь не было ничего ценного. Почти два года занятия воровством, и это все, что он приобрел. Такой придурок, как Баратсес, может выбросить на сны столько, сколько он может заработать ночью, рискуя жизнью. Распахнув дверь, Конан, безрадостно рассмеявшись, похлопал потертую кожу на рукояти меча.

– Все равно мне нужно только это, – сказал он себе.

Абулет медленно подошел к стойке, заметив жест Конана.

– Мне нужна лошадь, – сказал киммериец, когда хозяин таверны наконец приблизился. – Хорошая лошадь. А не такая, что годится только на мыло.

Черные глаза Абулета, глубоко сидящие на измазанном сажей лице, глядели то на накидку на плечах Конана, то на лестницу.

– Тебе нужно быстро покинуть Шадизар, киммериец?

– Тела здесь не найдут, – успокоил его Конан. – Просто разногласия с человеком, к словам которого может прислушаться городская охрана.

– Очень плохо, – проворчал Абулет. – Дешевле избавиться от тела, чем купить лошадь. Но я знаю одного человека... –

Вдруг он бросил гневный взгляд через плечо Конана. – Эй ты! Вон отсюда! Я не пускаю сюда грязных воришек!

Конан оглянулся. В дверях стояла Лаэта, яростно глядя на хозяина таверны.

– Она пришла ко мне, – сказал киммериец.

– Она? – произнес недоверчиво Абулет, но разговаривал он за спиной Конана.

– У тебя есть сведения о Тамире? – спросил Конан, подойдя к девочке. Похоже, к нему снова возвращается сопутствовавшая ему последнее время удача, подумал он: сведения он получает тогда, когда не может ими воспользоваться.

Лаэта кивнула, но промолчала. Конан выудил из кошелька два серебряных кругляша, но, когда она протянула за ними руку, он поднял их так, чтобы Лаэта не дотянулась, и взглянул вопросительно.

– Ладно, большой человек, – вздохнула она. – Но тебе лучше дать мне деньги. Вчера утром твоя воровка пошла во дворец княжны Йондры.

– Йондры! – Значит, она подбирается к ожерелью с тиарой. А ему надо выметаться из города. Скрипя зубами, он бросил монеты Лаэте. – Почему ты не сказала об этом тогда?

Она спрятала серебро под рваной рубахой.

– Потому что она снова оттуда вышла. И, – прибавила Лаэта неохотно, – мы потеряли ее след на Катара-базаре. Но этим утром я послала Урию следить за дворцом Йондры, и он снова ее видел. На этот раз она появилась одетая как слу-

жанка, и она ехала на телеге с провизией следом за охотниками Йондры. Все они вышли из города через Львиные ворота. Песочные часы перевернулись уже больше шести раз. Урия не спешил рассказывать мне, и я уменьшила за это его долю серебра.

Конан внимательно посмотрел на девочку, размышляя, не выдумала ли она эту историю. Она казалась слишком фантастической. Если только... если только Тамира не обнаружила, что Йондра берет свои знаменитые ожерелье и тиару с собой. Но на охоту? Не важно. Он все равно должен покинуть Шадизар. Так что может поскакать на север и сам посмотреть, что задумала Тамира.

Он уже было отвернулся, но вдруг остановился, посмотрев на измазанное грязью лицо Лаэты и большие внимательные глаза, впервые разглядев ее по-настоящему.

– Подожди здесь, – сказал он ей.

Она бросила на него короткий вопросительный взгляд, но осталась стоять на месте, когда он отошел.

Он нашел Семирамиду в дальнем конце зала, где она стояла, прислонившись к стене и скрестив ноги. Киммериец быстро отделил половину монет из бывших у него в кошельке и сунул их в руку Семирамиде.

– Конан, – начала протестовать она, – ты же знаешь, что я не возьму денег...

– Это для нее, – сказал он, кивнув головой в сторону Лаэты, которая подозрительно следила за ним. Семирамида

недоуменно подняла брови. – Через год она уже не сможет изображать мальчика, – объяснил он. – Уже сейчас ей приходится мазать лицо грязью, чтобы скрыть, что она симпатична. Я подумал, что, может быть, ты... – Он неловко пожал плечами, не зная сам, что хочет сказать.

Семирамида привстала на цыпочки и коснулась губами его щеки.

– Это не поцелуй, – рассмеялся он. – Если ты хочешь проститься...

Она приложила палец к губам:

– Ты на самом деле лучше, чем пытаешься притвориться, киммериец. – С этими словами она выскользнула из его объятий.

Думая о том, были ли женщины сотворены теми же богами, что и мужчины, он смотрел, как Семирамида подходит к Лаэте. Обе тихо заговорили, посмотрели на него, а затем вместе отправились к свободному столу. Когда они ели, Конан вдруг вспомнил о собственных делах. Он подошел к стойке и поймал за рукав проходившего мимо хозяина.

– Насчет лошади, Абулет...

Глава 6

Темнота беззвучно висела над Шадизаром, по крайней мере в той его части, где находился дворец Перашанидов. Мужчина с грубыми чертами лица, с бородой, разделенной на три косички, одетый в грязный тюрбан и испачканную кожаную жилетку, вышел из тени и замер, когда ночную тишину нарушил лай собаки. Затем снова стало тихо.

– Фаруз, – позвал тихо бородатый. – Джхаль, Тирджас.

Трое названных вышли из темноты, каждый в сопровождении десятка кезанкийских горцев.

– Истинные боги направляют наши сабли, Джинар, – тихо сказал один из горцев, когда они проходили мимо бородатого.

Сапоги глухо стучали по мостовой, каждая из колонн спешила к назначенной ей цели. Фаруз проведет своих людей через западную стену сада, Джхаль – через северную. Тирджас должен наблюдать за воротами дворца и сделать так, чтобы никто из них не вышел... живой.

– Давай, – скомандовал Джинар, и десять угрюмых горцев поспешили за ним к восточной стене сада.

У основания стены два горца согнулись, подставив руки, чтобы на них могли стать сапоги Джинара. Джинар ухватился за верхний край стены, вскарабкался на нее и спрыгнул с другой стороны. Он удивился тому, сколько здесь было за-

трачено труда. Сколько пота ради каких-то растений. Воистину люди городов безумны.

Тихий звук прыжков возвестил о том, что к нему присоединились его люди. С шорохом металла о кожу ножен были выхвачены сабли, и один горец яростно проговорил:

– Смерть неверным!

Джинар зашипел, требуя соблюдать тишину, не желая говорить, чтобы не показать своим людям чувства, возникшие у него оттого, что он находится в городе. Столько народу собрано в одном месте. Столько домов. Столько стен давит вокруг. Джинар дал горцам знак, чтобы они следовали за ним.

Колонна тихо пробиралась по саду. Двери во дворец были открыты. Все идет хорошо, подумал Джинар. Остальные наверняка уже пробираются во дворец в других местах. Тревогу никто не поднял. Благословение древних богов действительно с ними, как сказал ималла Басракан.

Неожиданно перед ними возник человек в белой рубахе слуги, который уже раскрыл рот, чтобы закричать. Сабля просвистела еще до того, как горец успел подумать, и перерубила слуге горло.

Глядя на дергающееся тело в луже крови, растекающейся по мраморному полу, Джинар обнаружил, что волнение его прошло.

– Разойтись! – приказал он. – Никто не должен остаться в живых и поднять тревогу. Вперед!

Издавая низкие горловые звуки, горцы разбежались с об-

наженными саблями в разные стороны. Джинар тоже побежал, отыскивая комнату, описанную ему Аккаданом, обливавшимся потом под взглядом ималлы Басракана. Еще три человека, разбуженные топотом ног, пали жертвой окровавленных клинков. Все были безоружные, и среди них была одна женщина, но все они были неверными, и Джинар не дал им возможности даже вскрикнуть.

Но вот он уже у цели, и все было в точности так, как говорил толстяк. Большие квадратные плитки красного, черного и золотистого цветов покрывали пол, образуя геометрические узоры. Стены были по пояс выложены красным и черным кирпичом. На мебель он не обратил внимания. Важно было лишь то, что горели лампы, и он мог видеть все плитки и кирпичи.

Все еще сжимая окровавленную саблю, Джинар забежал в ближайший уголок и надавил на черный кирпич – четвертый сверху и четвертый от угла. Горец довольно крикнул, когда кирпич провалился под его нажимом. Он быстро обошел остальные три угла – еще три кирпича провалились в стены.

Стук сапог в коридоре заставил его обернуться и поднять саблю. В комнату ворвался Фаруз со своими горцами.

– Нам надо спешить, – прорычал Фаруз. – Лысый старик проломил Кариму вазой череп и сбежал в сад. Он успеет поднять тревогу, прежде чем мы найдем его.

Джинар чуть не выругался. Торопясь, он поставил четырех человек на колени перед далеко отстоящими друг от дру-

га золотистыми плитками, образовав квадрат.

– Нажать всем вместе, – приказал он. – Помните, вместе. Давай!

С резким щелчком все четыре плитки опустились. Под ногами послышался скрежет. Медленно две секции пола поднялись вверх и открыли ведущую вниз лестницу.

Джинар бросился по лестнице и оказался в маленькой камере, выдолбленной в скале под дворцом. Сверху падал тусклый свет, выхватывая из темноты полки, уставленные ларцами. Торопясь, горец открыл один ларец, затем другой.

Изумруды и сапфиры на золотых цепочках. Опалы и жемчуг, вставленные в серебряные броши. Резная слоновая кость и янтарь. Но только не то, что он искал. Не обращая внимания на богатства, бородатый горец высыпал содержимое ларцов на пол. Драгоценные камни и золото падали на пол. Он топтал ногами сокровища, сравнимые с царскими, но даже не думал глядеть на них. С проклятием он бросил последний пустой ларец и взбежал по лестнице.

Подошли еще горцы, столпившиеся в комнате. Теперь некоторые уже протолкнулись мимо Джинара в нижнюю камеру. Ссорясь между собой, они запихивали себе под рубахи драгоценности.

– Огненных глаз здесь нет, – объяснил Джинар.

Люди внизу, задыхаясь от жадности, не обратили внимания на эти слова, но у оставшихся наверху в комнате вытянулись лица.

– Вероятно, женщина взяла их с собой, – предположил один, со шрамом в том месте, где раньше было левое ухо.

Фаруз громко плюнул.

– Это ты, Джинар, говорил, давай подождем. Трубит рог, и она отправляется на охоту, говорил ты. Она возьмет с собой стражу, и нам будет проще.

Джинар оскалил в ответ зубы:

– Это ты, что ли, Фаруз, предлагал нам поспешить? Ты не тратил время в тех местах, где женщины отдают свое тело в обмен на монеты? – Он сдержал гнев. Ощущение давящих стен вернулось. Что теперь делать? Возвратиться к ималле Басракану с пустыми руками, получив приказ доставить Огненные глаза... Он содрогнулся при этой мысли. Если Огненные глаза у заморской девки, значит, надо найти ее. – Остался кто-нибудь в живых из этих шакалов?

Все стали качать головой, давая отрицательный ответ, но Фаруз сказал:

– Джхаль оставил в живых одну девку, пока не насладится. Ты что, вместо того чтобы выполнять задание ималлы, хочешь присоединиться к нему?

Джинар вдруг выхватил кинжал. Он проверил лезвие мозолистым пальцем.

– Я иду задавать вопросы, – произнес он и зашагал вон из комнаты.

За его спиной споры о награбленном сделались громче.

Глава 7

Конан опустил поводья, которые упали на шею лошади, идущей медленным шагом, и принялся пить из бурдюка воду. Раньше он пил больше, даже когда солнце не палило так жарко с безоблачного неба, как палило сейчас, хотя оно поднялось лишь на три пяди над горизонтом. Накидка была скатана и примотана сзади седла, а на голове он кожаным шнурком закрепил кусок рубашки, как повязку бедуина.

Всюду, насколько мог видеть глаз, были холмы, иногда показывалась скала или огромный, ушедший наполовину в землю валун, и ни одного деревца, никакой растительности, кроме редких участков, поросших грубой травой.

Дважды с тех пор, как Конан покинул Шадизар, ему попались следы больших групп людей, и один раз он увидел заморийскую пехоту, направлявшуюся на север. Он решил не попадаться на глаза солдатам. Маловероятно, что у Баратсеса могло хватить влияния отправить в погоню армию, но человек той профессии, какую имел Конан, быстро понимал, что лучше избегать случайных встреч с большим числом солдат. Жизнь более спокойна и менее сложна без солдат. Следов охоты княжны Йондры он не встречал.

Заткнув бурдюк пробкой, он перекинул его через плечо и снова стал рассматривать следы, по которым шел сейчас. Одна лошадь, легко нагруженная. Всадник, возможно жен-

щина.

Он пнул свою чалую лошадь, и она поплелась трусцой, своим самым быстрым аллюром. Киммериец намеревался поговорить с Абулетом, когда вернется в Шадизар, тихо побеседовать о том, что тот сообщил торговцам лошадьми. Друг хозяина таверны утверждал, что у него нет других животных, кроме этого мерина, еле стоящего на ногах, и торговался так, будто знал, что у молодого человека есть веские причины для того, чтобы побыстрее убраться из Шадизара. Конан снова ударил каблуками, но лошадь быстрее не пошла.

Из-за холма доносилось становящееся все громче рычание. Въехав на холм, киммериец увидел все, что происходило внизу. Десяток волков делили труп лошади. Шагах в двадцати от них на валуне балансировала, сидя на корточках, княжна Йондра, сжав в руке лук. Еще пять огромных серых зверей ждали внизу, сосредоточив взгляд на ней.

Вдруг один из них быстро вышел вперед и прыгнул, пытаясь дотянуться до девушки на валуне. Она воспользовалась луком как дубинкой. Волк перевернулся в воздухе, его мощные челюсти схватили лук и вырвали его из рук княжны. Сила толчка вывела ее из равновесия, и она начала соскальзывать с валуна. Она вскрикнула, отчаянно цепляясь за камень, и повисла, находясь теперь ближе к тварям внизу. Она подтянула ноги, но следующий прыгнувший волк легко дотянется до них.

– Кром, – пробормотал Конан.

Раздумывать было некогда. Он ударил пятками чалую лошадь, отчего та, спотыкаясь, засемила вниз по склону.

– Кром! – взревел он и выхватил меч из потертых ножен.

Волчья стая поднялась на ноги и стала поджидать киммерийца. Йондра глядела на него, не веря своим глазам. Чалая, вытаращив глаза и издавая ржание от ужаса, вдруг понеслась галопом. Два волка прыгнули, пытаясь вцепиться ей в морду, и еще два бросились сзади, чтобы перекусить сухожилия. Переднее копыто раздробило серую мохнатую голову. Меч Конана рассек череп другому волку. Чалая лягнула и сломала ребра третьему, но четвертый вонзил ей в ноги сверкающие клыки. Жалобно заржав, лошадь споткнулась и упала.

Конан соскочил с седла, когда лошадь падала, успев встретить серую тварь взмахом меча.

Волк упал, рассеченный почти пополам. Конан слышал, как за его спиной чалая пытается подняться на ноги с диким ржанием, нанося копытами удары, достигающие цели. Не было возможности даже бросить взгляд на лошадь или посмотреть на Йондру, поскольку вся стая собралась вокруг него.

Конан принялся отчаянно рубить серых тварей, мечущихся вокруг, будто демоны. Кровь окрасила серый мех, и не вся эта кровь была волчьей, ибо клыки их были как бритвы, и он не мог отогнать всех зверей сразу. Он сознавал, что не может позволить себе упасть даже на мгновение. Если он потеряет

равновесие, то делается кормом для волков. Кое-как он сумел взять в левую руку карпатский кинжал и стал размахивать вокруг себя уже двумя клинками. Киммериец ни о чем больше не думал, кроме битвы: он дрался с дикой яростью, как и сами волки, не прося и не давая пощады. Он помнил лишь о драке. Драться, а проигравший пусть достанется во-ронам.

Так же неожиданно, как и начался, бой прекратился. В одно мгновение сталь боролась с мелькающими клыками, а в следующее огромные серые звери уже побежали за холмы, хромая на трех лапах. Конан огляделся по сторонам, удивляясь тому, что остался жив. Девять волков валялись, будто куски пропитанного кровью меха. Чалая снова лежала, но теперь она уже больше никогда не поднимется. Из зияющей раны на шее била струя крови, образуя лужу, которая уже начала впитываться в каменистую почву.

Услышав шум, Конан оглянулся. Йондра соскользнула с валуна и взяла с земли свой лук. Плотная облегающая рубашка и красновато-коричневые штаны подчеркивали каждый изгиб ее фигуры с полной грудью. Надув губки, она осмотрела царапины, оставленные зубами на склеенных деревянных и костяных пластинах. Руки ее дрожали.

– Почему ты не подстрелила хотя бы нескольких? – спросил Конан. – Ты бы могла спастись до того, как я подъехал.

– Мой колчан... – Голос ее оборвался, когда она посмотрела на обглоданный труп лошади, но она превозмогла себя

и подошла к труп. Из-под окровавленной массы она вынула колчан. Вдоль одной, покрытой лаком стороны бежала трещина. Проверив стрелы, княжна выбросила три сломанных, затем закинула колчан за спину. – Мне было не достать его, – сказала она, поправляя лямки колчана. – Первый волк перекусил сухожилия моему мерину так быстро, что я даже не увидела. Это было счастье, дарованное Ханнуманом, что я добралась до этого камня.

– В этой местности женщине не следует разъезжать одной, – проворчал Конан, поднимая скатанную накидку и вытирая окровавленный меч о седельную сумку. Он понимал, что с этой женщиной нужно вести себя иначе. Он, в конце концов, проскакал почти пол-Заморы для того, чтобы украсть у нее драгоценности. Но вот он стоит здесь, когда лошадь его мертва и дюжина порезов, хотя и несерьезных, жгут и кровоточат, так что он не был расположен вести с кем-либо учтивые беседы.

– Последи за своим языком! – бросила ему Йондра. – Я скакала... – Вдруг, казалось, она будто в первый раз увидела его. Сделав шаг назад, она подняла перед собой лук, будто это был щит. – Ты! – Это слово прозвучало почти шепотом. – Что ты здесь делаешь?

– Я здесь хожу, так как лошадь моя убита в драке ради того, чтобы спасти тебе жизнь. За что, как я заметил, я еще не услышал ни благодарности, ни предложения перевязать мои раны в твоём лагере.

Открыв рот, Йондра глядела на него, и по лицу ее было заметно, что в ней борются гнев и удивление. Глубоко вздохнув, она встрепенулась, будто пробудилась ото сна.

– Ты спас мне жизнь... – начала она, но замолчала. – Я не знаю даже твоего имени.

– Меня зовут Конан. Конан из Киммерии.

Йондра едва заметно кивнула, и улыбка ее немного дрогнула.

– Конан из Киммерии, я приношу тебе искреннюю благодарность за то, что ты спас мне жизнь. А также я предлагаю тебе остаться в моем лагере столько времени, сколько ты пожелаешь. – Она взглянула на мертвых волков и содрогнулась. – Я добыла много трофеев, – сказала она нетвердым голосом, – но никогда не думала, что сама могу стать трофеем. Шкуры, конечно, твои.

Киммериец покачал головой, хотя ему и было жалко бросать мех, который мог бы пригодиться. И к тому же дорогой, если его только доставить в Шадизар. Он поднял бурдюк и посмотрел на большую дыру, прорванную клыками. Последние несколько капель упали на землю.

– Без воды мы не можем тратить время на то, чтобы сдирать шкуры. – Он прикрыл глаза ладонью и поглядел, какой путь еще осталось проделать солнцу, чтобы достичь зенита. – Жара еще усилится. Как далеко до твоего лагеря?

– Верхом мы бы добрались туда к тому моменту, когда солнце достигнет высшей точки, или немного позже. – Пеш-

ком... – Она пожалала плечами, отчего ее тяжелые груди колыхнулись под шелковой рубахой. – Я мало хожу пешком и не могу судить.

Конан с трудом заставил себя думать о деле.

– Значит, надо отправляться сейчас. Тебе придется идти без перерыва, так как если мы остановимся в такую жару, то, скорее всего, не сможем двигаться снова. Ну, в какую сторону?

Йондра колебалась, явно она настолько же не привыкла подчиняться командам, как и ходить пешком. Надменные серые глаза вступили в борьбу с холодными голубыми сапфирами; проиграли серые. Без слов, но с раздражением на лице, высокая аристократка взяла лук, вложила в него стрелу и пошла в сторону южнее восходящего солнца.

Конан поглядел на нее, прежде чем пойти следом, отнюдь не любуясь видом перекатывающихся ягодиц. Эта глупая женщина почему-то не хотела, чтобы он шел сзади. Неужели она боится, что он возьмет ее силой. Постепенно, однако, его досада уступила место удовольствию, получаемому от созерцания того, как она идет по холмам. Шелковые штаны для верховой езды обтягивали ягодицы, будто собственная кожа, и это зрелище заставило бы любого мужчину позабыть обо всем.

Солнце поднималось все выше – оранжевый шар, палящий землю. Горячий воздух дрожал, а подошвы сапог нагрелись, будто ими ступали по горячим углям. Каждый вдох

уносил из легких влагу, иссушал горло. Солнце двигалось по небу, к зениту и дальше, изжаривая плоть, выжигая все внутренности.

Теперь солнце, вдруг понял Конан, взбираясь по склону, сделалось центром его внимания, оттеснив женщину. Он попытался посчитать, сколько времени у него остается, чтобы отыскать воду, пока силы не начнут оставлять его. Попытка смочить потрескавшиеся губы оказалась бесплодной, поскольку слюна тут же испарилась. Он не видел никакой пользы в молитвах. Кром, бог его суровой родины, не слушал молитв, не признавал обетов. Человек получал от Крома лишь два дара – жизнь и волю, и больше ничего. Воля будет вести его до темноты, решил киммериец. Затем, протянув день, он попытается протянуть и ночь, а затем еще один день и еще одну ночь.

В девушке он был не очень уверен. Она уже начала покачиваться и спотыкаться о камни, которые легко бы переступила в начале пути. Вдруг камень размером с ее кулак повернулся у нее под ногой, и княжна упала. На четвереньки она поднялась, но не более того. Голова ее бессильно повисла, девушка тяжело дышала, пытаясь получить достаточное количество воздуха.

Добравшись до княжны, Конан поднял ее на ноги. Она вяло повисла у него на руках.

– Мы идем в том направлении? А?

– Как ты... смеешь, – проговорила она потрескавшимися

губами.

Он яростно встряхнул ее; голова княжны бессильно повисла.

– Направление! Говори!

Она посмотрела вокруг плавающим взглядом.

– Да, – сказала она наконец. – Я... полагаю.

Вздохнув, Конан взвалил ее на плечо.

– Так... неприлично, – выговорила она задыхаясь. – Поставь... меня.

– Никто не видит, – ответил он ей. И вероятно, и не увидит, добавил он про себя. Отточенное тренировкой инстинктивное чувство направления будет вести его туда, куда указала Йондра, до тех пор пока он сможет двигаться; инстинкт выживания и негибаемая воля будут заставлять его двигаться даже тогда, когда обычный человек уже лишится всяких сил. Он найдет ее лагерь. Если она действительно верно указала дорогу. Если он не слишком долго прождал, чтобы спросить ее. Если...

Выбросив из головы сомнения и не обращая внимания на слабые попытки Йондры освободиться, Конан направился немного южнее той линии, где проходило солнце, поднимаясь. Постоянно глаза его выискивали признаки воды, но тщетно. Слишком дерзко надеяться, что появятся ветви пальм, склонившиеся над источником. Сейчас, однако, он не видел даже растений, которые указали бы ему место, где можно выкопать ямку, чтобы в нее набралась вода. Никаких

следов зелени не встречал его взгляд, кроме низких жестких колючек, которые могут расти и там, где ящерица сдохнет от жажды. Палящее солнце клонилось к западу.

Конан окинул взглядом горизонт: ничто не нарушало однообразия каменистых склонов перед ним. Он шел размеренным шагом вперед – сначала неумоимо, затем, когда тени удлинились, с железной целеустремленностью, не допускающей мысли о том, чтобы сдаться. С водой наступающая ночь была бы раем. Без нее останавливаться не придется, ибо если они остановятся, вполне может случиться так, что они не смогут больше сделать и шагу.

Темнота опустилась сразу, без сумерек. Казалось, что вытягивавшиеся тени вдруг слились и пропитали воздух за считанные мгновения. Жгучий жар быстро рассеялся. Вспыхнули звезды, будто хрустальные осколки на черном бархате, и с ними повеяло холодом, который стал так же терзать кости, как и мучило до этого солнце. Йондра зашевелилась на плече киммерийца и что-то тихо пролепетала. Конан не разобрал слов и не стал тратить силы даже на то, чтобы поинтересоваться, что могла она говорить.

Он начал спотыкаться, понимая, что это не только из-за темноты. Горло его было сухим, как камни, которые подворачивались у него под ногами, и холод мало успокаивал потрескавшуюся на солнце кожу на лице. Он видел лишь немигающие звезды. Приковав взгляд к горизонту, к неясной линии, едва различимой в темноте, он продолжал идти. Вдруг

он заметил, что три звезды все-таки мерцают. И находятся они ниже горизонта. Костры.

Заставив ноги передвигаться быстрее, Конан почти побегал в сторону лагеря, поскольку это должен быть лагерь Йондры или чей-либо еще. Чей бы ни был этот лагерь, они должны пойти туда, так как им нужна вода. Свободной рукой он ослабил меч в ножнах. Им нужна вода, и он намерен добыть ее.

«Звезды» действительно оказались кострами, окруженными двухколесными телегами и круглыми шатрами. Конан, спотыкаясь, вышел на освещенное место; люди в коротких кольчугах и широких белых штанах вскочили на ноги. Руки потянулись к копьям и саблям.

Киммериец сбросил Йондру и положил руку на рукоять меча.

– Воды, – прохрипел он. Он мог выговорить лишь одно это слово.

– Что ты сделал? – спросил высокий человек с орлиным носом. Конан пытался собственной слюной смочить горло, чтобы спросить, что он имеет в виду, но тот не стал ждать.

– Убить его, – прорычал он.

Конан выхватил меч, и в свете костров в ответ тут же заблестела сталь копий, готовых вонзиться в киммерийца.

– Нет! – прозвучал еле слышный приказ. – Нет, я сказала!

Конан краем глаза увидел, как один человек в кольчуге заботливо прижал бурдюк с водой к губам Йондры, плечи

которой поддерживала Тамира в короткой белой рубаше служанки.

Не опуская меча – поскольку остальные тоже не опустили оружия, – Конан рассмеялся сухим, хриплым смехом облегчения. Горлу было больно, но он не обращал на это внимания.

– Но, моя госпожа, – запротестовал человек с орлиным носом.

Конан вспомнил его теперь: в тот день в Шадизаре это он был рядом с Йондрой.

– Замолчи, Арваний, – прикрикнула Йондра.

Она сделала еще два жадных глотка из бурдюка, затем оттолкнула его и властно протянула руку, требуя, чтобы ей помогли подняться.

Человек, державший бурдюк, поспешил исполнить требование. Стояла она нетвердо, но отстранила пытавшихся поддержать ее.

– Этот человек спас меня от волков, Арваний, и нес меня, когда я не могла идти. В то время как вы сидели у костра, он защищал меня. Дайте ему воды. перевяжите его раны и позаботьтесь о том, чтобы ему было удобно.

Неуверенно глядя на обнаженный клинок Конана, человек, державший бурдюк, протянул его огромному киммерийцу.

Оправдываясь, Арваний развел руками:

– Мы искали, моя госпожа. Когда ты не вернулась, мы ис-

кали до темноты, затем разожгли костры, чтобы ты могла их увидеть и выйти к лагерю. С первыми же лучами мы бы...

– С первыми лучами я была бы мертва! – бросила ему Йондра. – Я отправляюсь в свой шатер, Арваний, и буду благодарить Митру, что спасти меня пришлось не тебе. Прислужи мне, Лиана.

Ее гордое удаление было слегка испорчено тем, что она споткнулась; княжна тихо выругалась и скрылась в своем алом шатре.

Конан огляделся вокруг – сабель и копий видно не было – и убрал меч в ножны. Когда киммериец поднимал бурдюк, он встретился глазами с Арванием. Черные глаза распорядителя охоты были полны ненависти, исходящей из самой глубины души. И не один он глядел на киммерийца. Во взгляде Тамиры читалось отчаяние.

– Лиана! – позвала Йондра из шатра. – Иди ко мне, или я... – В тоне ясно было выражена угроза.

Мгновение Тамира постояла в нерешительности, глядя на Конана, затем бросилась в шатер.

Лицо Арвания по-прежнему оставалось враждебным, но Конан не знал причины и не интересовался ею. Важно было лишь то, что теперь он точно доберется до ожерелья и тиары раньше молодой воровки. Это – и больше ничего. Усмехнувшись, он запрокинул бурдюк и присосался к нему.

Глава 8

Высокий сероглазый мужчина ткнул ногами в бока лошади, когда вид окрестностей подсказал ему, что он приближается к своей деревне. Последние клочки утреннего тумана задержались в ветвях огромных дубов, что часто происходило в этой части Бритунии, недалеко от Кезанкийских гор. Затем показалась сама деревня – несколько низких, сложенных из камня домиков с соломенными крышами. Дома самых богатых жителей стояли в беспорядке среди строений, сплетенных из ветвей, которые жались по сторонам двух немощеных улиц, лежавших под прямым углом друг к другу.

Когда он въехал в деревню, на улице столпились люди.

– Элдран, – кричали они, и рядом с лошадьёю бежали собаки, добавляя свой лай к общему шуму. – Ты вернулся! Буданецея говорила, что ты не вернешься!

Мужчины были одеты так же, как и он, рубахи их по вороту украшала вышивка, а обмотки, закрывавшие ноги до колена, были перевязаны крест-накрест. Платья женщин представлял и собой удлиненный вариант тех же рубах, но с обилием алого, желтого и голубого (в то время как у мужчин преобладали коричневые и серые цвета) и вышитыми по подолу и по граям рукавами.

– Конечно, вернулся, – сказал он, слезая с лошади. – Куда я денусь? – Люди столпились вокруг него, каждый старался

протиснуться ближе. Он заметил, что все мужчины имели при себе мечи, что было редкостью в обычные дни; многие опирались на копья и несли круглые щиты, сделанные из липового дерева и обитые по краям железом. – Что здесь случилось? Какое отношение к этому имеет жрица?

Ответом ему был общий крик, отдельные голоса в котором перекатывались друг через друга, как будто ручей, текущий по камням.

– ...сжег хутора...

– ...мужчины убиты, женщины убиты, скот убит...

– ...некоторые съедены...

– ...дьявольский зверь...

– ...ушли охотиться на него...

– ...Элландун...

– ...все погибли, кроме Годтана...

– Тихо! – крикнул Элдран, – Я не могу слушать всех сразу.

Кто говорил об Элландуне? С моим братом все в порядке?

Наступила тишина, слышалось лишь шарканье ног. Никто не хотел встречаться с ним взглядом. В дальнем конце толпы послышался ропот, и люди расступились, чтобы дать пройти высокой женщине со спокойным лицом, на котором нельзя было прочесть возраста. Волосы ее, черные с проседью, свисали до пят и были перевязаны на лбу белой льняной повязкой. Одежда была также из белого льна с вышитыми листьями и ягодами омелы. На поясе висел маленький золотой серп. Она могла ходить в Бритунии где угодно, и даже самый

бедный человек не прикоснулся бы к этому серпу, и даже самый буйный не тронул бы ее пальцем.

В светло-серых глазах Элдрана появилось беспокойство, когда они встретились со взглядом ее карих глаз.

– Скажи мне, Буданецея, что случилось с Элландуном?

– Ступай за мной, Элдрани. – Жрица взяла его под руку. – Пройди со мной, и я расскажу тебе что смогу.

Он послушно пошел туда, куда она его повела, и никто больше не стал провожать. Он видел только сочувственные взгляды, при виде которых сердце его наполнилось страхом. Они молча шли по пыльной улице. Он сдерживал свое нетерпение, поскольку прекрасно знал, что жрицу торопить нельзя.

Перед серым каменным домом, в котором она жила, Буданецея остановила Элдрана.

– Войди, Элдрани. Посмотри на Годтана. Поговори с ним. Затем выслушай мой рассказ.

Элдрани поколебался, затем толкнул дверь из тщательно обработанного дерева. Встретила его внутри низенькая худая женщина, одетая как Буданецея, но с темными блестящими волосами, заплетенными в косы и плотно уложенными на голове в знак того, что она еще только ученица.

– Годтан, – смог лишь выговорить Элдрани. Он хотел прокричать вопрос об Элландуне, но уже начал бояться ответа.

Ученица молча отдернула черную шерстяную занавеску на двери и жестом пригласила его войти в комнату. Он ощу-

тил выворачивающую желудок смесь запахов. Целебные травы и примочки. Горелое мясо. Гниющее мясо. Он подавил тошноту и шагнул в комнату. Ученица опустила за ним занавеску.

Это была простая комната с чисто выметенным полом из гладких досок и единственным окном, занавески на котором были раздвинуты, чтобы впустить свет. Стол с глазурованным глиняным тазом и кувшином стояли рядом с кроватью, на которой лежал обнаженный человек. Или то, что раньше было человеком. Первая сторона лица была выжжена, на оставшуюся же часть лица падали седые волосы. От плеча до колена вся правая сторона была месивом из горелой плоти, где сквозь трещины в черной корке проглядывало красное мясо. Пальцев не было на скрюченной палке, бывшей раньше правой рукой. Эдран хорошо помнил эту правую руку, поскольку она учила его владеть мечом.

– Годтан. – Имя застряло в горле. – Годтан, это я, Эдран.

Оставшийся глаз человека с ужасными ожогами бессильно открылся и повернулся в сторону говорившего. Эдран простонал, увидев там безумие.

– Мы шли следом, – прохрипел Годтан. – В... горы. Убить его. Мы собирались... мы шли... Мы не знали... Его... цвета. Кра... сивый. Красивый... как смерть. Чешуя... развернулся... наши стрелы... как солома. Копья не могли... Дыхание его... огонь!

Безумный глаз дико выкатился, и Эдран сказал:

– Отдыхай, Годтан. Отдыхай, а я...

– Нет! – Слово, вырвавшееся из перекошенного рта, прозвучало как приказ. – Никакого отдыха! Мы... бежали от него. Должны были бежать. Горцы... нашли нас. Схватили Элрика. Схватили... Элландуна. Думали... что я... мертв. Обманул их. – Годтан хрипло каркнул; Элдран понял, пожившись, что это, очевидно, был смех. – Один... из нас... должен был... сообщить о том... что произошло. Я... должен был. – Его единственный глаз посмотрел на лицо Элдрана, и на мгновение безумие сменилось удивлением и болью. – Прости... меня. Я... не хотел... оставлять его. Прости... Элдран.

– Я прощаю тебя, – проговорил тихо Элдран. – И благодарю за то, что ты сумел вернуться и рассказать о том, что произошло. Ты по-прежнему остаешься лучшим среди всех нас.

Благодарная улыбка тронула оставшуюся часть рта Годтана, и глаз медленно закрылся, будто слишком много усилий требовалось, чтобы держать его открытым.

Скрипнув зубами, Элдран вышел из здания, открыв дверь так резко, что она ударилась о камень стены. Глаза его были серыми, как кованая сталь, твердая и холодная после закалки, и, когда он стал перед Буданецеей, он, чтобы сдержать гнев, сжал кулаки так, что ногти врезались в ладони.

– Теперь расскажешь мне? – проговорил он.

– Огненный зверь, – начала она, но Элдран оборвал ее:

– Детские сказки! Скажи мне, что произошло!

Она потрясла кулаком перед его носом, и гнев ее, столь

же сильный, как и его собственный, выплеснулся на него:

– А откуда, как ты думаешь, Годтан получил ожоги? Подумай! Детские сказки, говоришь ты. Ха! Несмотря на ширину твоих плеч, мне всегда было трудно считать тебя взрослым, ибо я помогала твоей матери произвести тебя на свет и впервые запеленала тебя этими руками. Сейчас ты снова будишь во мне сомнения. Я знаю, у тебя яростное сердце мужчины. Но есть ли у тебя соображение?

Несмотря на свой гнев, Элдран был поражен. Он знал Буданцею с самого детства и никогда не видел, чтобы она выходила из себя.

– Но ведь Годтан... я думал, что... он безумен.

– Да, безумен, и это даже лучше. Он проделал в таком состоянии весь путь от Кезанкийских гор, чтобы рассказать нам о судьбе своих товарищей, желая получить помощь своего народа. Мою помощь. Но ни одно из моих заклинаний или зелий не может помочь ему. Когда он пришел к нам, зеленая гниль проникла уже слишком глубоко. Теперь ему поможет только некромантия. – Она коснулась золотого серпа на поясе, чтобы оградить себя от зла при одной мысли об этом, а Элдран сделал знак серпа.

– Значит... дьявольский зверь действительно приходил? – сказал Элдран.

Она кивнула.

– Пока ты был на западе. Вначале сгорел один хутор, дотла, повсюду были лишь обглоданные останки людей и скота.

Люди, чтобы успокоить себя, придумывали рассказы о пожаре, погубившем всю семью и скот, и о волках, набросившихся на останки, после того как пламя погасло. Но затем второй хутор был уничтожен, и третий, и четвертый, и... – Она глубоко вздохнула. – Всего двадцать три, и все ночью. Семь в одну лишь прошлую ночь. После этого горячие головы решили заняться этим делом. Элрик. Годтан. Твой брат. Два десятка других. Они говорили так же, как и ты, когда я сказала об огненном звере после трагедии с первым хутором. Детские сказки. Затем они нашли следы. Но они все же не верили мне, когда я говорила, что ни одно оружие, выкованное руками простых людей, не сможет причинить зверю вреда. Они держали свой замысел в тайне и украдкой вышли из деревни до рассвета, чтобы не попасться мне на глаза.

– Если никакое оружие, выкованное людьми... – Элдран в гневе сжимал и разжимал кулаки. – Буданеца, я этого так не оставлю. Горцы заплатят за моего брата, а зверь должен быть убит. Да поможет мне Виккана, он должен быть убит! Не только из мести, но для того, чтобы никогда не смог причинить людям вреда.

– Да. – Жрица произнесла это слово почти беззвучно. – Подожди здесь. – Буданеца быстро – не будь в ней столько достоинства, можно было бы сказать, что она торопилась, – вошла в дом. Она вернулась в сопровождении пухленькой ученицы с веселыми карими глазами. Ученица несла плоский покрытый красным лаком ларец, на котором лежала ак-

куратно сложенная белая ткань и стоял глиняный кувшин, покрытый белой глазурью. – С этого мгновения, – сказала Буданеца Элдрану, – ты должен в точности выполнять то, что я тебе скажу, и не делать ничего больше. Чтобы сохранить свою жизнь, Элдран, и свой рассудок, слушайся меня. Теперь идем.

Они образовали процессию: впереди жрица, затем Элдран, а следом за ним ученица. Женщины шли мерным шагом, и Элдран обнаружил, что идет в ногу с ними, будто невидимый барабан отбивает ритм.

У Элдрана зашевелились волосы на затылке, когда он понял, куда они направляются. В Священную рощу Викканы, самую старую из священных рощ Бритунии, где стволы самых молодых дубов были такие же толстые и высокие, как у самых старых деревьев в окружающих лесах. Лишь жрицы и их ученицы посещали священные рощи теперь, хотя когда-то, много веков назад, простые люди тоже совершали такие путешествия.

Эта мысль не утешила Элдрана.

Ветви, толщиной с человеческое тело, образовывали над головой полог, а под ногами шуршали сухие прошлогодние листья. Вдруг перед ними открылась поляна, на которой был широкий и низкий поросший травой курган. На склоне, обращенном к подошедшим, лежала наполовину ушедшая в почву грубая гранитная плита, длиной и шириной в рост человека.

– Попробуй сдвинуть камень, – приказала Буданеца.

Элдран удивленно посмотрел на нее. Он был более чем на голову выше большинства мужчин в деревне, имел хорошую мускулатуру и широкие плечи, но знал, что этот вес ему не по силам. Затем, вспомнив ее первое наставление, он подчинился. Сев на корточки перед огромным камнем, он попытался подкопаться под него руками, чтобы взяться за нижний край.

Первые пригоршни земли вынулись легко, но неожиданно земля стала твердой, точно скала. Внешне она оставалась такой же, но Элдран не мог процарапать ее ногтями. Оставив эту попытку, он всем своим весом навалился на плиту, надеясь сдвинуть ее. Напряглась каждая жилка, и по лицу и телу ручьями тек пот, однако гранит казался частью кургана. Камень не шелохнулся.

– Достаточно, – сказала Буданеца. – Подойди и стань на колени здесь. – Она указала на место перед плитой.

Ученица открыла крышку ларца, и в нем оказались запечатанные бутылочки и горшочки, покрытые глазурью цвета омеги. Буданеца повернула Элдрана спиной к пухленькой ученице и заставила его преклонить колена. Из белого кувшина она полила ему на руки чистой воды и вытерла их мягкой белой тканью. Другим смоченным куском белой ткани стерла ему с лица пот.

Сделав это, жрица заговорила:

– Ни один мужчина и ни одна женщина не могут сдвинуть

этот камень и войти в курган без помощи Викканы. Но с ее помощью...

К ней подошла ученица, держа зеленый горшочек. Золотым серпом Буданецея отрезала прядь волос Элдрана. Он пожегся, когда она бросила волосы в горшочек. Взяв по очереди каждую руку Элдрана, она кольнула большие пальцы острием серпа и выдавила в горшочек несколько капель крови. Ученица с горшочком поспешила прочь.

Буданецея смотрела ему в глаза. Он слышал, как пухленькая женщина позвякивает бутылочками, бормочет заклинания, но не мог оторвать взгляда от лица жрицы. Затем ученица вернулась, и Буданецея взяла у нее горшочек и длинный побег омелы, который тут же погрузила в него.

Закинув голову, жрица начала нараспев говорить. Слова, которые она произносила, Элдран никогда не слышал, но сила их пронзила его холодом до самых костей.

Воздух вокруг сделался ледяным и неподвижным. Дрожь ужаса пробежала по телу, когда он вдруг вытянул вперед руки ладонями вверх без всякой команды. Будто он вдруг узнал, что должен сделать это.

Омела ударила его по ладоням, и ужас сменился таким сильным ощущением здоровья и блаженства, какого он никогда не испытывал.

Буданецея продолжала говорить, и речитатив ее делался все громче. Влажный побег омелы ударил по одной щеке, затем по другой. Вдруг Элдрану показалось, что тело его не

имеет веса; ему показалось, что его может унести самый легкий ветерок.

Голос Буданецеи затих. Элдран качнулся, затем поднялся на ноги. Необычное ощущение легкости оставалось в нем.

– Подойди к камню. – Голос Буданецеи повис в хрустальном воздухе. – Отодвинь камень. Элдран молча подошел к плите. Плита на вид была прежней, к тому же вместо того, чтобы чувствовать прилив сил, ему казалось, что он совершенно ослаб.

Однако он подчинился словам жрицы. Нагнувшись к камню, он взялся за него руками, потянул... и открыл рот, когда камень поднялся, будто перышко, и беззвучно перевалился. Элдран глядел на камень, на свои руки, на наклонный ход, ведущий под курган, на Буданецею.

– Спустись, – сказала она ему. Лицо ее было неподвижно от напряжения. – Спустись и принеси то, что найдешь.

Сделав глубокий вдох, Элдран, шатаясь, пошел по наклонному ходу. Пыль не поднималась у него под ногами. Широкие, длинные каменные плиты были тщательно подогнаны друг к другу и образовывали стены и потолок. Неожиданно ход расширился и вывел в круглую камеру, шагов десять в поперечнике, со стенами и потолком из того же серого грубого камня, что и в коридоре. Ламп не было; но мягкий свет заливал помещение. Не было также ни паутины, ни пыли, как он ожидал. В воздухе висел запах свежей зелени. Запах весны.

Не было никаких сомнений в том, что именно он должен принести наверх, так как в камере было пусто, и лишь в центре на простом постаменте из бледного камня лежал старинный меч. Его широкий клинок ярко блестел, будто его только что выковали руки мастера.

Бронзовая рукоять была обмотана кожей, которую вполне могли изготовить в этом году. Перекрестие заканчивалось когтистыми лапами, сделанными так, будто должны были держать что-то, но сейчас они были пусты.

Когда Элдран взглянул на меч, он ощутил, что его влечет к нему. Он схватил оружие и почти побежал назад – наверх, к солнечному свету.

Как только Элдран ступил на траву поляны, он облегченно вздохнул. И тут же почувствовал себя так, как чувствовал до того, как пришел сюда. Все необычные ощущения исчезли. Почти против собственной воли он посмотрел через плечо. Огромный камень лежал там, где лежал и вначале, и не было заметно, что его беспокоили. Даже того места, где Элдран пытался подкопаться, не было видно.

Он содрогнулся всем телом. Лишь тяжесть меча в руке – обычного, как казалось, хотя и старинного клинка – убеждала его в том, что действительно что-то произошло. Элдран, боясь потерять рассудок, не стал интересоваться, чем это что-то могло быть.

– Губитель огня, – тихо произнесла Буданеца. Рука ее протянулась к клинку, но не коснулась его. – Символ нашего

народа, меч наших героев. Он был выкован великими волшебниками около трех тысяч лет назад, как оружие против огненного зверя, поскольку тогда зло Ахерона начало насылать эти колдовские создания на людей. Когда-то эти когти держали два огромных рубина, Огненные глаза, и меч мог управлять зверем и мог убить его. Ибо он может убить зверя.

– Почему ты мне об этом ничего не сказала? – спросил Элдран. – Почему ты привела меня, ничего не объяснив, как овцу на... – Голос его затих, поскольку ему не понравились мысли, вызванные этим образом.

– Это часть наложенного на меч заклятия, – ответила жрица. – И на нас, на тех, кто хранит меч. Без помощи жрицы никто не может получить его. Но жрица не может рассказывать о мече никому, кто не держит его в руках. Очень тщательно следует избирать человека, которому достанется этот клинок, ибо кроме того, что его можно использовать против огненного зверя, он может дать огромную власть человеку, стремящемуся к ней.

Он осторожно повертел в руке меч.

– Власть? Какого рода?

– Ты ищешь власти, Элдран? – спросила она сурово. – Или ты хочешь убить зверя?

– Убить зверя, – прорычал Элдран, и жрица одобрительно кивнула:

– Хорошо. Я избрала тебя, как только узнала, что это за зверь. Ты признан в Бритунии как человек, лучше всех

владеющий мечом, самый ловкий наездник и самый меткий стрелок. Говорят, что, когда ты идешь по лесу, даже деревья не знают о твоём продвижении, что ты можешь выследить даже ветер. Именно такой человек нужен для охоты на огненного зверя. И вот еще о чем помни. Не оставляй меча, даже когда спишь, иначе ты больше никогда не возьмешься за его рукоять – меч вернется (лишь Виккана знает как) на свое место под плитой. Много раз его теряли, но всегда, когда он нужен и камень поднят, меч там. Однако это не поможет тебе, если ты его потеряешь, ибо меч можно дать человеку лишь один раз в жизни.

– Я его не потеряю, – произнес Элдран мрачно. – Он выполнит свою работу, и я сам верну его сюда. Но сейчас я должен забрать его отсюда. – Он пошел к деревьям, чтобы выйти из рощи, и к нему вернулось прежнее беспокойство: снова казалось, будто это не то место, где обычным людям можно долго оставаться. – Нельзя терять времени, я должен быстро набрать себе людей.

– Людей? – воскликнула Буданеcea, задержав его у края рощи. – Я хотела, чтобы ты пошел один. Один быстрый охотник должен убить...

– Нет. Надо кровью отомстить за Элрика и Элландуна и за всех остальных, убитых горцами. Ты сама знаешь, что так должно быть.

– Знаю, – вздохнула она. – Твоя мать была мне как сестра. Я надеялась когда-нибудь подержать в руках ее внука, наде-

ялась задолго до этого. Теперь я боюсь, что ничего этого не случится.

– Я вернусь, – сказал он и вдруг рассмеялся, отчего испугался сам. – Ты еще погуляешь на моей свадьбе.

Она подняла ветку омелы в знак благословения, и Элдран склонился, принимая его.

Но даже во время этого ритуала он уже составлял в уме список тех, кого он возьмет с собой в горы.

Глава 9

Сидя в высоком заморийском седле, Конан разглядывал местность, куда двигались охотники. Плоские покатые холмы, по которым они ехали, мало изменились за три дня, прошедшие после того, как он спас Йондру, разве что низкой травы здесь было больше и иногда каменистые склоны покрывал колючий кустарник. Впереди, однако, холмы становились выше, наваливались друг на друга, сливались вместе и переходили наконец в острые пики Кезанкийских гор.

Это был отрог гряды, протянувшейся на юго-запад вдоль границы между Заморойи Бритунией. Конан не слышал, чтобы там водилась какая-нибудь дичь, которая могла бы привлечь такого охотника, как Йондра, кроме горных баранов, живущих среди крутых скал. А также среди диких племен. Он не мог поверить, что княжна собирается туда.

Охотничья группа сердитой змеей вилась среди низких холмов, избегая перевалов. Несущие копья бормотали проклятия, когда их сандалии скользили на каменистых склонах, и обменивались ругательствами с едущими верхом лучниками. Выючные животные ржали, и погонщики мулов бранились. Погонщики быков кричали и били длинными хлыстами бедных животных, тянущих двухколесные повозки с запасами. Только та часть колонны, в которой шли запасные лошади, поднимающие больше пыли, чем вся остальная пар-

тия, не вносила свой вклад в общий беспорядок. Йондра с Арванием и десяток всадников скакали впереди и не замечали шума за спиной. Так не входят на территорию горских племен. Конан был рад, что хотя бы собак оставили в Шади-заре. Тамира, с трудом удерживающая равновесие, сидя на свернутом шатре, лежащем на трясущейся телеге, помахала ему рукой, и Конан подъехал к телеге.

– Ты меня удивляешь, – сказал он. – До этого ты избегала меня все три дня.

– Княжна Йондра слишком загружает меня работой, – ответила она. Поглядев на погонщика, шагающего рядом с быками, она пересела подальше назад. – Зачем ты преследуешь меня? – яростно прошептала она.

Конан лениво улыбнулся:

– Преследую тебя? Возможно, я просто хочу подышать свежим воздухом. Я слышал, что верховые прогулки полезны для легких.

– Для легких... – оскорбленно фыркнула она. – Говори правду, киммериец! Если ты хочешь помешать мне...

– Я уже поведал тебе все о своих намерениях, – перебил он ее.

– Ты... ты серьезно? – проговорила она, не веря. Будто опасаясь, что он может накинуться на нее прямо сейчас, Тамира перелезла на другую сторону повозки и посмотрела на киммерийца через свернутый шатер. – Княжна Йондра требует, чтобы ее служанки были целомудренны, киммериец.

Ты думаешь, что, если ты спас ей жизнь, это дает тебе право на вольности, но она аристократка и быстро позабудет о благодарности, стоит тебе нарушить установленные ею правила.

– Значит, мне нужно быть осторожным, – сказал Конан и отстал от нее.

Тамира обеспокоенно глядела на него, в то время как телега тряслась дальше.

Конан изобразил на лице довольную улыбку.

Он был уверен, что Тамира не поверила в то, что его не интересуют украшения Йондры, – она не была дурой, иначе она не смогла бы столько времени воровать в Шадизаре, – но она, по крайней мере, будет считать, что интерес его поделен между ней и драгоценностями. Почти все женщины, как обнаружил Конан, упорно считают, что мужчины питают к ним вожделение при всех обстоятельствах. А если Тамира так считает, то она будет нервно оглядываться, забирая украшения.

Взгляд огромного киммерийца привлек почерневший холм в стороне от их пути, и он из любопытства повернул свою лошадь. От колючего кустарника, когда-то покрывавшего склон, ничего не осталось, кроме обгоревших пеньков и золы. Не похоже на удар молнии, подумал он, поскольку молния ударила бы в вершину холма, а не в склон.

Лошадь вдруг остановилась, раздувая ноздри, и пугливо заржала. Конан пытался подъехать ближе, но лошадь не повиновалась и даже пятилась назад. Он нахмурился, не видя

ничего предвещающего опасность. Что может напугать лошадь, думал он, обученную для охоты на льва? Спрыгнув на землю, он отпустил поводья и убедился, что лошадь не убежит. Бока ее дрожали, но выучка заставляла стоять на месте. Удовлетворенный, Конан подошел к выжженному месту. И ослабил меч – на всякий случай.

Вначале сапоги его ступали лишь по золе, лежавшей на почерневшей почве и камнях. Затем носок сапога ударился обо что-то иное. Киммериец поднял сломанный рог дикого быка с куском черепа. Рог был обуглившимся, так же как и куски мяса, оставшиеся на костях, но сам кусок черепа обгоревшим не был. Киммериец медленно осмотрел выжженное место. Больше костей он не нашел, даже обглоданных, какие оставили бы гиены от жертвы, задранной львом. Он осмотрел и место вокруг пожарища. Подскакал Арваний и стал рядом с ним, подергивая поводья, чтобы заставить лошадь плясать, пока он глядит на Конана.

– Если ты отстанешь, варвар, – бросил презрительно человек с орлиным носом, – тебе вряд ли повезет встретить еще кого-нибудь, кто подберет тебя.

Конан сжал рог в кулаке. Украшения, напомнил он себе твердо...

– Я это нашел в золе и...

– Бычий рог, – фыркнул распорядитель охоты, – и удар молнии. Без сомнения, для такого, как ты, это является каким-то предзнаменованием, но у нас нет лишнего времени.

Сделав глубокий вдох, Конан продолжал:

– Здесь следы...

– У меня есть следопыты, варвар. Мне не нужны твои услуги. Тебе лучше отстать. Уходи, варвар, пока можешь.

Развернув свою лошадь и подняв тучу пыли, Арваний помчался вслед быстро удаляющейся колонне.

В бычьем роге была глубокая трещина, и Конан обнаружил, что рог развалился у него в руках.

– Девять кругов ада Зандру, – проговорил он.

Выбросив обломки рога, он опустился на колени, чтобы осмотреть найденный им след. Это была лишь часть отпечатка лапы животного, поскольку каменистая почва не давала четких оттисков. По крайней мере, ему показалось, что это отпечаток животного. Два пальца заканчивались длинными когтями, а царапины на почве могли означать остальную часть следа. Конан приставил указательный палец к следу когтя. Коготь был в два раза больше пальца киммерийца.

Конан никогда не слышал о зверях, которые могут оставлять такие следы. Йондра, по крайней мере, подумал он, охотится не на него. А также он подумал о том, что не станет предупреждать ее. Из того, что он знал о княжне, можно было заключить, что она ухватится за первую возможность поохотиться на незнакомое животное, особенно если это опасно. Однако сам он будет начеку. Вскочив в седло, он поскакал за охотничьим отрядом.

Конан догнал охотников раньше, чем ожидал. Колонна

стояла. Люди держали лошадей за морды, чтобы животные успокоились, а погонщики держали быков за кольцо в носу, чтобы те не мычали. Тамира перестала ненадолго выбивать пыль из своей рубахи, чтобы состроить Конану гримасу, когда он проезжал мимо телеги с шатром. Где-то впереди раздавались размеренные удары барабанов.

Впереди Йондра и несколько охотников лежали на животах у вершины холма. Оставив свою лошадь у подножия, Конан пробрался к ним, упав на живот, прежде чем голова показалась над холмом. Здесь удары барабана слышались лучше.

– Уходи, варвар, – прорычал Арваний. – Ты здесь не нужен.

– Молчи, Арваний, – сказала тихо Йондра, но в голосе слышался металл.

Конан не обратил на обоих внимания. На расстоянии трети лиги маршировала другая колонна, и эта колонна шла по прямой, не заботясь о том, чтобы обходить холм. Колонна заморийской армии. Около двухсот всадников в остроконечных шлемах скакали под знаменем с головой леопарда. За ними шли двадцать барабанщиков, все вместе поднимая и опуская палочки, а за ними... Киммериец подсчитал примерно копыта, идущие ряд за рядом, ряд за рядом. Там маршировали пять тысяч пехотинцев заморийской армии.

Конан повернул голову и посмотрел на Йондру. Под его пристальным взглядом щеки ее покраснели.

– Почему ты избегаешь встречи с армией? – спросил он.

– Разобьем лагерь, – сказала Йондра. – Найди место, Арваний. – Она начала отползать вниз, и распорядитель охоты пополз следом.

Конан, нахмурясь, смотрел, как они удаляются, затем отвернулся, чтобы понаблюдать за солдатами, последить за тем, как они скрываются из виду за холмами на севере.

Когда Конан спустился, лагерь был уже разбит: на ровном месте между двух холмов стояли широкие конические шатры. В центре площадки возвышался большой алый шатер Йондры. Быков стреножили, а лошадей привязали дальше, за повозками. Костров не разожгли, заметил Конан, и повара раздавали вяленое мясо и плоды.

– Я смотрю, варвар, – сказал Арваний, жуя кусок вяленого мяса, – ты подождал, пока не сделают всю работу.

– Почему Йондра избегает встречи с армией? – спросил Конан.

Человек с орлиным носом сплюнул кусок недожеванного мяса.

– Госпожа Йондра, – сказал он резко. – Проявляй по отношению к ней должное почтение, варвар, или я... – Рука его схватила рукоять сабли.

На лице Конана медленно появилась улыбка, – улыбка, которая не затронула глаз, ставших вдруг ледяными. Мертвецы могли бы рассказать Арванию об этой улыбке.

– Что, охотник? Попробуй, если хватит смелости.

Тут же кривой клинок Арвания был обнажен, и, хотя рука Конана не была рядом с рукоятью меча, его меч был выхвачен в то же мгновение.

Арваний заморгал, пораженный быстротой реакции киммерийца.

– Знаешь ли ты, кто я такой, варвар? – Голос Арвания слегка дрожал, отчего он нахмурился. – Ты зовешь меня охотником, но я сын князя Анданеза, и если бы родившая меня не была наложницей, я был бы заморийским князем. В моих жилах течет благородная кровь, варвар, кровь, достойная самой княжны Йондры, в то время как твоя...

– Арваний! – хлестнул, будто плетью, голос Йондры. Побледневшая княжна подбежала и остановилась в двух шагах от мужчин. Ее плотно облегающая кожаная жилетка была туго зашнурована на груди, красные сапоги доходили до колен. Арваний глядел на нее со страдальческим выражением лица. Княжна взглянула Конану в глаза, но тут же отвела взгляд.

– Ты забываешься, Арваний, – сказала она нетвердо. – Убери оружие. – Она бросила взгляд на Конана. – Оба.

На лице Арвания отразились самые разные эмоции: гнев и стыд, страсть и отчаяние. С нечленораздельным криком он всадил саблю обратно в ножны, будто в ребра киммерийца.

Конан подождал, пока сабля не будет в ножнах, убрал свой меч, затем сурово сказал:

– Я по-прежнему хочу знать, почему ты прячешься от собственной армии.

Йондра посмотрела на него, колеблясь, но заговорил Арваний, быстро, настоятельно:

– Моя госпожа, этому человеку не следует быть среди нас. Он не охотник, не лучник, не владеет копьем. Он не служит тебе, как... как служу я.

Усмехнувшись, Конан мотнул своей черной гривой:

– Это правда, что я сам по себе, но я такой же охотник, как и ты, замориец. А что касается копья, не хочешь ли поспорить со мной? За монеты?

Он понимал, что должен превзойти этого человека в чем-то, иначе ему придется постоянно ссориться с ним все то время, что он остается среди охотников. И он специально не упомянул лук, о котором мало что знал – кроме того, как его держать.

– Согласен! – воскликнул распорядитель охоты. – Согласен! Принести мишени! Быстро! Я покажу этому дикарю, как обращаться с копьем!

Йондра разинула рот, будто пытаясь что-то сказать, затем снова прикрыла его, когда весь лагерь развил бурную деятельность: одни спешили расчистить место для метания, другие бежали к повозкам, чтобы притащить тяжелую тренировочную мишень. Плотный тюк, сплетенный из соломы, был неудобным грузом, чтобы брать его с собой на охоту, но он не ломал стрел или наконечников копий, что происходило бы, если стрелять или метать копья в цели на склоне холма.

Бритоголовый человек с длинным носом вспрыгнул на пе-

ревернутый бочонок.

– Делайте ставки! Даю один к двадцати в пользу Арвания. Не толпитесь.

Несколько человек подошли к нему, но большинство считало исход соревнования предрешенным.

Конан заметил, что Тамира тоже подошла к бочонку. Затем она медленно прошагала мимо киммерийца.

– Постарайся, – сказала она, – и я выиграю серебряную монету... – Она подождала, пока грудь его не начала раздуваться от гордости, и, смеясь, закончила фразу: – Так как я поставила на другого.

– Мне будет приятно помочь тебе расстаться с медяками, – ответил он сухо.

– Прекрати заигрывать, Лиана, – прикрикнула Йондра. – Для тебя есть работа.

Тамира скорчила рожицу, но так, что высокая женщина не видела, отчего Конан невольно улыбнулся.

– Ты будешь метать, варвар? – спросил, поддразнивая, Арваний. Высокий охотник держал копьё в руке и уже разделся по пояс, обнажив твердые бугры мускулов. – Или, может быть, предпочтешь остаться со служанкой?

– На девушку действительно смотреть приятнее, чем на твое лицо, – ответил Конан.

Арваний нахмурился, услышав всплеск смеха, вызванный словами киммерийца. Замориец провел концом копья на земле черту.

– Ты не должен переступать этой линии, иначе тебе будет присуждено поражение, как бы хорошо ты ни метал. Однако я не думаю, что тебе следует об этом беспокоиться.

Скинув рубаху, Конан взял поданное ему одним из охотников копьё и подошел к черте. Он оглядел тюк, стоящий в тридцати шагах от него.

– Вроде недалеко.

– Но посмотри на мишень, варвар. – Смуглый распорядитель охоты улыбнулся, указывая рукой. Один из охотников как раз заканчивал закреплять на соломе кружок из черной ткани, размером не больше ладони.

Конан вытаращил глаза.

– А-а-а, – прошептал он, и улыбка человека с орлиным носом стала еще шире.

– Чтобы быть справедливым, – громко объявил Арваний, – я дам тебе преимущество. Сто к одному. – Среди зрителей поднялся ропот, а здесь был уже весь лагерь. – Ты говорил о монетах, варвар. Если только не хочешь уже сейчас признать мое превосходство.

– Сто к одному кажется мне справедливым, – ответил Конан, – принимая во внимание похвалы, которые ты сам себе расточал. – Ропот удивления, вызванный предложением Арвания, сменился взрывом хохота. Киммериец прикинул вес своего кошелька. – У меня есть пять серебряных монет.

Смех оборвался, и наступило молчание. Мало кто считал, что человек с орлиным носом может проиграть, но размер

проигрыша, хотя и невероятного, поразил зрителей.

Арваний не дрогнул.

– Согласен. – Это было все, что он сказал.

Он отошел от линии, сделал два быстрых шага и метнул. Копье его вонзилось в центр черного куска ткани, плотно прикололо его к соломе.

Десятки охотников издали приветственные крики, а некоторые уже начали забирать свой выигрыш.

– Согласен, – повторил Арваний и рассмеялся, издеваясь.

Конан повертел в руке копьё, стоя у черты. Древко имело толщину в два пальца, а железный наконечник был длиной с предплечье. Вдруг он отклонился назад и сделал бросок рукой, одновременно помогая корпусом. Соломенный тук отъехал назад, а копьё вошло на расстоянии толщины пальца от уже торчащего там копьёя.

– Может быть, отодвинуть подальше, – произнес он, как бы думая вслух. Арваний скрипнул зубами.

Весь лагерь молчал, пока человек на бочонке не нарушил тишину:

– Равные ставки! Я делаю равные ставки на Арвания и на – как его? Конан? – и на Конана! Равные ставки!

– Заткни глотку, Телад! – крикнул Арваний, но вокруг бритоголового начали толпиться люди.

Распорядитель охоты рассерженно указал рукой на мишень:

– Назад! Отодвинуть назад!

Два человека бросились вперед, чтобы оттащить тюк еще на десять шагов, затем вернулись, принеся копьа.

Гневно взглянув на Конана, Арваний снова занял место у черты, отошел, разбежался и метнул. Снова его копье прошло сквозь ткань. Конан сделал шаг назад, и опять его бросок был одним нераздельным движением. Копье его коснулось копьа Арвания и вонзилось в черную мишень еще ближе от другого копьа, чем раньше. Среди охотников послышались восхищенные крики. Киммериец был удивлен, увидев улыбку на лице Йондры, и удивлен еще больше, увидев другую – на лице Тамиры.

Лицо Арвания было искажено от ярости.

– Еще дальше! – кричали они, когда принесли копьа. – Дальше! Еще дальше!

Когда тюк был оттащен на шестьдесят шагов, зрители напряженно затихли. Попасть будет трудно, подумал Конан. Даже очень трудно.

Бормоча что-то, охотник разбежался и, крякнув, бросил копье. Оно воткнулось в тюк.

– Промах! – заорал Телад. – Ткани коснулось, но промах! Один к пяти в пользу Конана!

Замахнувшись, Конан разбежался. В третий раз копье взмыло в воздух. Поднялся крик, и все начали стучать своими копьами о землю в знак восхищения.

Телад соскочил с бочонка и побежал вприпрыжку к Конану, чтобы пожать ему руку.

– Ты дорого мне обошелся сегодня, северянин, но зрелище стоило этих денег.

Вытаращив глаза, Арваний издал сдавленный крик:

– Нет! – Он вдруг побежал к тюку, расталкивая людей. Он начал оттаскивать тяжелый соломенный тюк дальше. – Попади так, презренный дикарь! – кричал он, борясь с весом тюка. – Чтоб тебя побрал Эрлик с твоими проклятыми уловками! Попади так!

– Но здесь же сто шагов! – воскликнул Телад, качая головой. – Никто не... – Его речь прервалась, когда Конан взял копьё у одного из стоявших рядом охотников. Как антилопы, разбегающиеся при виде льва, люди очистили пространство между киммерийцем и мишенью. Арваний истерично смеялся, повторяя:

– Попади так, варвар! Попробуй!

Взвесив в руке копьё, Конан вдруг пришел в движение. Мощные ноги понесли его вперед, рука замахнулась, и копьё полетело. Человек с орлиным носом посмотрел, раскрыв рот, на летящее к нему копьё, затем закричал и бросился в сторону. От тюка поднялась пыль, когда копьё вошло в солому рядом с двумя уже торчащими там копьями. Телад подбежал к мишени, не веря своим глазам, затем вскинул руки.

– Во имя всех богов, он попал в ткань! Вы, считающие, что владеете копьём, признайте мастера! Он попал в мишень на расстоянии ста шагов!

Вокруг Конана собралась толпа охотников, выкрикивав-

ших похвалы и пытавшихся пробиться, чтобы позвать ему руку.

Крики вдруг затихли, когда подошла Йондра. Охотники расступились перед ней, напряженно ожидая того, что она скажет. Некоторое время, однако, она стояла в несвойственной ей нерешительности, прежде чем начать говорить.

– Ты задал мне вопрос, киммериец, – сказала она наконец, глядя скорее через его плечо, а не в лицо. – Я никогда не сообщаю о причинах своих действий, но ты спас мою жизнь и ты замечательно метаетшь копье, так что тебе я скажу. Но наедине. Идем.

Гордо держа спину и не глядя по сторонам, она развернулась и пошла к алому шатру.

Конан медленно пошел за ней. Когда он нагнулся, чтобы пройти под пологом, аристократка стояла спиной к входу, теребя шнурки кожаной жилетки. На полу лежали дорогие иранистанские ковры с раскиданными по ним шелковыми подушками, а на низких бронзовых столиках стояли золотые лампы.

– Ну? – сказал Конан.

Она вздрогнула, но не обернулась.

– Если армия послала такие силы, – проговорила она рассеянно, – значит, ожидаются какие-то неприятности. Солдаты наверняка попытаются вернуть охотничью партию, а мне не хочется тратить силы на споры с каким-нибудь генералом, доказывая ему то, что я не позволяю армии командо-

вать мной.

– И ты держишь это в секрете? – спросил, нахмурясь, Конан. – Ты думаешь, твои охотники и сами этого не поняли?

– Лиана действительно такая, как ты говоришь? – спросила она. – На нее приятно смотреть? Приятнее, чем на меня?

– Она симпатичная. – Конан улыбнулся, увидев, как напряглась ее спина, и благо разумно добавил: – Но не такая красивая, как ты. – Он был молод, но достаточно разобрался в женщинах, чтобы не говорить одной женщине о красоте другой.

– Я заплачу за Арвания, – сказала неожиданно Йондра. – У него нет пятисот серебряных монет.

Высокий киммериец заморгал, удивленный неожиданной сменой темы.

– Я не возьму от тебя денег. Я спорил с ним.

Она склонила голову и пробормотала, явно не замечая, что говорит вслух:

– Почему у меня перед глазами стоит все тот же? Почему он должен быть варваром?

Она вдруг обернулась, и Конан едва не вскрикнул от удивления. Она расшнуровала жилетку и обнажила тяжелые круглые груди с напряженными розовыми сосками.

– Ты думаешь, я привела тебя в свой шатер только для того, чтобы отвечать на твои вопросы? – выкрикнула она. – Я не позволяла ни одному мужчине касаться себя, а ты не протянешь даже и руки. Ты хочешь вынудить меня быть бес-

стыдной, как...

Слова молодой аристократки оборвались, когда киммериец притянул ее к себе. Его большие руки скользнули под жилетку, обхватывая пальцами гладкую кожу ее спины, плотнее прижимая к себе ее полные груди.

– Я протягиваю обе руки, – сказал Конан, снимая с нее и бросая на ковер жилетку.

Прильнув к нему, княжна положила свою голову на его широкую грудь.

– Охотники узнают... они догадаются, что я... что ты... – Она поежилась и прижалась еще сильнее.

Конан нежно поднял ее голову и посмотрел в глаза, серые, как облака утром в горах.

– Если ты боишься того, что они подумают, – сказал он, – тогда зачем?

Она облизала губы кончиком языка.

– Я бы не смогла так бросить копье, – проговорила она и потянула его вниз на шелковые подушки.

Глава 10

Конан отбросил меховое одеяло и поднялся на ноги, оценив взглядом обнаженное тело Йондры. Она вздохнула во сне и закинула за голову руки, отчего ее груди колыхнулись так, что он начал думать, стоит ли ему сейчас одеваться. Усмехнувшись, он, однако, протянул руку за рубахой. Запертые железные ларцы ни на мгновение не задержали на себе его внимания.

Три дня прошло с тех пор, как он метал копье, размышлял Конан, и, несмотря на все ее опасения по поводу того, что могут подумать ее охотники, нужно было быть слепым и глухим, чтобы все еще не знать о том, что произошло между ним и Йондрой. Она в ту первую ночь не позволила ему выйти из шатра даже для того, чтобы поесть, и в последующие две ночи было то же самое. Каждое утро, явно не замечая улыбок охотников и гнева на лице Арвания, она настаивала на том, чтобы Конан сопровождал ее во время охоты, которая продолжалась лишь до того момента, пока Йондра не находила укромное местечко, где была тень и ровная поверхность, достаточная для двоих. Целомудренная, благородная Йондра вдруг обнаружила, что ей нравится лежать с женщиной, и она быстро наворачивала упущенное.

Но нельзя сказать, что она была поглощена только тем, что требовала плоть. В тот первый день, когда она вернулась

с Конаном, ее недовольство вызвало пройденное колонной расстояние. Княжна скакала вдоль всей линии, осыпая людей проклятиями до тех пор, пока они не почувствовали себя так, будто их исхлестали плетью. Арвания она отозвала в сторону, и того, что она ему говорила, никто не слышал, но, когда он скакал обратно, губы его были плотно сжаты, а черные глаза горели. Больше не было случая, чтобы продвижение колонны не удовлетворяло ее.

Накинув свой черный хауранский плащ на плечи, Конан вышел на холодный утренний воздух. Он с удовольствием отметил, что наконец развели костры из кизяка, как он и предполагал, для приготовления пищи. От них не поднимался дым, который мог бы привлечь внимание, а сейчас это было важно, как никогда. В дне пути к северу от лагеря, или по крайней мере в двух днях, лежали хребты Кезанкийских гор, выделяясь на горизонте темной ломаной линией.

Сам же лагерь находился на вершине холма, среди кривых низких деревьев, плохо растущих на сухой каменистой почве. Все теперь постоянно носили кольчугу и остроконечные шлемы, и никто не отходил к траншее для отправления естественных потребностей без копья или лука.

Обливающаяся потом Тамира, мечущаяся под надзором толстого повара от костра к костру, состроила Конану очередную гримасу, поворачивая мясо на вертеле. Арваний, сидевший у костра скрестив ноги, угрюмо погрузил лицо в кружку с вином, когда увидел киммерийца.

Конан не обратил на них обоих внимания. Он напрягал слух, ожидая, что снова услышит звук, который, как показалось ему, он слышал. Вот. Он схватил Тамиру за локоть.

– Пойди разбуди Йо... свою госпожу, – сказал он ей. Уперев руки в бока, Тамира поглядела на него с кривой улыбкой. – Иди, – прорычал он. – Сюда приближаются всадники.

По лицу Тамиры пробежало удивление, затем девушка бросилась к большому алому шатру.

– Что за чушь ты несешь? – спросил Арваний. – Я ничего не вижу.

К человеку с орлиным носом, пробежав через весь лагерь, приблизился Телад.

– Мардак утверждает, что слышит на юге лошадей, Арваний.

Выругавшись, распорядитель охоты бросил кружку на землю и поднялся на ноги. На лице его отражалось беспокойство.

– Горцы? – спросил он Телада, и бритоголовый пожал плечами.

– Маловероятно, чтобы они шли с юга, – произнес Конан. – Однако не помешает сообщить об этом остальным. Но тихо.

– Когда мне понадобится твой совет... – начал Арваний, но не закончил фразы. Вместо этого он обратился к Теладу: – Обойди всех людей. Скажи им, чтобы были готовы. – Лицо его передернулось, и он добавил, пробормотав: – Но тихо.

Хотя его и не просили об этом, киммериец присоединил свои усилия к усилиям Телада, переходя от одного человека к другому и тихо предупреждая. Мардак, седой косой человек с длинными тонкими усами, тоже передал это сообщение. Охотники восприняли новость спокойно. То здесь, то там кто-нибудь поглаживал рукоять сабли или придвигал поближе лакированный колчан, но все продолжали заниматься своими делами, хотя и поглядывая постоянно на юг.

Когда Конан вернулся в центр лагеря, из-за вершины холма уже показались десять всадников, которые сейчас направляли своих лошадей шагом к лагерю.

Арваний проворчал:

– Этих бы мы быстро перерезали. Кто это такие? Явно не горцы.

– Бритунийцы, – ответил Телад. – Разве есть за что их убивать, Арваний?

– Варварское отродье, – презрительно бросил человек с орлиным носом. – Они даже не видят нас.

– Они нас видят, – сказал Конан, – иначе они не перешли бы через холм. И почему ты думаешь, что мы видим их всех?

Двое заморийцев обменялись удивленными взглядами, но Конан сосредоточил свое внимание на приближающихся. На всех были меховые обмотки, отороченные мехом накидки, сбоку были привешены мечи, а за седлами закреплены круглые щиты. Девять всадников несли копыя. Один, идущий впереди, имел при себе длинный лук.

Бритунийские всадники въехали на холм и остановили лошадей на границе лагеря. Человек с луком поднял руку.

– Меня зовут Элдран, – сказал он. – Можем ли мы быть гостями здесь?

Арваний молчал с кислым выражением лица.

Конан поднял над головой правую руку.

– Меня зовут Конан, – сказал он. – Я приглашаю вас быть нашими гостями, если вы не замышляете против нас ничего плохого. Слезайте с коней и садитесь к кострам.

Элдран с улыбкой слез с лошади. Он был почти так же высок, как и Конан, хотя и не имел такой мощной мускулатуры.

– Мы не можем долго здесь оставаться. Нам нужны сведения, затем мы поедem дальше.

– Мне тоже нужны сведения, – сказала Йондра, подойдя к мужчинам. Волосы ее, светло-каштановые, выгоревшие на солнце, спутались, узкие штаны и куртка из изумрудного шелка надеты были второпях. – Скажите мне... – Слова ее затихли, когда она посмотрела Элдрану в глаза, такие же серые, как у нее, и рот так и остался открыт. Наконец она нетвердым голосом сказала:

– Из... какой вы страны?

– Они бритунийцы, – сказал Арваний. – Дикари.

– Молчать! – Гневный крик Йондры удивил мужчин. Конан и Элдран пораженно глядели на нее. Арваний побледнел. – Я говорю не с тобой, – продолжала она дрожащим голосом. – Молчать, пока тебя не спросят! Ты меня понял, рас-

порядитель охоты? – Не дожидаясь ответа, она снова обратилась к Элдрану. Щеки ее покраснелись, а голос был нетвердым, хотя и спокойным: – Значит, вы охотники? Вам вдвойне опасно охотиться в этих местах. Здесь находится заморийская армия и всегда могут появиться горцы.

– Заморийская армия, кажется, не замечает нас, – ответил бритуниец. Его товарищи, сидевшие на конях, рассмеялись. – А что касается горцев... – Голос казался непринужденным, но глаза сурово сверкнули. – Я назвал свое имя, женщина, но не слышал твоего.

Она выпрямилась во весь рост, но все равно достала головой лишь до его плеча.

– Ты говоришь, бритуниец, с княжной Йондрой из дома Перашанидов из Шадизара.

– Знатное происхождение.

Тон его был нейтральным, но Йондра поморщилась, будто над ней насмеялись. Странно, но это каким-то образом привело ее в себя. Голос ее окреп:

– Если ты охотник, ты, вероятно, видел зверя, на которого я охочусь, или его следы. Мне сказали, что тело его, как у огромной змеи, покрыто разноцветной чешуей. Его следы...

– Огненный зверь, – проговорил один из бритунийцев, сидящих верхом, а остальные описали рукой перед грудью дугу, будто сделав некий магический знак.

Лицо Элдрана было мрачно.

– Мы тоже ищем этого зверя, Йондра. Наш народ знает

его давно. Мы можем объединить усилия.

– Мне не нужно больше охотников, – быстро ответила Йондра.

– Это существо убить сложнее, чем ты думаешь, – настаивал бритуниец. Рука его плотно сжала рукоять старинного меча с перекрестием, заканчивающимся когтями, будто орлиная лапа. – Дыхание его – огонь. Без нашей помощи ты лишь погибнешь, пытаясь убить его.

– Так говорят у вас, – сказала она, издеваясь, – в детских сказках. Я говорю, что убью зверя без вашей помощи. Я также говорю вам, что лучше не пытаться охотиться на моего зверя. Трофеей мой, бритуниец, ты меня понял?

– Глаза твои будто утренний туман, – сказал он, улыбаясь. Йондра задрожала:

– Если я тебя встречу еще раз, то из твоих глаз будет торчать по стреле. Я...

Она вдруг выхватила лук у одного из своих лучников. Бритунийцы опустили копья, а лошади их начали взволнованно пританцовывать. Охотники потянулись к саблям. Одним движением Йондра натянула стрелу и выстрелила в воздух. Высоко над лагерем вскрикнул ворон и начал беспорядочно бить крыльями, падая к далекому холму.

– Смотри, – воскликнула Йондра, – и бойся моих стрел.

Не успела она договорить, как ворон вдалеке вдруг дернулся и камнем полетел вниз, пронзенный второй стрелой.

– Ты неплохо стреляешь, – сказал Элдран, опуская лук.

Он ловко вскочил в седло. – Я бы остался, чтобы пострелять с тобой, но мне надо охотиться.

Не оглядываясь, он развернул лошадь и поскакал вниз с холма, и его люди последовали за ним, не понимая, казалось, того, что их спины открыты для лучников из лагеря.

Арванию эта мысль быстро пришла в голову.

– Лучники, – начал было он, но тут Йондра бросила на него гневный взгляд. Она не произнесла ни слова, да и необходимости в этом не было. Распорядитель охоты попятился от нее, опустив глаза и бормоча: – Прошу прощения, моя госпожа.

Затем она обратила свое внимание на Конана.

– Ты, – зашипела она. – Он со мной так разговаривал, а ты не сделал ничего. Ничего!

Огромный киммериец посмотрел на нее бесстрастно:

– Возможно, он прав. Я видел следы зверя, который может убивать огнем. И если бритуниец был прав в этом, он, возможно, прав также, говоря, что убить его трудно. Возможно, тебе следует вернуться в Шадизар.

– Возможно, возможно, возможно. – Она презрительно выплонула каждое слово. – Почему мне не доложили об этих следах? Арваний, что ты знаешь об этом?

Охотник бросил на Конана взгляд, полный злобы.

– Пожар от молнии, – сказал он угрюмо. – И несколько старых костей. Этот боится собственной тени. Или тени от горы.

– И это неправда? – Йондра вопросительно поглядела в лицо Конану, – Ты ведь не выдумываешь сказки, боясь, что тебя убьют горцы?

– Я не боюсь смерти, – спокойно произнес Конан. – Когда она придет, настанет лишь темнота. Но только дурак ищет смерти без пользы.

Аристократка надменно вздернула голову.

– Так, – сказала она, и опять: – Так. – Не взглянув больше на Конана, она твердо зашагала прочь, громко крикнув: – Лиана! Приготовь мне умыться!

Арваний злорадно скалился, глядя на Конана, но киммериец не видел его.

«Все сделалось намного сложнее, чем я предполагал, покидая Шадизар, – подумал Конан. – Что мне теперь делать?»

Был один известный ему способ сосредоточить свои мысли для решения задачи. Вынув из сумки небольшой брусок, юн достал меч, сел и, поджав под себя ноги, принялся точить старинный меч и думать.

* * *

Ималла Басракан глядел на мертвого ворона, лежавшего на полу, и дергал в отчаянии свою раздвоенную бороду. Воронов-разведчиков достать было нелегко. Птенцов надо выращивать, и лишь одна пара из двадцати выживала после заклятий, связывающих птиц так, что одна птица видела и чув-

ствовала то же самое, что видела и чувствовала другая. Нужно время, чтобы вырастить птиц, и время, чтобы наложить заклятия. У него не было времени заменить проклятую птицу. Вероятно, другая досталась ястребу. А их у него так мало.

Проворчав, он пнул мертвую птицу, отчего она ударилась о голую каменную стену.

– Грязная тварь, – прорычал он.

Одернув свое красное одеяние, он повернулся к шести нащестам, установленным в середине комнаты. На пяти из них сидели вороны, склонив головы и глядя на ималлу черными глазами-бусинками. Крылья их, подрезанные, чтобы они не могли улететь, бессильно свисали.

В комнате, кроме нащестов, почти ничего не было. На столе, инкрустированном перламутром, стояла бронзовая лампа и были разбросаны приспособления для занятий магическим искусством. На полке вдоль стены стояли фолианты по некромантии, собранные ималлой в течение жизни. Никто не входил в эту комнату, как и в другие, отведенные для его занятий, кроме него, и никто, кроме его последователей, не знал, что происходит там.

Басракан зажег от лампы лучину и начал описывать ею в воздухе перед первой птицей замысловатую фигуру. Крохотные глазки следили за пламенем, отражающимся на их черной поверхности. Рисуя фигуру, Басракан нараспев бормотал слова, взятые из тома, переписанного на пергамент, сделанный из человеческой кожи, слова, которые наполня-

ли воздух до такой степени, что, казалось, стены начинали дрожать. С каждым словом след пламени делался все более осязаемым, пока между ималлой и вороном не повис нечестивый символ.

Ворон медленно раскрыл клюв и проскрипел слова, едва узнаваемые:

– Холмы. Небо. Деревья. Облака. Много-много облаков.

Колдун хлопнул в ладоши, огненный символ исчез, и птица перестала скрипеть. С этими тварями почти всегда так. Заклятия, связывающие птиц, заставляют их прежде всего говорить о людях, но если людей не было, то вороны будут бубнить обо всем, что им пришлось увидеть, и будут говорить бесконечно, если не заткнуть их.

Тот же ритуал, исполненный перед следующей птицей, дал тот же результат, иным было лишь описание ландшафта, и то же произошло и со следующей птицей, и со следующей. Когда ималла дошел до последней птицы, он уже спешил. В соседней комнате важное дело требовало его внимания, и он уже был уверен в том, о чем доложит птица. Нараспев произнося заклинание, он нарисовал огненный символ, уже готовый хлопком в ладоши уничтожить его.

– Солдаты, – прокаркал ворон. – Много-много. Много-много.

У Басракана перехватило дыхание. Никогда он так не жалел о том, что вороны не могут называть цифры.

– Где? – спросил ималла.

– На юге. На юге от гор.

Ималла задумчиво погладил бороду. Если они идут с юга, то это, должно быть, заморийцы. Но что с ними делать? Птицу, которая в действительности видела солдат, можно заставить вернуться и указать дорогу его воинам. Горцы расценят это как еще один символ благоволения истинных богов, ибо птицы – это творение духов воздуха. И это будет первой победой, первой из многих побед над неверными.

– Возвращайся! – крикнул Басракан.

– Возвращаюсь, – проскрипел ворон и замолчал.

Сколько же там солдат, думал ималла, выходя из комнаты, и сколько же воинов истинных богов послать против них?

Проходя через следующее помещение, со стенами, отделанными гладким дубом, таким же дорогим в горах, как жемчуг, он задержался, чтобы поглядеть на девушку, забившуюся в угол. Из ее темных глаз текли слезы, а полные губы беспрестанно дрожали. Кожа у нее была гладкая и мягкая, и одежда не мешала ималле смотреть на нее.

Лицо Басракана исказилось от отвращения, и он вытер руки о свою алую одежду. Лишь восемнадцать лет, а уже сосуд похоти, уже пытается завладеть умами мужчин. Как и все женщины. Ни одной нет истинно чистой. Ни одной, достойной древних богов.

Очнувшись от своих мрачных мыслей, святой человек поспешил дальше. Он не боялся, что девушка уйдет. Заклятие, которое он наложил на нее, не позволит ей покинуть это по-

мещение, пока он не даст ей разрешения, пока не сочтет ее достойной.

В коридоре он встретил только что вошедшего ималлу Джбейля. Тощий человек склонился, зашуршав своей черной одеждой.

– Да будет с тобой благословение истинных богов, ималла Басракан. Я пришел с дурными вестями.

– Дурные вести? – произнес Басракан, не вспомнив о приветствии. – Говори!

– Много воинов присоединились к тем, что были у нас, но почти никто из них не видел символа благоволения истинных богов. – Глаза Джбейля горели лихорадочным огнем истинной веры, и рот его презрительно скривился, когда он говорил о тех, кто был менее полон веры, чем он сам. – Раздается много голосов, требующих показать жертвоприношение. Даже те, кто видел, шепчут сейчас, что существо, посланное древними богами, покинуло нас, раз его не видно уже столько дней. Некоторые из вновь пришедших говорят, что вообще нет никакого символа, что все это ложь. Они произносят это украдкой, между собой, но делать так они будут не вечно, и, я боюсь, они легко могут завладеть сердцами сомневающимися.

Басракан в отчаянии скрипнул зубами. Его мучило то же опасение, он боялся, что они покинуты, и по ночам, в одиночестве, бичевал себя за недостаток веры. Он уже пытался вызвать огненного зверя, пытался, и это ему не удалось.

Но он все еще там, говорил себе ималла. Все еще под горой, ждет, чтобы выйти снова. Ждет – у него перехватило дыхание – символа их веры.

– Сколько собралось воинов? – спросил он.

– Больше сорока тысяч, ималла, и каждый день прибывают еще. Очень трудно кормить стольких, хотя они, конечно, и правоверные.

Басракан вытянулся во весь рост. Его лицо светилось верой, подкрепленной сообщением о численности его армии.

– Дай воинам знать, что мне известно о недостатке их веры. – Он произносил слова размеренно, с плавным ударением, убежденный, что они вдохновлены истинными богами. – Дай им знать, что если они хотят видеть желаемое зрелище, то от них требуется сделать то, что я скажу. Явится птица, ворон, символ, данный духами воздуха. Половина всех собравшихся должна последовать за птицей, и она приведет их туда, где находятся неверные, солдаты Заморы. Воины должны убить их, не давая уйти никому. Никому. Если это будет исполнено так, как приказано, то им будет дарован символ благоволения истинных богов.

– Птица, – прошептал Джбейль. – Символ, данный духами воздуха. Воистину велики древние боги, и воистину ималла Басракан велик пред их лицом.

Басракан небрежно отмахнулся рукой от похвалы.

– Я всего лишь человек, – сказал он. – Теперь ступай! Проследи, чтобы все было исполнено по моему приказу.

Последователь в черном поклонился перед колдуном, и Басракан, как только тот ушел, принялся тереть виски.

Столько на него навалилось. От этого болит голова...

Но есть еще девушка. Показав девушке зло, заключенное в ней, избавив ее от этого зла, он облегчит боль. Он изгонит из нее похоть. С видом аскета, страдающего во имя долга, Басракан пошел назад.

Глава 11

Джинар лежал в темноте на животе и изучал лагерь охотников, мирно отдыхающий на соседнем холме. Темная одежда горца сливалась с тенями на каменистой земле. Лишь тлеющие угли напоминали о кострах; сам же лагерь оставался в темноте, в которой шатры и повозки были лишь смутными очертаниями, и только в большом алом шатре горела лампа. Над острыми пиками гор на севере высоко висела луна, но густые облака пропускали ее свет лишь изредка. Отличная ночь для нападения. Он провел рукой по заплетенной в три косички бороде. Вероятно, древние боги действительно с ними...

Это казалось очевидным все эти дни, когда след охотничьей партии шел прямо, как стрела. Может быть, Огненные глаза притягивают каким-то образом к ималле и истинные боги действуют среди людей даже через заморийскую блудницу? Холодок, будто дуновение ледяного горного воздуха, пробежал по спине Джинара, и волосы на голове зашевелились. Ему показалось, что древние боги ходят по земле прямо у него перед глазами. Сзади зашуршали камни, Джинар вскрикнул от страха.

Рядом с ним на каменистую почву опустился Фаруз.

– Часовые? – спросил наконец Джинар. Он был доволен, что голос его звучал ровно.

Подошедший презрительно фыркнул:

– Их десять. Но они почти спят. Они умрут легко.

– Так много? Такую охрану выставляют солдаты, а не охотники.

– Я говорю тебе, Джинар, они чуть ли не храпят. Глаза их закрыты.

– Двадцать глаз, – вздохнул Джинар. – Достаточно, чтобы заметила одна пара. Если лагерь будет разбужен, нам придется нападать на них сначала снизу...

– Ба! Нам надо было напасть на них тогда, когда мы их только заметили, когда они шли. Или ты все еще боишься британских собак? Их уже давно здесь нет.

Джинар не ответил. Лишь потому, что Шармаль один пошел справлять естественную потребность, увидели его британцы, которые шли, как привидения, по следу охотников из Шадизара. Британцы и заморийцы не очень любили друг друга, это правда, но и те и другие отложат взаимное убийство для того, чтобы омочить свои клинки кровью горцев. Фаруз вклинился бы с горцами между двумя вражескими отрядами – по крайней мере, между сорока британцами и в два раза больше заморийцев, – думая лишь о том, скольких он сможет убить.

– Если твоя... осторожность приведет нас к неудаче, – проговорил Фаруз, – не надейся защититься от гнева ималлы Басракана, свалив вину на других. Правда станет известна.

Фаруз, решил Джинар, не доживет до того, чтобы вернуть-

ся к правоверным ималлы Басракана. Древние боги сами позаботились об этом.

Снова за спиной послышался шорох сапог, но на этот раз Джинар просто посмотрел через плечо, Шармаль, худой молодой человек с жидкой бородкой, заплетенной множеством косичек, сел на корточки рядом с Джинаром и Фарузом.

– Неверные бритунийцы все еще идут на восток, – сказал молодой человек.

– Они не остановились с наступлением темноты? – спросил, нахмурившись, Джинар. Ему никогда не нравилось необычное поведение, а ведь никто не путешествует ночью без веских на то оснований, тем более вблизи Кезанкийских гор.

– Когда я возвращался на закате, – ответил Шармаль, – они все еще скакали на восток. Я... я не хотел пропустить битву.

– Если вообще будет битва, – усмехнулся Фаруз.

Джинар громко скрипнул зубами.

– По коням, – приказал он. – Окружить лагерь и медленно приближаться. Не наносить ударов без моей команды, если только не будет поднята тревога. Понятно, Фаруз? Говоришь ты с жаром. Может ли твоя рука подтвердить эти слова?

Зарывав, Фаруз вскочил на ноги и бросился вниз по склону – туда, где стояла его косматая лошадь.

Джинар, угрюмо улыбаясь, последовал за ним и взобрался в высокое седло. Он осторожно объехал холм, направляясь

к лагерю на вершине соседнего холма. Стук неподкованных копыт по камням не беспокоил Джинара, сейчас не беспокоил. Он был убежден, что заморийцы не услышат. С ними древние боги. Он и другие горцы сливались с темнотой. Он разглядел часового, оперевшегося на копьё, ничего не замечающего, не видящего еще одной подкрадывающейся тени. Джинар вынул из ножен кривую саблю. Впереди могут идти по земле истинные боги, но здесь также присутствовало что-то еще. Смерть. Он чуял ее. Смерть для многих. Смерть для Фаруза. Улыбнувшись, Джинар ударил пятками в бока лошади, и она бросилась вперед. Часовой успел в ужасе вытаращить глаза; затем кривой клинок, к которому была приложена сила руки Джинара, и вес несущейся лошади, снес голову с плеч. Темноту разорвал крик Джинара:

– Во имя истинных богов, бей их! Не щадить!

С воплями из ночи выскочили горцы, обнажив алчущую крови сталь.

* * *

Конан лежал, завернувшись в накидку, под открытым небом, приоткрыв глаза. После такого ее поведения он решил не ходить в шатер, несмотря на призывно горящие лампы, которые светились еще и сейчас. Но разбудили, однако, его не мысли о шелковистой коже, а посторонний шум. Он слышал дыхание ближайшего к нему часового, дыхание

слишком спокойное и глубокое для человека на страже. Эти придурки не слушают его советов, подумал он. Они слушают, но не слышат, точнее. На храп часового наслои́лся другой звук: на склоне зашуршали и покатались камни. На всех склонах холма.

– Кром! – произнес киммериец. Одним движением он сбросил черную накидку, поднялся на ноги и выхватил меч. Он открыл рот, чтобы поднять тревогу, но в данный момент в этом уже не было необходимости.

Следом за влажным ударом стали, погрузившейся в плоть, раздалось: «Во имя истинных богов, бей их! Не щадить!»

В темноте начался хаос: со всех сторон появились орущие горцы, жаждущие крови неверных, а из шатров вылезали охотники и молили своих богов дать им увидеть еще один рассвет.

Огромный киммериец побежал к часовому, дыхание которого он слышал до этого. Разбуженный часовой попытался опустить копьё, но, получив по лицу удар саблей, с криком покатился по земле.

– Кром! – взревел Конан.

Горец дернул за поводья и развернул косматую лошадку над повалившимся часовым в сторону огромного человека, вышедшего из темноты.

– Такова воля истинных богов! – проорал горец. Размахивая над тюрбаном окровавленной саблей, он ударил пятками в бока лошадки.

На долю мгновения Конан остановился, расставил ноги так, будто собирался встретить летящую на него лошадь. Вдруг он бросился вперед, пригнувшись под просвистевшим над головой стальным полумесяцем, и вонзил в живот горца меч. Сила удара сбила киммерийца с ног, а горец, казалось, прыгнул через круп лошади и упал на землю.

Поставив ногу на грудь трупа, Конан выдернул свой меч. Некий инстинкт предупредил его, покалывание между лопаток. Он обернулся и увидел другого врага на лошади и кривую саблю, уже приближающуюся к голове. Не оборачиваясь, киммериец уже поднимал свой меч, и его острый, как бритва, клинок полоснул по уже опускавшейся кисти. Рука и сабля полетели, и горец с жалобными криками ускакал в ночь, высоко подняв обрубок руки, из которого бил фонтан крови, будто так он не позволит крови вытечь.

Две повозки уже пылали, как костры, и пламя быстро поглощало пять круглых шатров. Над всем висел шум битвы: звон стали о сталь, крики раненых, стоны умирающих. Вспыхнула еще одна повозка. Огонь отодвигал ночь от сражающихся людей, пляшущих с окровавленными клинками среди тел, усеявших вершину холма. Среди лежащих без движения было больше тех, кто носил кольчугу и остроконечный шлем заморийцев, чем тех, чьи головы были обмотаны тюрбанами.

Все это Конан охватил взглядом в долю секунды, но одно среди всего остального привлекло его внимание. Йондра,

выгнанная из-под мехового одеяла и голая, если не считать перекинутого через плечо колчана, стояла перед алым шатром и спокойно стреляла из лука, будто это была стрельба по соломенным мишеням. И там, куда попадали ее стрелы, умирали горцы.

Киммериец заметил, что на нее обратил внимание не только он. Горец в дальнем конце лагеря издал вдруг протяжный крик и послал свою лошадку галопом в сторону обнаженной лучницы.

– Йондра! – крикнул Конан, но, даже когда кричал, он знал, что она не услышит его в таком шуме. И что ему никак не успеть добежать до нее.

Перебросив меч в левую руку, он двумя прыжками добрался до часового, лежащего на спине, обратив лицо, похожее на раскрытую маску, к черному небу.

Безжалостно поставив ногу на отброшенную руку часового, киммериец вырвал из мертвого захвата тяжелое охотничье копьё. С отчаянной быстротой он распрямился, обернулся, метнул и замер, когда копьё было в воздухе. Ни воли, ни мысли не осталось для движения, поскольку и то и другое было сейчас приковано к толстому копьё.

Лошадь горца находилась в двух шагах от Йондры, его клинок почти упирался в ее спину, и все же девушка ничего не слышала и не обернулась. А горец согнулся в конвульсиях, когда его грудь пронзил наконечник копьё. Лошадь его продолжала мчаться, а тело горца медленно заваливалось на-

зад и упало наконец, будто мешок с песком, перед женщиной. Йондра вздрогнула, когда почти у самых ее ног упало тело, но продолжала еще некоторое время шарить руками в опустевшем колчане в поисках еще одной стрелы. Неожиданно она отбросила лук и выхватила из руки мертвого горца саблю.

Конан обнаружил, что снова может дышать. Он сделал шаг в сторону княжны... и что-то огнем полоснуло его по спине. Огромный киммериец тут же перекатился вперед, встал на ноги и обернулся, отыскивая нападавшего. За спиной было много народу – и горцы, и охотники, – но все, кроме Арвания и Телада, были заняты тем, что убивали друг друга, и даже эти двое, пока Конан смотрел, сцепились с врагами в тюрбанах. Нет времени выбирать себе противника, подумал Конан. Их хватит на всех. В нем пробудилась темная ярость.

Когда он снова посмотрел вперед, Йондры уже не было, но мысли о ней глубоко вошли в его потемневшее от битвы сознание: Конан был рожден на поле битвы. Первым запахом, который вошел в него с первым вдохом, был медный запах свежепролитой крови. Первым звуком, приветствовавшим его слух, был лязг стали. Первым видом, который открылся его глазам, были вороны, кружащие в небе и ждущие, когда живые уйдут и отдадут им во власть то, что осталось.

С боевой яростью, родившейся вместе с ним, Конан шагнул сквозь пламя и крики, и меч его нес смерть. Киммериец

искал бородатых людей в тюрбанах, и те, которых он находил, представляли перед Черным тронном Эрлика, унося с собой воспоминания о том, что видели в мире людей последним: глаза, горящие лазурным огнем.

Его старинный меч грозно сверкал в свете горящих шатров, сверкал до тех пор, пока залитый алым клинок мог еще сверкать, но, казалось, стал пожирать свет так же, как пожирал жизнь. Люди встречали его, люди падали перед ним, и наконец люди от него бежали.

Настало время, когда киммериец стоял один, и взгляд его не мог больше видеть тюрбанов, кроме как на мертвых.

Были и стоящие люди, понял Конан, когда туман боевой ярости немного рассеялся и сознание его прояснилось. Заморийские охотники собрались вокруг него широким кругом и глядели с удивлением и страхом. Он взглянул каждому в лицо, и каждый под его взглядом отступил на шаг.

Даже Арваний не мог устоять на месте, хотя его лицо и залилось краской злости, когда он понял, что сделал.

– Горцы? – спросил Конан. Он стянул грубую шерстяную накидку с убитого горца и вытер о нее меч.

– Ушли, – ответил Телад тонким голосом. Он прочистил горло. – Бежали немногие, а большая часть, мне кажется... – Он обвел рукой всю вершину холма, усеянную телами и сгоревшими шатрами, освещенную пылающими позвонками. – Это ты нас всех спас, киммериец.

– Яйца Ханнумана! – взревел Арваний. – Вы что, все жен-

щины? Нас спасло ваше собственное оружие, мечи в ваших руках! Если варвар и убил нескольких, то он спасал собственную шкуру.

– Не говори глупостей, – бросил ему Телад. – Тебе в первую очередь не следует выступать против него. Конан дрался как демон, в то время как мы пытались проснуться и понять, что это не страшный сон.

Люди, стоявшие кругом, подтвердили его слова, закивав головами.

Арваний с искаженным яростью лицом открыл рот, но Конан заговорил первым:

– Если кто-нибудь из них бежал, то он может привести других. Нам следует уйти отсюда, и побыстрее.

– Вот чего стоит ваш герой, – презрительно говорил Арваний. – Уже готов бежать. Горцы редко собираются в банды более многочисленные, чем та, что напала на нас и теперь ожидает червей. Кто еще осмелится напасть на нас! Я, кроме того, считаю, что мы убили всех горских собак.

– Некоторые все-таки бежали, – возразил Телад, но Арваний продолжал говорить, заглушая Телада:

– Я не видел, чтобы кто-нибудь бежал. Если бы я видел, ему бы не удалось бежать. Если мы побежали, как кролики, значит, мы есть кролики, испугавшиеся тени.

– Твои оскорбления начинают меня беспокоить, охотник, – сказал Конан, приподняв меч. – До этого я воздерживался от того, чтобы убить тебя, по разным причинам. Те-

перь тебе пора усмирить свой язык, или я усмирю его за тебя.

Арваний хмуро глядел в ответ, сабля его подрагивала в руке, но он молчал. Остальные охотники расступились.

Тишину нарушила Йондра, подойдя в глубоком парчовом халате до пят, который она удерживала на шее двумя руками. Она посмотрела на обоих противников, прежде чем начать говорить:

– Конан, почему ты думаешь, что горцы вернутся?

Она пыталась не обращать внимания на напряжение, как понял киммериец, и таким образом разрядить его, но дать ответ на ее вопрос важнее, чем убить Арвания.

– Это правда, что банды горцев обычно небольшие, но в Шадизаре говорят, что кезанкийские племена объединяются. То, что мы видели солдат, идущих на север, подтверждает это, поскольку также говорят, что против горцев послана армия. Уйдя, мы ничем не рискуем; оставшись же, рискуем тем, что эти немногие бежавшие приведут тысячу.

– Тысячу! – презрительно фыркнул человек с орлиным носом. – Моя госпожа, хорошо известно, что горские племена постоянно враждуют друг с другом. Если соберется тысяча горцев, они за день перережут друг друга. А если, каким-нибудь чудом, так много людей и соберется вместе, они прежде всего будут думать о солдатах. В любом случае я не верю в базарные слухи о том, что племена объединяются. Это противоречит всему тому, что я знаю о горцах.

Йондра задумчиво кивнула, затем спросила:

– А наши раненые? Сколько их и какова тяжесть ранения?

– Много царапин и порезов, моя госпожа, – ответил Арваний, – но лишь четырнадцать человек можно считать ранеными, и лишь двое ранены тяжело. – Он поколебался. – Одиннадцать убиты, моя госпожа.

– Одиннадцать, – вздохнула она и закрыла глаза.

– Было бы больше, моя госпожа, если бы не Конан, – сказал Телад, и Арваний накинулся на него:

– Перестань болтать о своем варваре!

– Хватит! – крикнула Йондра. Ее голос мгновенно успокоил охотников. – Я решу, что нам делать, завтра. А сейчас раненых перевязать, костры потушить. Арваний, проследи за этим. – Она помолчала, делая глубокий вдох и не глядя ни на кого определенно, затем сказала: – Конан, пройди в мой шатер. Прошу. – Последнее слово было вымученным, и, произнеся его, она быстро отвернулась, отчего халат ее разошелся и открыл обнаженное бедро, и поспешила вон из круга мужчин.

Посещения Конаном шатра Йондры и ее постели были тайной, известной всем, но об этом открыто не говорили. Все мужчины поэтому старались сейчас не смотреть на Конана и друг на друга. Арваний был явно поражен. Тамира одна взглянула в лицо киммерийцу, и взгляд ее был гневным.

Покачав головой при мысли о непредсказуемости женщин, огромный киммериец вложил в ножны меч и пошел следом за Йондрой.

Она ожидала его в алом шатре. Когда он нырнул под полог, княжна сбросила с плеч парчовый халат, и Конан обнаружил, что держит в руках гладкое мягкое голое тело. Княжна вцепилась в киммерийца, прижавшись к его ребрам полными грудями.

– Мне... мне не следовало тогда говорить, – проговорила она. – Я не сомневаюсь в том, что ты видел, и я хочу, чтобы ты спал в моей постели.

– Это хорошо, что ты мне веришь, – сказал он, глядя княжну по волосам, – поскольку я действительно видел то, о чем рассказал. Но сейчас не время говорить об этом. – Она вздохнула и прижалась плотнее, если это только было возможно. – Сейчас время поговорить о возвращении. Твои охотники понесли тяжелые потери от горцев, а до гор еще день пути. Если ты войдешь в горы с телегами и быками, то не сможешь больше остаться незамеченной племенами. Людей твоих убьют, а ты окажешься рабой немытого горца, жены которого будут постоянно бить тебя за твою красоту. Будут бить, по крайней мере, до тех пор, пока тяжелая жизнь и труд не заберут твою молодость, так же как и у них самих.

С каждым словом она все больше напрягалась в его руках. Затем оттолкнула его от себя и подозрительно посмотрела на него.

– Уже много лет, – сказала она, задыхаясь от ярости, – не просила я у кого-либо прощения, и никогда не умо... не просила кого-нибудь, кроме тебя, прийти ко мне в постель. Чего

бы мне не хотелось, так это выслушивать нотации взамен.

– Об этом надо поговорить. – Конан обнаружил, что ему трудно не обращать внимания на тяжелые круглые груди, тонкую талию, переходящую в роскошные бедра, и стройные ноги, но он заставил себя говорить так, будто княжна укутана толстым слоем шерстяной ткани. – Горцы потревожены. Муравьи могут избежать их внимания, но не люди. И если тебе доведется встретить зверя, на которого ты охотишься, помни, что зверь тоже охотник, к тому же убивающий огнем. Скольким людям позволишь ты заживо изжариться, чтобы повесить на стену трофей?

– Деревенские сказки, – фыркнула она. – Если меня не могут испугать горцы, почему ты думаешь, что я побегу, испугавшись этой выдумки?

– Элдран, – начал он с терпением, которого сам уже больше не чувствовал, но ее вопль оборвал слова киммерийца:

– Нет! Не желаю слышать об этом... бритунийце! – Задыхаясь, она пыталась вновь овладеть собой. Наконец она властно выпрямилась. – Я вызвала тебя сюда не для того, чтобы вести споры. Ты ляжешь со мной в постель и будешь говорить лишь о том, что мы делаем, либо убирайся отсюда.

Гнев Конана находился на волосок от того, чтобы вырваться наружу, но киммериец сумел сдержаться и дать ехидный ответ:

– Повинуюсь, моя госпожа. – И с этими словами он повернулся спиной к ее обнаженному телу.

Ее яростные крики раздавались Конану вслед, когда он уходил в уже тускнеющую ночь, и эхом разносились над всем лагерем.

– Конан! Вернись, Митра тебя разорви! Ты не можешь меня так оставить! Я приказываю тебе вернуться, Эрлик прокляни тебя навеки!

Ни один человек не поднял взгляда от своей работы, но по тому, с каким сосредоточением все принялись за свои занятия, было ясно, что никто не был глух.

Те, кто сбрасывал палками с телег горящие свертки, вдруг удвоили свои усилия, стараясь спасти то, что еще не взял огонь. Вновь расставленные по своим местам часовые вдруг начали вглядываться в светлеющие тени, будто в каждой скрывалось по горцу.

Тамира обходила раненых, лежащих на одеялах в центре лагеря, и подавала каждому напиток из бурдюка. Она подняла глаза и широко улыбнулась, когда киммериец проходил мимо нее.

– Значит, сегодня снова спишь один, киммериец, – мило произнесла она. – Какая жалость.

Конан не посмотрел на нее, лишь нахмурился. Одну из телег оставили свободно догорать, и пылающие свертки валялись вокруг других телег.

Толстый повар прыгал среди охотников, размахивая над головой медным подносом и громко жалуясь на то, что кухонными принадлежностями пользуются для того, чтобы за-

кидывать землей пламя. Конан взял поднос из рук повара и нагнулся рядом с Теладом, чтобы зачерпнуть земли.

Бритоголовый охотник поглядел некоторое время косо на киммерийца, затем осторожно произнес:

– Мало кто бросит ее без веских причин.

Вместо того чтобы отвечать на незаданный вопрос, Конан прорычал:

– Я начинаю думать, что мне следует привязать вашу княжну к лошади, чтобы вы отвезли ее назад в Шадизар.

– Ты совсем не думаешь, если считаешь, что можешь это сделать, – сказал Телад, кидая горсть земли и камней на пылающий сверток, – или что мы захотим сделать это. Княжна Йондра решает, куда идти, а мы идем следом.

– В Кезанкийскне горы? – недоверчиво спросил Кона». – Когда племена неспокойны? Армия идет на север не на прогулку.

– Я служу дому Перашанидов, – медленно произнес бритоголовый, – с самого детства. Как и мой отец до меня, и его отец. Княжна Йондра и есть теперь дом Перашанидов, ибо она последняя. Я не могу ее бросить. Но ты бы мог, я полагаю. На самом деле, вероятно, тебе даже следует это сделать.

– И зачем это мне? – спросил Конан сухо.

Телад ответил, будто вопрос действительно был серьезным:

– Не все копыя бросают известные тебе враги... Если останешься, то остерегайся удара в спину.

Конан остановился, набирая землю в поднос. Значит, копье, оцарапавшее ему спину, было брошено не рукой горца Арванием, без сомнения, или кем-то другим, долго прослужившим дому Перашанидов, кому не понравилось то, что последняя представительница рода спит с безземельным воином. Этого ему было достаточно. Враг за спиной – один по крайней мере – и горцы вокруг. Завтра, решил Конан, он в последний раз попытается убедить Йондру вернуться. И Тамиру тоже. И в Шадизаре хватит ей драгоценностей. А если они не согласятся, он их бросит и вернется один. Он яростно загреб подносом землю и бросил ее в огонь. Он так и сделает! И пусть заберет его Эрлик, если это будет не так.

* * *

На рассвете Джинар оглядел жалкие остатки своего отряда. Пять человек с ужасом в глазах и без лошадей.

– Это все великан, – бормотал Шармаль. Тюрбан он потерял, и лицо его было измазано грязью и кровью из раны на голове. Глаза были устремлены на что-то невидимое для остальных. – Великан убивал кого хотел. Никто не мог устоять перед ним.

Никто не пытался заставить его замолчать, поскольку на безумных лежит печать древних богов и они находятся под их защитой.

– Кто-нибудь считает по-прежнему, что мы можем взять

Огненные глаза у заморийской женщины? – спросил устало Джинар. Ему ответили взгляды без всякого выражения.

– Он отрубил Фарузу руку, – говорил Шармаль. – Кровь хлестала из обрубка, когда он ускакал в ночь, чтобы умереть. Джинар не обращал на молодого человека внимания.

– И кто-нибудь сомневается в том, какую цену мы заплатили за то, что не выполнили приказ ималлы Басракана?

Опять четверо, сохранивших рассудок, промолчали, но опять ответ был в их темных глазах, окрашенных теперь ужасом. Шармаль заплакал.

– Великан был духом земли. Мы разгневали истинных богов, и они послали его нам в наказание.

– В таком случае решено. – Джинар покачал головой. Ему придется многое оставить, включая любимое седло и двух молодых жен, но этому легче найти замену, чем крови в жилах. – Племена на юге еще не ответили на призыв Басракана. Они думают лишь о налетах на караваны из Султанапура и Аграпура. Мы отправляемся к ним. Лучше уж вероятность того, что никто нас не примет к себе, чем гнев Басракана, который нам обеспечен.

Он не видел движения Шармаля, но вдруг кулак молодого человека ударил ему в грудь. Он взглянул вниз, удивленный тем, что у него вдруг перехватило дыхание. Удар не был таким уж сильным. Затем он увидел в кулаке рукоять кинжала. Когда он снова поднял глаза, остальные четверо уже ушли, не желая вмешиваться в дела безумца.

– Ты приговорен, Джинар, – сказал Шармаль тоном, каким увещевают непослушного ребенка. – Лучше это, чем то, что ты не выполнишь волю истинных богов. Ты, конечно, понимаешь это. Нам надо вернуться к ималле Басракану, к святому человеку, и рассказать ему о великане.

Он прав, подумал Джинар. В лагере царила смерть. Он все еще ее чувал. Джинар раскрыл рот, чтобы рассмеяться, и из него хлынула кровь.

Глава 12

Ранним вечером, когда тени удлиннились, лагерь, насколько это было возможно, зажил своей обычной жизнью. Костры потушили, и повозки, которые нельзя было спасти, сбросили с холма вместе с запасами, которые слишком сильно пострадали от огня. Почти все раненые были на ногах, хотя и не готовы к следующей битве, а скоро встанут на ноги и остальные. Мертвые были похоронены на склоне холма, и на могилы навалили кучи камней, чтобы их не разрыли волки. По крайней мере, так поступили с мертвыми заморийцами. Грифы и вороны кричали и дрались за соседним холмом, там, куда оттащили тела горцев.

Сейчас часовых установили не только вокруг самого лагеря, но и на соседних холмах. Дальние наблюдатели были на конях, чтобы быстрее донести весть о тревоге, – идея эта принадлежала Конану. Поначалу Йондра не обратила внимания на его предложение, а Арваний осмеял его, но часовые были выставлены, хотя и без признания в этом заслуги киммерийца.

Но не от обиды, однако, шагал Конан по лагерю с лицом будто грозовая туча. Ему мало было дела до того, кто припишет себе заслугу в том, что выставлены часовые, достаточно, что они есть. Но весь день Йондра избегала его. Она суетилась, проверяя раненых, пробуя еду, приготовленную пова-

ром, влезая во множество дел, о которых в обычное время тотчас позабыла бы, отдав приказ об их исполнении. Всех в лагере, кроме Конана, она заставляла носиться. И все это, киммериец понимал, для того, чтобы не говорить с ним.

Мимо в короткой белой рубахе пробежала Тамира, сосредоточенно балансируя с графином вина и кубком на подносе, и Конан поймал ее за руку.

– Я не могу останавливаться, – сказала она рассеянно. – Ей нужно это прямо сейчас, а зная, какое у нее сегодня настроение, я не хочу задерживаться. – Хрупкая воровка вдруг захихикала: – Возможно, нам всем действительно было бы лучше, если бы ты не спал прошлую ночь один.

– Не обращай на это внимания, – прорычал Конан. – Время уходит, Тамира. Завтра мы окажемся в горах.

– Ты этими словами так разозлил Йондру? – Лицо ее сделалось мрачнее. – Ты и ее просил вернуться?

– Дура, ты будешь меня слушать? Охотничий трофей не может быть причиной такого риска. И те драгоценности тоже.

– А что Йондра? – спросила она с подозрением. – Она не хочет возвращаться?

– Если мне не удастся ее уговорить, я пойду без нее. Пойдешь со мной?

Тамира прикусила пухленькую нижнюю губку и поглядела на его лицо из-под густых ресниц. Наконец она кивнула:

– Пойду. Но это должно произойти ночью, когда она спит.

Она не позволит мне оставить службу, если узнает об этом. Что она будет делать без служанки, на которую можно кричать? Но как насчет интересующих тебя рубинов, киммериец?

– Они меня больше не интересуют, – ответил он.

– Больше не интересуют, – начала Тамира, затем остановилась, недоверчиво качая головой. – О, ты, должно быть, думаешь, что я дурочка, если считаешь, что поверю в это, киммериец. Или сам дурак. Митра, я постоянно забываю о том, что мужчины всегда ведут себя как мужчины.

– И что это означает? – спросил Конан.

– То, что она затащила тебя в свою постель, и теперь ты не хочешь у нее красть. И ты называешь себя вором!

– Причины моих действий тебя не касаются, – сказал он ей с большим терпением, чем ощущал на самом деле. – Так же как не должны касаться и рубины. Ты уходишь со мной сегодня ночью, запомнила?

– Запомнила, – медленно проговорила она. Когда ее большие карие глаза взглянули на него, ему показалось на мгновение, что она хочет сказать что-то еще.

– Лиана! – раздался голос Йондры, будто хлестнув плетью. – Где мое вино?

– Где мое вино? – передразнила Тамира, но тут же бросилась вперед, обегая Телада, который с трудом нес один конец окованного бронзой сундука.

– Возможно, тебе не следовало сердить ее, киммериец, –

проговорил, тяжело дыша, бритоголовый охотник. – Возможно, ты мог бы извиниться.

Человек на другом конце сундука устало кивнул.

– Кром! – простонал Конан. – Неужели всем в лагере есть дело до того, сплю ли... – Слова его затихли, когда один из часовых сорвался с места и поскакал с холма. Даже не заметив того, что ослабляет меч в ножнах, Конан зашагал туда, где часовой слезал с коня перед Йондрой. Охотники оставили свою работу и стали собираться вокруг.

– Солдаты, моя госпожа, – сказал часовой, тяжело дыша. – Всадники. Две, может быть, три сотни всадников. Они быстро приближаются.

Йондра ударила кулачком по округлому бедру. Ее оранжево-розовая шелковая рубаха и штаны для верховой езды были в пыли и пятнах пота от дневных забот.

– Эрлик бы побрал всех солдат, – сказала она мрачно, затем глубоко вздохнула, отчего ее тяжелые груди заколыхались под тонким шелком рубахи. – Очень хорошо. Если они подойдут, я приму их командира. Арваний! Проследи, чтобы никто из перевязанных не попался на глаза. Если солдаты появятся до того, как я вернусь, будь учтивым, но ничего им не сообщай. Ничего, понял меня? Лиана! Ко мне!

Еще не закончив говорить, княжна растолкала собравшихся охотников, не дожидаясь, когда они расступятся перед ней.

Распорядитель охоты начал выкрикивать команды, и

охотники и погонщики забегали во всех направлениях, торопясь подготовить лагерь к приему гостей. Спрятать раненых, почти все из которых могли передвигаться сами, было проще всего, но благодаря усердию Йондры всюду валялись тюки и свертки, высились горы кухонных принадлежностей и пирамиды копий среди оставшихся шатров, так что казалось, будто над лагерем пронесся ураган.

Не обращая внимания на суету за спиной, Конан сел на корточки на краю лагеря и устремил свой взгляд туда, откуда прискакал часовой. Рука незаметно для него самого несколько раз направлялась к рукояти старинного меча. Он не сомневался в том, что часовой видел заморийских солдат, а не горцев, но ему одинаково не нравились и те и другие. Отношения между армией и вором редко бывали простыми.

Звон подков по каменистой почве возвестил о приближении солдат задолго до того, как появилась колонна всадников. Строем по четыре, сверкая ровными рядами наконечников копий в вечернем солнце, они шли по небольшой долине между холмами.

Впереди развевалось знамя из зеленого шелка с золотой бахромой, какие обычно были у заморийских генералов, и на нем вязью были вышиты рассказы о победах. Конан презрительно фыркнул при виде этого штандарта. На таком расстоянии он не мог различить буквы, но мог сосчитать перечисленные битвы. Если учесть количество настоящих битв, в которых принимало участие оружие заморийцев за послед-

ние двадцать лет, то знамя прославляло победы в пограничных стычках и драках с бандитами.

У подножия холма всадники остановились, две колонны отделились и пошли к лагерю, остальные развернули коней в другую сторону. Знаменосец и генерал с плюмажем из алых конских волос на золотом шлеме и позолотой на кольчуге стали подниматься на холм между редкими кривыми деревьями и разбросанными кустами высотой по пояс.

Повинуясь нетерпеливой команде Арвания, два охотника выбежали вперед: один – чтобы подержать узду генерала, другой – стремя, когда тот слезал с лошади. Это был высокий мужчина с красивым смуглым лицом, верхнюю губу которого украшали тонкие усики. Он окинул надменным взором лагерь, задержал взгляд на Конане, приподнял удивленно бровь и презрительно фыркнул, затем продолжил осмотр. Конан подумал, приходилось ли этому человеку действительно когда-либо пользоваться украшенной драгоценностями саблей, висящей у него на боку.

– Ну, – сказал вдруг генерал, – где ваша хозяйка?

Арваний бросился вперед, на лице его читалась готовность принести многословные извинения, но голос Йондры заставил его резко остановиться.

– Я здесь, Зафанид. Но что столь блистательный генерал Заморы делает в такой дали от дворцов Шадизара?

Она подошла к генералу походкой кошки, и ее наряд вызвал возглас удивления даже у охотников. Мерцающий алый

шелк, вышитый золотом и жемчугом, облегал каждый изгиб ее груди, живота и бедер, таких округлых и плотных, что даже у евнухов потекли бы слюнки.

Внимание Конана привлекала, однако, не одежда. Голову княжны украшала диадема из сапфиров и черных опалов, с одним огромным рубином, крупнее, чем последняя фаланга большого пальца мужчины, свисающим между бровей. Между ее роскошных грудей уютно устроился двойник того рубина, свисая с ожерелья тоже из голубых сверкающих сапфиров и черных опалов. Взгляд киммерийца отыскал Тамиру. Молодая воровка учтиво преподносила Зафаниду поднос с золотым кубком, хрустальным графином вина и сложенным мокрым полотенцем. Она, казалось, не замечала украшений, которые собиралась украсть.

– Ты красива, как всегда, Йондра, – сказал генерал, вытерев руки полотенцем и кинув его обратно на поднос. – Но эта красота могла бы стать украшением лачуги горца, если бы я не встретил человека по имени Элдран.

Йондра заметно напряглась:

– Элдран?

– Да. Бритуниец. Охотник, как он сказал. – Генерал взял кубок, который Тамира наполнила ему, и, поблагодарив ее улыбкой, лишь пригубил его. – Я бы не поверил его рассказу о заморийской аристократке в этом Митрой покинутом месте, если бы не его описание. Женщина ростом с мужчину, с умопомрачительной красоты лицом и фигурой, неплохой

стрелок из лука. И, конечно, прекрасные серые глаза. Тогда я, разумеется, понял, что это не кто иной, как ты...

Генерал закинул голову, чтобы начать пить.

– Он посмел описать меня так? Неплохой стрелок? – Она прошипела эти слова, но лицо ее залилось краской от «умопомрачительной красоты», а кулаки сжались от упоминания о цвете ее глаз. – Я надеюсь, вы крепко сковали этого Элдрана. И его сообщников. У меня... у меня есть основания считать, что они разбойники.

Конан широко улыбался. Она не из тех женщин, что легко переносят утверждения, что кто-либо в чем-нибудь их превосходит.

– Нет, – ответил Зафанид, бросив пустой кубок Тамире. – Он явно был тем, кем назвал себя, и он был один, так что я отпустил его, позволив идти своей дорогой. В любом случае ты должна быть благодарна ему за спасение своей жизни, Йондра. Горцы беспокойны, и это не место для твоих прогулок. Я пошлю с тобой нескольких человек проводить тебя в Шадизар.

– Я не ребенок, чтобы мной распоряжались, – произнесла раздраженно Йондра.

Глаза генерала из-под тяжелых век оглядели ее формы, и ответ его прозвучал медленно:

– Ты определенно не ребенок, Йондра. Нет, конечно. Но все же тебе надо вернуться.

Йондра бросила быстрый взгляд на Конана. Неожиданно

она стала мягче, голос сделался томным:

– Да, я не ребенок, Зафанид. Возможно, мы могли бы обсудить мои планы. Наедине в моем шатре.

Удивление на лице Зафанида сменилось выражением удовольствия.

– Конечно, – сказал он с масляной улыбкой. – Давай... обсудим твоё будущее.

На лице Арвания можно было увидеть смесь отчаяния и ярости, когда он смотрел, как эта пара уходит в алый шатер. Конан просто набрал горсть камешков и принялся кидать их по одному вниз с холма. Телад сел на корточки рядом.

– Опять неприятности, киммериец, – сказал бритоголовый, – и я начинаю сомневаться, стоишь ли ты этого.

– При чем здесь я? – спросил спокойно Конан.

– Она делает это из-за тебя, глупый ты северянин.

– Она выбирает сама. – Он не мог признаться даже себе, что это заигрывание с Зафанидом ему тоже не нравится. – Она не первая женщина, выбравшая мужчину из-за богатства и титула.

– Но она не простая женщина. Я служил ей с тех пор, когда она была еще ребенком, и говорю тебе, что ты первый мужчина, бывший в ее постели.

– Я знаю, – сказал Конан, скрипнув зубами. Он не привык к тому, чтобы женщины его отвергали, ему это не нравилось, и он не хотел об этом говорить.

Из шатра донесся женский крик, и киммериец бросил еще

один камешек. Губ его коснулась едва заметная улыбка. Арваний сделал шаг в сторону шатра, но затем остановился в нерешительности. Тамира, сидевшая у шатра, бросила беспокойный взгляд на Конана. Весь лагерь замер от неожиданности. Раздался еще один крик.

Телад вскочил на ноги, но Конан поймал охотника за руку. – Посмотрю, нужна ли ей помощь, – сказал киммериец, выбросив горсть камней. Несмотря на спокойный тон его слов, первые шаги киммерийца были быстрыми, а когда он приблизился к шатру, ноги его уже перешли на бег.

Когда Конан нырнул под полог, все стало ясно. Йондра боролась среди подушек, ее платье было задрано выше округлых бедер, длинные ноги бились в воздухе, в то время как Зафанид уже почти лег на нее и теперь пытался снять свои штаны и осыпал поцелуями ее лицо. Кулачки княжны беспомощно колотили по спине и бокам генерала.

Рыча, Конан схватил воина за ворот золоченой кольчуги и сзади за штаны и поднял в воздух. Зафанид вскрикнул, затем начал ругаться и дергаться, хватаясь за саблю, но огромный киммериец легко отнес его к выходу и выбросил, как мешок, из шатра.

Конан задержался на мгновение, чтобы убедиться в том, что Йондра невредима. Украшения ее были разбросаны на подушках, платье было порвано и открывало одно плечо, но княжна испытывала скорее гнев, чем боль, одергивая шелковый подол. Затем киммериец последовал из шатра за За-

фанидом. Генерал уже встал на колени, рот его кривился от ярости, и он выхватил саблю, когда появился Конан. Киммериец пнул его ногой. Разукрашенная сабля полетела в сторону, Зафанид вскрикнул и схватился за кисть. Крик затих, когда кончик меча коснулся горла генерала.

– Остановись! – крикнула Йондра. – Конан, убери меч!

Конан медленно опустил клинок, но не вложил его в ножны. Обида была нанесена ей, и, по убеждению Конана, ее правом было распоряжаться жизнью Зафанида. Но он не спрячет оружия до тех пор, пока этот человек не будет мертв или не уйдет.

– Я доберусь до твоей головы, варвар, – прорычал Зафанид, с трудом поднимаясь на ноги. – Ты узнаешь, что бывает с теми, кто поднимает руку на заморийского князя.

– Тогда ты узнаешь, что бывает с теми, кто пытается... пытается грубо обращаться с заморийской княжной, – холодно произнесла Йондра. – Берегись, Зафанид, ибо тебя постигнет та же судьба, что и Конана, и выбор за тобой.

Зафанид выпучил глаза, и из уголка рта потекла слюна.

– Выдвигай какие хочешь обвинения, бритунийская потаскуха. В Заморе все знают, что ты тащишь мужчину к себе в постель, прежде чем принять его на службу охотником. Кто поверит, что такой, как я, прикаснется к такой девке, к такому куску...

Его слова повисли в воздухе, и он отпрянул, когда Конан снова поднял меч, но Йондра схватила массивную руку ким-

мерийца, хотя и не могла обхватить ее пальцами обеих рук.

– Подожди, Конан, – сказала она нетвердым голосом. – Выбирай, Зафанид.

Смуглый генерал растер на подбородке слюну обратной стороной ладони и отрывисто кивнул.

– Это ты сделала выбор, Йондра. Оставь себе своего дикаря-любовника. Иди в горы и найди себе горца. – Прощагав до того места, где валялась его разукрашенная сабля, он схватил ее и всадил в ножны у себя на боку. – По мне, так можешь прямо отправиться в Девятый ад Зандру!

Конан довольно смотрел, как генерал гордо шагал к своей лошади. Зафанид может попытаться бросить Йондру на произвол судьбы, но слишком многие из его солдат знают, что он нашел ее. Попытку изнасилования легко можно скрыть – особенно если другие аристократы думают о Йондре так же, как и генерал, – но то, что он не смог удержать женщину от попытки войти в горы, действительно выставляет его мужское достоинство в невыгодном свете. По крайней мере, так, считал Конан, воспримет это происшествие человек из круга Зафанида.

Конан чувствовал, что с полной уверенностью может поспорить о том, что завтра явится войско с приказом доставить охотничью партию в Шадизар, не слушая того, что будет говорить Йондра.

Когда Зафанид и его знаменосец скакали с холма, к алтому шатру подошел Арваний, и манера поведения его была

одновременно и хвастливой и робкой.

– Моя госпожа, – сказал он басом, – если ты прикажешь, я возьму людей и сделаю так, что князь Зафанид не переживет этой ночи.

– Если я прикажу, – ответила Йондра ледяным тоном, – ты прокрадешься ночью и убьешь Зафанида. Конан не дожидался моего приказа. Он встал перед Зафанидом открыто, не боясь последствий.

– Моя госпожа, я... я умру за тебя. Я живу лишь ради тебя. Йондра повернулась спиной к объятому страстью охотнику. Глазами она уперлась в широкую грудь Конана, будто боясь встретиться с ним взглядом.

– У тебя появляется привычка спасать меня, – сказала она тихо. – Я не вижу причин, по которым мы и дальше должны спать отдельно.

Арваний громко проскрипел зубами.

Конан ничего не ответил. Если его мысли о Зафаниде верны, то ему следует убраться из лагеря еще до исхода ночи, поскольку приказ генерала наверняка будет предусматривать смерть одного грубого северянина. Кроме того, он уже собрался уходить с Тамирой. Чтобы покинуть постель Йондры, потребуется давать нежелательные объяснения.

Высокая аристократка с дрожью вобрала в грудь воздух:

– Я не потаскуха из таверны, чтобы играть со мной. Я хочу получить ответ сейчас.

– Я не ради игры не сплю с тобой, – начал он осторожно

и выругал себя за неумение быть дипломатом, когда увидел, что подбородок ее поднялся, а взгляд вспыхнул. – Давай не будем ссориться, – добавил он быстро, – пройдут еще дни, пока раненые вернут себе силы. Это должны быть дни отдыха и удовольствия. – «Дни дороги назад, в Шадизар», – добавил он про себя, но его надежду разрушил ее презрительный смех:

– Как ты можешь быть так глуп? Зафанида будет мучить мысль о своем мужском достоинстве и чести, которые он потерял здесь, затем он будет убеждать себя, что сможет избежать обвинений, которые я могу предъявить. Завтра явятся еще солдаты, Конан, без сомнения с приказом доставить меня назад в цепях, если я не пойду по-другому. Но им придется искать меня в горах. – Вдруг лицо ее сделалось спокойнее, а голос тверже. – Ведь ты не настолько глуп. Ты так же, как и я, понимаешь, что солдаты вернутся. Ты бы хотел подождать и посмотреть, как меня, будто сверток, увозят в Шадизар. Уходи, раз ты боишься гор. Уходи! Мне все равно! – Так же неожиданно, как она в свое время повернулась спиной к Арванию, теперь она снова обратилась лицом к распорядителю охоты: – Я собираюсь двинуться с первыми лучами, – сказала она человеку с орлиным носом, – и идти быстро. Весь груз должен быть брошен, кроме того, что могут нести вьючные животные. Раненые, все, кто не может быть посажен верхом, должны вернуться вместе с повозками и быками. Их след, возможно, смутит на некоторое время Зафанида...

Пока она делала эти наставления, Арваний бросал через плечо на Конана взгляды, в которых к самодовольству при-
мешивалось обещание скорой расправы. От этого человека
будут неприятности. Будут, напомнил себе киммериец, если
он останется среди охотников, а это никак не входило в его
планы. И поскольку он твердо решил уходить, пора было на-
чинать готовиться.

Конан медленно отошел от аристократки, раздающей ко-
манды. С деланной непринужденностью он прошел за кухон-
ные костры. Толстый повар, хмуро склонившийся над изыс-
канным блюдом для стола Йондры, даже не поднял взгляда
и не посмотрел, как киммериец роется среди запасов. Ко-
гда Конан двинулся дальше, он под мышкой нес две плос-
кие сумки с вяленным мясом. Незаметно оглянувшись, что-
бы убедиться, что за ним никто не следит, он спрятал мясо
под кустом терновника на краю лагеря. Вскоре он прибавил
к нему четыре бурдюка с водой и полосатые шерстяные оде-
яла. Конан был приучен спать, имея для защиты от холода
лишь накидку или даже без нее, но он не думал, что город-
ская женщина, такая, как Тамира, может быть столь же за-
каленной.

С лошадьми надо подождать до самого последнего момен-
та – их, безусловно, нельзя сейчас оседлать, не привлекая
нежелательного внимания, – но он все равно направился к
загону. Проще выбрать хорошую лошадь, пока еще светло.
Большая черная, на которой он все это время скакал, по-

дойдет для него; Тамире, однако, тоже нужна выносливая лошадь. Он намеревался продефилировать, не останавливаясь, вдоль всего ряда лошадей, чтобы не проявить цели своей прогулки, но, подойдя к длинноногой гнедой кобыле – как раз к такой, какую выбрал бы он для Тамиры, – невольно остановился. На земле со стороны головы кобылы лежало высокое седло, полный бурдюк и плотно завязанный кожаный мешок.

– Ночью, Тамира? – произнес он тихо. – Или пока я сижу и жду наступления темноты?

В его голове вдруг ясно возникла картина: рубины, лежащие на подушках в шатре.

Со спокойствием, которого он на самом деле не чувствовал в себе, Конан зашагал по лагерю, отыскивая взглядом Тамиру. Опять лагерь был хлопотливым муравейником, и охотники носились, выполняя приказы Йондры. На мгновение аристократка приостановилась, глядя на Конана, будто желая заговорить или ожидая, что он что-то ей скажет, но, увидев, что он не замедлил шага, сердито отвернулась и принялась командовать подготовкой к завтрашнему утру. Конан нигде не видел Тамиры. Но это, подумал он мрачно, можно значить, что он еще не опоздал.

Конан знал, как бы он вошел в алый шатер, если бы решил украсть рубины тогда, когда весь лагерь на ногах. Он убедился, что никто не смотрит, и тихо скользнул за шатер Йондры. В задней стене была проделана длинная прорезь.

Раздвинув ее на толщину пальца, он заглянул внутрь. Внутри на коленях стояла Тамира и рылась среди подушек. Тихо хихикая, она вытянула сверкающее ожерелье. В другой руке она сжимала тиару.

Конан беззвучно проскользнул в прорезь. Первое, что выдало Тамире его присутствие, была рука, зажавшая ее рот. Он обхватил ее другой рукой, прижав ее локти так быстро, что Тамира успела лишь промычать ему в ладонь. Он видел, как она выронила украшения, но этим и закончилось мгновение спокойствия. Тамира сделалась вдруг извивающимся, пинающимся, кусающимся свертком. К шатру приближались чьи-то шаги.

Тихо выругавшись, Конан нырнул снова со своей борющейся ношей в прорезь. За шатром, однако, никак нельзя было останавливаться, тем более тогда, когда кто-то собирался войти в него и когда Тамира вполне может закричать, что воровал он. Вполголоса, осыпая все на свете проклятиями, он лез вниз по каменистому склону, пока не нашел жесткий куст, который скрывал бы их от лагеря. Здесь он попытался поставить Тамиру на землю, но девушка яростно пнула его в щиколотку, камень подвернулся под ним, и Конан оказался на земле, подмяв под себя Тамиру, которая глядела на него, вытаращив от удара глаза.

– Ты, неповоротливый олух! – прошипела она через мгновение. – Ты что, хочешь переломать мне ребра?

– Я не сам себя пнул, – проворчал он. – Я думал, что мы

договорились уйти ночью. Что ты делала в шатре Йондры?

– О рубинах ничего сказано не было, – ответила Тамира. – Я не передумала украсть их, не в пример тебе. Вероятно, – добавила она злобно, – то, что дает тебе Йондра, ты находишь более ценным, чем рубины, но, поскольку я не мужчина, я смотрю на это иначе.

– Йондра здесь ни при чем, – бросил он ей. – И не пытайся сменить тему. У тебя уже сейчас готова лошадь.

Тамира смущенно поворочалась под ним и отвела глаза.

– Я хотела быть готовой, – пробормотала она. – К ночи.

– Ты думаешь, что я такой дурак, – сказал киммериец, – что посчитаю тебя душой? Седло не может до ночи остаться незамеченным. Но если кто-то намеревался украсть рубины и покинуть лагерь до того, как часы перевернули... У тебя ведь не было такого намерения?

– Тебя бы не обвинили. – Голос ее был таким, будто она извинялась. – Йондра не обвинила бы тебя, даже если бы обнаружила, что ее рубины в твоей сумке. А если бы и обвинила, так что ж: с тобой и этого мало сделать.

– Йондра, – сказал Конан. – Все время Йондра. Какое тебе дело до того, с кем я сплю? Мы с тобой не влюбленные.

Большие карие глаза Тамиры еще больше вытаращились. Щеки залила алая краска, и девушка долго шевелила губами, прежде чем сумела издать звук.

– Конечно, нет! – произнесла она, задыхаясь. – Как смел ты такое подумать! Дай встать! Слезь с меня, ты, бык! Дай

встать, говорю тебе!

Свои слова она перемежала ударами кулачков, лупя его по плечам, но вдруг пальцы ее вцепились в волосы киммерийца, и она прижала свои губы к его губам.

Конан поморгал удивленно, но затем ответил на поцелуй, вложив в это столько же страсти, сколько вкладывала она.

– Не думай, что это убедит меня остаться, – проговорил он тогда, когда оторвался от нее, чтобы глотнуть воздуха.

– Если остановишься, – простонала она, – то тогда ты точно дурак.

Последний раз молча напомнив себе, что он не будет дураком, Конан прекратил разговоры, отбросил всякие мысли и переключился на удовольствия более простые и более сложные одновременно.

Глава 13

Он не дурак, еще раз сказал сам себе Конан, направляя лошадь по тропе, идущей по склону безымянного пика на самой границе Кезанкийских гор. Если он будет повторять это, то со временем может себя в этом убедить. Впереди и позади него растянулась охотничья партия, все на лошадях, со многими выючными животными, направляясь в глубь владений горцев. Солнце едва взошло над горизонтом. Охотники вышли из лагеря среди холмов еще до того, как забрезжил рассвет. Повозки с быками и раненые уже, наверное, возвращались в Шадизар.

Погрузившись в свои мысли, Конан не заметил и теперь удивился тому, что Йондра отъехала в сторону и поджидает его. Он не говорил с княжной с тех пор, как она повернулась к нему спиной, но заметил, что сейчас она, по крайней мере, улыбается.

Она поехала рядом с Конаном. Тропа была достаточно широкой, чтобы две лошади могли идти рядом.

– Прекрасный день, правда? – сказала она радостно.

Конан лишь посмотрел на нее.

– Я надеялась, что ты придешь ко мне ночью. Нет, я обещала себе, что не скажу этого. – Она робко посмотрела на киммерийца сквозь опущенные ресницы. – Я знала, что ты не можешь меня оставить. Что ты... Я подумала... ведь ты из-

за меня остался, правда?

– Да, – ответил он угрюмо, но она, казалось, не обратила внимания на его тон.

– Я это знала, – сказала она, и улыбка ее засияла еще больше. – Сегодняшней ночью мы раз и навсегда позабудем о прошлом. – С этими словами она поскакала вдоль линии охотников на лошадях, чтобы снова занять свое место впереди.

Конан низким голосом что-то бормотал.

– Что ей было нужно? – спросил Тамира, подъехав к Конану. Воровка сидела на той гнедой лошади, что выбрала себе для побега. Она посмотрела вслед аристократке взглядом, полным ревности.

– Ничего особенного, – ответил Конан.

Молодая воровка презрительно пробурчала:

– Она, вероятно, думает, что ты здесь благодаря ее прелестям, которые она так любит выставлять напоказ. Но ты ведь остался ради меня, правда?

– Я остался ради тебя, – сказал ей Конан. – Но если ты не хочешь узнать, как Йондра обращается с плеткой, тебе лучше не разговаривать со мной слишком часто при ней.

– Пусть только попробует.

– Значит, ты собираешься объяснить ей, что ты не служанка Лиана, а воровка Тамира?

– Если бы она встретилась со мной в честной драке, – начала хрупкая женщина, вскинув голову, затем остановилась,

рассмеявшись. – Но от тебя мне нужны не разговоры. Разговоры пусть достанутся ей. До ночи, Конан.

Конан тяжело вздохнул, когда Тамира отъехала. Перед ним стояла нелегкая задача, и все из-за того, что он не мог позволить женщине, делившей с ним постель, – тем более двум женщинам, – отправиться в Кезанкийские горы, когда сам он будет скакать назад в Шадизар. Он полагал, что те, кто называют себя цивилизованными людьми, а его варваром, спокойно могли бы это сделать. Он, однако, на это не был способен, и честь заставляла его думать, что он сможет вывести обеих женщин невредимыми из гор. Конечно, он понимал, рано или поздно женщины узнают друг о друге. И тогда, он был уверен, ему лучше будет встретиться со всеми кезанкийскими горцами, чем с этими двумя разъяренными тиграми.

Мысль о горцах вернула его к настоящему.

Если он не будет начеку, они могут даже войти в горы, не говоря уже о том, чтобы из них выйти. Конан оглядел крутые бурые склоны вокруг, на которых ветер и жесткий климат высекли странные узоры. Он осмотрел зазубренные пики впереди. Ему не удалось обнаружить никаких признаков жизни, однако ветерок донес до него какой-то звук, тихий, но тревожащий. Звук этот донесся сзади.

Конан развернул лошадь, чтобы посмотреть назад, и почувствовал, как на голове зашевелились волосы. Вдали, у подножия гор, бушевала битва. Он мало что мог разглядеть,

кроме пыли, поднимающейся клубами от холмов, и маленьких фигурок людей, копошащихся, будто муравьи, однако в какое-то мгновение он увидел – Конан мог в этом поклясться – заморийский штандарт на вершине холма. Затем штандарт сорвали и растоптали люди в тюрбанах. Почти все остальные фигурки, насколько он мог разглядеть, были тоже в тюрбанах.

– В чем дело? – крикнула Йондра, скача назад. Ей пришлось с трудом прокладывать путь через толпу охотников, сгрудившихся за Конаном. – Почему остановились?

– Там битва, моя госпожа, – сказал Телад, приставив ладонь козырьком, чтобы смотреть вниз. – Не могу определить, кто сражается.

– Горцы, – сказал Конан. – Судя по тому, что видно, горцы расправляются с частью заморийской армии.

– Ерунда! – бросил Арваний. – Армия смела бы любую толпу горцев. К тому же племена не собираются в таком количестве, и... и... – Слова его делались все тише, по мере того как он говорил, и он неловко закончил: – Невозможно на расстоянии разобрать подробности. Там может сражаться кто угодно. Вероятно, это вообще не сражение.

– Вероятно, это народные пляски, – сказал сухо Конан.

Йондра коснулась его руки:

– Мы ничем не можем им помочь?

– Не можем, даже если бы у нас были крылья, – ответил огромный киммерец.

На лицах охотников, услышавших этот ответ, явно читалось облегчение, смешанное со страхом. Можно спокойно говорить о том, что, войдя в Кезанкийские горы, рискуешь испытать на себе гнев горских племен. Совершенно другое дело – увидеть этот гнев своими глазами, даже на расстоянии, и особенно тогда, когда разгневанных горцев было столько, сколько не встретить, даже если всю жизнь бродить по Кезанкийским горам.

Йондра оглядела по очереди лица, затем изобразила с трудом улыбку.

– Если внизу столько горцев, значит, в горах мы одни. – Слова ее мало повлияли на настроение охотников. Из-за склона горы появился ворон. – Смотрите, – сказала Йондра, вынимая лук, – если в горах остались несколько горцев, с ними мы справимся так же легко. – Тетива просвистела, крылья ворона сложились, и птица камнем полетела вниз. Конану показалось, что княжна пробормотала что-то о бритунийце, когда засовывала лук на место в чехол. – Теперь поскакали, – приказала она и направилась вверх по тропе.

Постепенно охотники снова образовали за аристократкой колонну. Когда Тамира проезжала мимо Конана, она бросила на него тревожный удивленный взгляд. Вероятно, он все-таки действительно дурак, но уж такой он есть. Успокоив улыбкой молодую воровку, он присоединился к веренице всадников, взбирающихся на гору.

Элдран окинул взглядом четыре десятка человек, идущих за ним дальше в горы по полю, заваленному огромными валунами, и сказал:

– Сделаем привал.

– Давно пора, – отозвался круглощекий мужчина с длинными с проседью волосами, убранными со лба кожаным ремешком. – Мы начали скакать еще до рассвета, а я уже не так молод.

– Если скажешь мне еще раз о своих старых костях, Харал... – рассмеялся Элдран, и остальные присоединились к нему, хотя смех их и был натянутым. Возраст Харала и его полнота могли ввести в заблуждение, если бы не шрам на лице и если бы не знать, что волк, чьей шерстью была оторочена накидка, был убит им голыми руками. – Лишь краткий привал, – продолжал Элдран. – Горы мне эти не нравятся, и я предпочел бы поскорее сделать то, для чего мы сюда пришли, и наконец убраться отсюда.

Это остудило всеобщее веселье, чего и добивался Элдран. Смех был хорош для того, чтобы снять волнение – и, возможно, даже более чем волнение, – которое ощущалось ими с тех пор, как они вошли в горы, но им постоянно надо помнить, зачем и куда они пришли, если хотят уйти отсюда живыми.

Когда другие сели, легли или даже принялись ходить, разминая ноги, Элдран прилег, намотав на руку поводья. У него была собственная причина, не дававшая ему полностью сосредоточиться на цели, ради которой они пришли в Кезанкийские горы. Даже сквозь беспокойство, охватывающее его, будто поднимающийся от земли болезнетворный туман, постоянно, как только он ослаблял внимание, к нему пробивался образ высокой заморийской красавицы, в которой было столько надменности, что хватило бы и на два десятка царей. Но действительно ли она заморийка, думал он. Ее манеры – а княжна вела себя так, будто правила всюду, куда бы ни ступила ее нога, – говорили «да».

Но глаза... Будто утренняя дымка, задержавшаяся в ветвях дубов. Ни у одного из заморийцев никогда не было таких глаз – таких же серых, как и у него.

Он со злостью напомнил себе о своей цели – отомстить за брата и остальных попавших к кезанкийцам. А также за тех, кто погиб, защищая свои хутора от огненного зверя. Чтобы этот зверь не сеял больше смерть. Успех стоит того, чтобы даже и он сам, и все его люди погибли. В этом они все были согласны еще до того, как выйти из Бритунии.

Высоко над ними кружил ворон. Как и птица, подбитая им и Йондрой, подумал Элдран. Он со злостью вскочил на ноги. Неужели эту женщину никак не выбросить из головы? Ладно, он не позволит проклятой птице напоминать о ней. Бритуниец вынул лук из чехла, сделанного из волчьего меха.

– Элдран! – С площадки, лежащей выше на склоне, где не было валунов, ему отчаянно махал костлявый человек с острым носом. – Иди скорее, Элдран!

– Что там, Фюрдан? – отозвался Элдран, но он уже карабкался вверх по склону. Фюрдан не из тех, кто паникует по пустякам. Остальные члены отряда стали карабкаться следом.

– Там, – сказал костлявый, взмахнув рукой, когда Элдран поравнялся с ним.

Элдран сложил ладонь вокруг глаз, чтобы лучше видеть, но разобрать можно было лишь бурлящую пыль и копошащихся людей внизу на холмах.

– Горцы, – произнес наконец Элдран.

– И заморийцы, – добавил Фюрдан. – Я видел, как упало знамя их генерала.

Элдран медленно опустил руки.

– Прости, Йондра, – проговорил он тихо.

– Возможно, солдаты еще не взяли ее с собой, – сказал Харал. – Возможно, мы видели других солдат.

Элдран покачал головой:

– Другие были дальше к западу. И я наблюдал за их лагерьем до тех пор, пока генерал не отправился за ней.

– Заморийская девка, – презрительно бросил Фюрдан. – Полно хороших бритунийских женщин, которые только рады повалиться с... – Он замолчал под взглядом Элдрана.

– Не будем больше говорить о женщинах, – сказал Элдран. – Поговорим о другом – о чем следует говорить. Мы

выследили зверя до этой земли, и здесь его следы уходят в горы. Камни губительны для человека, и в воздухе висит смрад враждебности. И пусть никто не говорит, что не почувствовал этого.

– А дальше ты будешь утверждать, что обладаешь даром провидца, – проворчал Харал, затем, посмеявшись, добавил: – Если ты не слишком сильно изменился с тех пор, как мы вместе с тобой купались, ты никак не можешь быть жрицей.

Никто не разделил веселья Харала; люди по-прежнему угрюмо смотрели на Элдрана, который продолжал:

– Не нужно быть провидцем, чтобы чувствовать смерть. Тот, кто последует за мной дальше, должен примириться с тем, что кости его останутся непомазанными. Я не буду думать плохо о тех, кто повернет назад, но сделать это надо сейчас.

– Ты поворачиваешь назад? – спросил тихо Харал. Элдран покачал головой. – Тогда, – сказал толстячок, – я тоже не поверну. Мне достаточно лет, чтобы самому выбирать место, где умирать, а это уже пора делать.

– Мой брат был с твоим братом, Элдран, – сказал Фюрдан. – Моя кровь так же кипит, взывая к мести, как и твоя.

Каждый по очереди заявил, что он пойдет дальше, и Элдран кивнул.

– Очень хорошо, – сказал он просто. – Что будет, то будет. Поехали.

Ворона больше не было, как видел он теперь, направляясь

назад к тропе. Птица, предвещающая недоброе. Однако Элдран не чувствовал в себе радости оттого, что ворон улетел. Птица напомнила ему о Йондре, и независимо от того, жива она или нет, он не мог надеяться увидеть ее снова. Хотя ведь, подумал он мрачно, дальше в Кезанкийских горах воронам не будет числа, и им найдется чем поживиться.

Глава 14

Ималла Басракан расхаживал по отделанной дубом комнате, склонив голову так, будто пестрый тюрбан был слишком тяжел. Кроваво-красные одеяния ималлы разлетались в стороны от его раздраженных шагов. Столько забот свалилось на плечи, думал он. Дорога святости нелегка. Да и в соседнем помещении лежал еще один мертвый ворон. «Люди», – сказал он, прежде чем умереть. Но сколько и где? И две птицы убиты в течение всего лишь нескольких дней. Может быть, кто-нибудь знает о назначении воронов? Какой-нибудь враг? Другой тоже доложил о людях. Не о солдатах, птица могла отличить их. Но из-за неспособности птиц считать там может оказаться и десяток, и сотня. Это могут быть те же самые люди, которых видел мертвый ворон. Нужно усилить патрули и найти этих пришельцев, сколько бы их там ни было.

По крайней мере, птица, которую он послал сопровождать людей, направленных против солдат, доложила о победе. Об уничтожении. Но даже это прибавляло забот. Посланные им воины стоят сейчас лагерем, как сообщил ворон. Делят награбленное у мертвых и ссорятся между собой, без сомнения. Но они вернутся. Должны. Он дал им символ древних богов, и тем самым – победу.

Внезапно ималла снова ощутил истинную причину свое-

го беспокойства, хотя в последние дни он всячески старался отогнать от себя эту мысль. Символ древних богов. Символ благоволения древних богов. Уже семь раз пытался он вызвать дракона, тщательно скрывая каждую попытку даже от глаз собственных последователей, и семь раз потерпел неудачу. В лагере нарастал ропот. И те, кого послал он за Огненными глазами, еще не вернулись. Неужели древние боги лишили его своего благоволения?

Скрестив руки на груди, он стал качаться с носка на пятку.

– Достоин ли я, о боги, своих праотцев? – простонал он. – Достоин ли я?

– То же самое спрашиваем и мы, ималла, – послышался грубый голос.

Басракан резко обернулся и увидел перед собой трех горцев. Он с трудом восстановил внутреннее равновесие. Когда ималла распрямился, двое бородатых мужчин отпрянули.

– Вы осмелились побеспокоить меня? – прогремел он. – Как вы прошли сквозь стражу?

Тот, что остался стоять на месте, – усы его были загнуты, как бычьи рога, – заговорил:

– Даже твоя стража сомневается, ималла.

– Тебя зовут Валид, – сказал Басракан, и у горца в глазах мелькнул страх.

Однако в этом не было колдовства. Ему докладывали, что этот Валид один из тех, кто сеет смуту, кто задает вопросы. Ималла мгновенно вспомнил описание этого человека. Он,

однако, не подозревал, что эти разговоры доведут до такого. Но он был готов к любой случайности.

С видимым спокойствием ималла спрятал руки в длинных рукавах своего алого одеяния.

– И в чем сомневаешься ты, Валид?

Густые усы горца дрогнули, оттого что повторили его имя, и он оглянулся, ища поддержку у товарищей. Они оставались далеко за спиной и старались не встречаться глазами ни с ним, ни с Басраканом. Валид набрал в легкие воздуха.

– Мы пришли сюда – многие из нас, – потому что слышали, что древние боги благоволят тебе. Те, кто пришел раньше нас, рассказывают о сказочном звере, символе этого благоволения, но я не видел этого существа. Однако что я действительно видел, так это то, что горцев послали биться с заморийскими солдатами, которые всегда до этого резали нас, как баранов. И я еще не видел, чтобы эти воины вернулись.

– Это все? – спросил Басракан.

Его неожиданно мягкий тон явно поразил Валида.

– А этого недостаточно? – в свою очередь спросил усатый горец.

– Более чем достаточно, – ответил Басракан. Внутри рукавов он сжимал мешочки, приготовленные им лишь вчера, когда ропот среди горцев действительно начал его беспокоить. Сейчас он радовался своей предусмотрительности. – Более чем достаточно, Валид.

Басракан выбросил руки из рукавов и обсыпал Валида по-

рошком из одного мешочка. Когда порошок коснулся Валида, ималла правой рукой сделал таинственный жест и запел что-то на языке, мертвом уже тысячу лет.

Валид в ужасе глядел на свою грудь, пока продолжалась леденящая кровь песня, затем с криком ярости и страха схватился за рукоять кривой сабли. Но когда рука его коснулась металла, из каждой поры горца вырвалось пламя. Пламя охватило его, и одежда и волосы превратились в пепел. Гневный рев горца сменился пронзительным криком агонии, затем шипением кипящего жира. Черный дым повалил от лежащего мешка, который был когда-то человеком.

Другие два горца стояли до этого, выпучив от ужаса глаза, но сейчас один бросился к двери, а другой упал на колени, крича:

– Смилуйся, ималла! Смилуйся!

Двумя шагами Басракан настиг их и осыпал порошком и убегающего, и стоящего на коленях. Он сделал тот же жест длинными пальцами и снова запел. Один горец уже успел добежать до двери, когда пламя охватило его. Другой упал ниц и полз к Басракану, но и он вдруг сделался живым костром. Крики их длились лишь мгновение, сменившись пронзительным свистом, когда пламя пожирало кости.

Наконец и черный дым перестал идти. И лишь небольшие горочки темного маслянистого пепла на полу и копоть на потолке свидетельствовали о произошедшем. Ималла оглядел то, что осталось от его обвинителей, с удовлетворением,

но оно скоро померкло, уступив место мрачной злости. У этих людей наверняка есть братья, дяди, племянники, десятки родственников-мужчин, которые, возможно, и побоятся выступить против Басракана открыто, но будут источниками дальнейшего недовольства. Некоторые могут пойти даже дальше слов. Всю жизнь горца занимала кровная вражда, от которой ничто не могло отвлечь его, кроме смерти.

– Да будет так, – произнес ималла сурово.

С мрачным лицом и так спокойно, будто для выполнения этой задачи у него впереди целая жизнь, Басракан собрал образцы из каждой кучки, соскребая пепел в сложенные кусочки пергамента костяным ритуальным ножом, четырежды освященным пред древними богами Кезанкийских гор. Пепел каждого трупа был пересыпан в массивную ступу, сделанную из грубо обработанного золота.

Движения колдуна ускорились, по мере того как он добавлял все новые составные части, поскольку следовало торопиться. Измельченный в порошок глаз девственницы и светлячок, сердца саламандр и спекшаяся кровь младенцев. Жидкости и порошки, о составе которых он и сам не смел думать. Он перемешал смесь бедренной костью женщины, задушенной собственной дочерью, вращая ее двенадцать раз в одну сторону, произнося при этом тайные имена древних богов, имена, от которых стыл мозг в костях, и в воздухе висел морозный пар. Двенадцать раз в другую сторону. И вот это сделано, этот первый шаг, и золотая ступа была полна до

краев черным порошком, который, казалось, клубился, буд-то дым.

Осторожно, так как теперь прикосновение к смеси было смертельным, Басракан отнес ступу на расчищенное место на полу из светлого камня. Там, обмакнув кисть из ресниц девственницы во влажную смесь, он тщательно выполнил на ровном камне рисунок. Это был крест, лучи которого, равной длины, были точно направлены на север, юг, восток и запад. К каждому лучу был пририсован крут с идеограммами древних богов внутри – тайные символы земли, воздуха, воды и огня. Рядом треугольник с вершиной, лежащей в месте пересечения линий, образующих крест, и в нем символ духов огня. Тот же знак был нарисован у каждой вершины треугольника.

Басракан постоял, глядя на свое творение, и дыхание его участилось. Он не поддастся страху, несмотря на то что внутри у него все сжалось, но задуманное им было опаснее всего того, что он предпринимал до этого. Ошибка на любом этапе, уже сделанная им или которую он еще сделает, – и действие ритуала обратится на него. Однако он понимал, что пути назад нет.

Он ловко пересыпал остатки порошка в серебряное кадило, подвешенное на серебряной цепочке. Обычным кремнем и огнивом ималла высек искру и поджег смесь. Аккуратно поставив ступни к основанию треугольника, он стал описывать кадилом замысловатые фигуры. Из серебряного

шара поднимался дым, и по мере того, как душистые пары наполняли комнату, Басракан нараспев произносил заклинание все громче. С каждым качанием кадила в воздухе хрустальным звоном повисало одно слово; повисали слова, которые даже ималла не мог слышать, поскольку они не предназначены для людских ушей и людской ум не может понять их.

Казалось, сам воздух вокруг ималлы тускло поблескивает. Дым от кадила начал сгущаться и падать на каменный пол, сверхъестественным образом притягиваясь к линиям рисунка. Басракан запел быстрее и громче. Слова отдавались глухим звоном, будто погребальный колокол, звонящий в глубине пещеры. Внутри свернувшихся канатами струек дыма, покрывающих теперь рисунок, возникло свечение, делающееся все жестче и жарче, пока не стало казаться, что весь огонь из недр земли был привязан к этим черным бурлящим канатам. От жара по худым щекам Басракана струился пот. Свечение сделалось ослепительным, а слова становились все громче, и от их ударов дрожали стены.

Вдруг Басракан прервал свое колдовство. Настала тишина, и в это мгновение свечение, дым и рисунок – все исчезло. Даже дым от кадила больше не шел.

Сделано, подумал Басракан. Его охватила усталость. Казалось, ослабли даже кости. Но то, что нужно, было сделано.

По телу ималлы пробежала дрожь, когда взгляд его упал на то, что оставалось от обвинявших его. На каждой кучке

пепла, в которой сгорело все, что могло гореть, плясало бледное пламя. Оно погасло прямо у него на глазах. Он глубоко вздохнул.

Теперь причин бояться нет, скорее даже надо радоваться...

В комнату, задыхаясь, прорвался Джбейль, держась рукой за бок.

– Да будет... да будет... да будет...

– Ималла должен вести себя достойно, – бросил ему Басракан. Возвращается уверенность, возвращается вера, смыты остатки страха. – Ималла не бегаёт.

– Но лагерь, ималла, – сумел проговорить Джбейль, судорожно глотая воздух. – Огонь. Горят люди. Горят, ималла! Воины, старики, мальчики. Даже младенцы, ималла! Они просто вспыхивают, и их не потушишь ни водой, ни землей. Сотни и сотни их!

– Не так много, я думаю, – холодно ответил Басракан. – Сотня, вероятно, или даже две, – но не столько, сколько ты говоришь.

– Но, ималла, там паника.

– Я поговорю с народом, Джбейль, и успокою его. Погибшие принадлежали к оскверненному роду. Разве то, как они погибли, тебе ничего не сказало?

– Огонь, ималла? – проговорил неуверенно Джбейль. – Они разгневали духов огня?

Басракан улыбнулся, будто ученику, хорошо выучившему

урок.

– Более чем разгневали, Джбейль. Более. И все мужчины их крови разделили с ними кару. – Он вспомнил одну мысль, слова, которые, казалось, были сказаны много дней назад. – Моя стража, Джбейль. Ты видел ее, когда пришел?

– Да, ималла. Когда шел к тебе. Двое, что стояли у твоей двери, направились по какому-то делу с ималлой Рухаллой. – Глаза его хитро сверкнули. – Они бежали, ималла. У Рухаллы мало достоинства. Меня же заставила спешить лишь срочность известия.

– Рухалле есть зачем спешить, – сказал Басракан так тихо, будто говорил сам с собой. Он вонзил в последователя взгляд, словно кинжал. – Рухалла повинен в смерти тех людей в огне сегодня. Он и те неверные стражники, бежавшие вместе с ним. Рухалла привел людей, чей род погиб сегодня, к ложной вере и скверным обычаям. – Так могло быть, думал он. Так должно было быть. Конечно, так и было. – Рухалла и бежавшие стражники должны быть приведены назад, ибо их ждет расплата за содеянное. – Мало что забавляло Басракана, но следующая мысль вызвала у него улыбку. – Их следует отдать женщинам, чьи мужья погибли сегодня от огня. Пусть потерявшие родственников осуществят свою месть.

– Повинуюсь, ималла, так все и будет. – Джбейль замер в низком поклоне и выпучил глаза. – Ай-й! Ималла, совсем забыл из-за этого огня и... – Басракан взглянул на него, и последователь, проглотив слюну, продолжил: – Вернулся Шар-

маль, ималла. Один из посланных за Огненными глазами, ималла, – добавил он, когда святой человек вопросительно поднял брови.

– Они вернулись? – спросил Басракан, и в его голосе слышалось возбуждение. – Огненные глаза мои! Хвала древним богам! – В нем сразу появилась надменность, и лишь в речи чувствовались переполнявшие ималлу эмоции. – Принеси камни мне. Немедленно, дурак! Ничто не должно было заставить тебя позабыть о них. Ничто! И приведи сюда этих людей. Награда не покажется им малой.

– Ималла, – проговорил, колеблясь, Джбейль. – Шармаль вернулся один и с пустыми руками. Он лепечет, что остальные погибли, и еще что-то. Но в его словах мало смысла. Он... он безумен, ималла.

Басракан проскрежетал зубами и дернул за раздвоенную бороду, будто хотел выдернуть ее с корнем.

– С пустыми руками, – выговорил он наконец ледяным тоном. Он не может быть лишен желаемого. Он не будет лишен, – Что произошло, Джбейль? Где Огненные глаза? Я хочу это знать. Допросить этого Шармаля. Содрать с него кожу. Жечь до костей. Я хочу знать ответ!

– Но, ималла, – прошептал Джбейль, – этот человек безумен. Он под защитой древних богов.

– Делай как я приказал! – взревел Басраан, и последователь его отпрянул.

– По... повинуюсь, ималла, все так и будет. – Джбейль низ-

ко склонился и попятился к двери.

Столько событий за такой короткий промежуток времени. Но о чем-то он забыл. О чем-то.

– Джбейль! – Последователь замер. – В горах пришельцы, Джбейль. Их надо найти и доставить мне для принесения в жертву истинным богам. Да будет так!

Басракан указал рукой, и Джбейль почти побежал из комнаты.

Глава 15

Разобьем лагерь сейчас, – объявила Йондра, когда солнце все еще не вставало. Голос Арвания повторил ее приказ, и охотники послушно слезли с лошадей и принялись заниматься выючными животными и своими лошадьми.

Конан вопросительно посмотрел на нее, и она ответила ему улыбкой.

– Когда охотишься на редкое животное, – сказала она, – надо стараться не пропустить место, где оно кормится. Разбив лагерь, мы будем искать его.

– Будем надеяться, что животное само не ищет нас, – ответил Конан.

Аристократка нахмурилась, но ничего не успела сказать, так как к ее стремени подбежал Арваний.

– Не послать ли следопытов прямо сейчас, моя госпожа? – спросил он.

Йондра кивнула, и то, как она поежилась от нетерпения, привлекло взгляды всех мужчин.

– Было бы прекрасно подстрелить добычу в первый же день. Да, Арваний. Пошли лучших следопытов.

Она с надеждой посмотрела на Конана, но он притворился, что не заметил ее взгляда. Он понимал в следах не хуже остальных охотников, но ему совершенно неинтересно было искать зверя, которого искала Йондра. Он хотел лишь, чтобы

обе женщины невредимыми вернулись в Шадизар, а если отправиться сейчас со следопытами, то он не сможет предложить женщинам защиту. Лицо Йондры сделалось грустным, когда Конан не ответил, но распорядитель охоты злорадно улыбался.

– Чтобы быть следопытом, требуется большое искусство, – сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь. – Моя госпожа, – он сделал рукой изящный жест, когда пятился, и, выпрямившись, прокричал: – Следопыты, на выход! Телад! Зурат! Абу! – Список его продолжался, и вскоре он сам и девять других охотников бежали из лагеря в десяти разных направлениях. Они отправились пешком, поскольку едва заметный след, который следопыт должен уметь читать так же, как писец читает слова на пергаменте, совершенно теряется, если смотреть на него с лошади.

Когда следопыты ушли, аристократка принялась руководить разбивкой лагеря, а Конан отыскал себе место и уселся с бруском, тряпочкой и бутылкой оливкового масла. Меч требует ухода, в особенности когда ему вскоре должно найтись применение, а Конан был уверен, что его клинку не долго оставаться без дела. Нависшие со всех сторон горы не предвещали ничего доброго, сами камни, казалось, были пропитаны чем-то, от чего киммерийцу было не по себе. Брусок тихо скользил по клинку. Утро переходило в день.

Лагерь, решил Конан через некоторое время, был расположен так хорошо, как только это можно было сделать в та-

ких условиях. Кривые деревья, скудно разбросанные по всем Кезанкийским горам, образовывали здесь некое подобие рощи, хотя и чрезвычайно жидкой. Она служила по крайней мере хоть каким-то укрытием.

Алый шатер Йондры, с которым ей никогда не приходило в голову расстаться, стоял между двух массивных гранитных валунов, а сзади был прикрыт бурой стеной обрыва. Других шатров не взяли с собой – чему киммериец был рад, – и одеяла охотников были разбросаны по два и по три во всех углублениях, где можно было укрыться. Лошадей привязали в длинной узкой яме, которую можно было не заметить, даже специально отыскивая ее. Человеку, незнакомому с местностью, лагерь покажется почти невидимым. Вся беда лишь в том, горько подумал Конан, что горцы более чем знакомы со своими горами. Беда обязательно случится.

Будто его мысль о беде послужила сигналом, прохладный горный воздух рассек некий звук, и Конан застыл, смазывая меч маслом. По рваным пикам эхом разносился пронзительный вой, заставляющий холодеть сердце. Киммериец никогда не слышал подобных звуков, во всяком случае не слышал, чтобы его мог издавать человек или какое-нибудь другое существо.

Не один киммериец был встревожен этим вызовом алчного охотника – ибо никто не сомневался в характере этого звука. Все люди приподнялись со своих одеял, обмениваясь тревожными взглядами. Некоторые встали и прошли

несколько шагов, осматривая крутые окружающие их склоны. Йондра подошла к пологу своего шатра и, наклонив голову, прислушалась. На ней была кожаная одежда: жилетка и штаны, как всегда плотно облегающие. Когда она убедилась, что звук не повторится, княжна вернулась в шатер.

– Что, будь трижды благословенно имя Митры, это было такое? – спросила Тамира, опускаясь на корточки рядом с Конаном. Она поправила короткую белую рубашу, чтобы сохранить приличие, и обхватила колени хрупкими руками. – Это, может быть, существо, за которым охотится Йондра?

– Не удивлюсь, если так и окажется. – Конан снова принялся смазывать клинок. – Мало пользы принесут те рубины, если закончить жизнь в желудке этого зверя.

– Пытаешься уговорить меня бежать, – ответила она резко, – и оставить тебе свободной дорогу к украшениям.

– Я уже сказал тебе, – начал было он, но Тамира перебила: – Значит, дорогу к Йондре под одеяло.

Конан вздохнул и вложил меч в ножны.

– Прошлой ночью в моих объятиях была ты, а с ней я не сплю уже два дня. И я уже сказал, что пришел в эти трижды проклятые горы из-за тебя. Ты считаешь меня лжецом?

Она отвела глаза и посмотрела на гранитные вершины, окружающие их.

– Думаешь, следопыты найдут его? Я имею в виду зверя? Может быть, если не найдут, то мы уйдем из этих гор. Я вполне могла бы украсть рубины и по дороге в Шадизар.

– Я бы хотел, чтобы они ничего не нашли, кроме мозолей на пятках, – ответил Конан. Он вспомнил о полуобгорелом куске черепа с рогом. – Боюсь, что этого зверя не так легко убить, как считает Йондра. И ты не украдешь рубины.

– Значит, ты все-таки хочешь украсть их сам.

– Не хочу.

– Значит, хочешь спасти их для своей любовницы. Для Йондры.

– Яйца Ханнумана, женщина! Не перестанешь ли ты?

Тамира пристально посмотрела на него:

– Не знаю, хочу ли я, чтобы ты лгал, или нет.

– Что ты этим хочешь сказать? – спросил Конан, недоумевая.

– Я намерена украсть рубины, понимаешь, независимо от того, что ты говоришь или делаешь. – Голос ее сделался тверже. – Но если ты остался не ради рубинов, то, значит, ты остался ради меня. Или ради Йондры. Я сама не знаю, хочу ли точно выяснить, что тебе нужны были лишь драгоценности.

Конан откинулся спиной к валуну и принялся хохотать, пока не охрип.

– Значит, ты мне не веришь? – спросил он наконец.

– Я знала достаточно мужчин, так что сомневаюсь во всем, что бы вы ни говорили.

– Да ну? – воскликнул Конан, изобразив удивление. – Я бы мог поклясться, что я был первым мужчиной, которого

ты знала.

Краска залила ее щеки, и Тамира вскочила на ноги.

– Только подожди, пока не...

Чем бы она ни угрожала, он все равно не услышал конца фразы, поскольку в лагерь явился Телад, еле дыша и опираясь на копье, как на палку. Охотники поспешили к нему, и киммериец оказался там первым.

Охотники сыпали градом слова:

– Ты нашел следы?

– Мы слышали громкий крик.

– Что ты заметил?

– Это, вероятно, было то, на что мы охотимся.

– Ты видел зверя?

Телад стянул с себя остроконечный шлем и покачал бритой головой:

– Я слышал крик, но не видел ни зверя, ни следов.

– Докладывай мне, – бросила ему Йондра. Охотники расступились, чтобы пропустить княжну. Ее нетерпение выдавало то, что в руке она держала лук. – Или я должна ждать, пока ты не расскажешь всем остальным?

– Нет, моя госпожа, – ответил Телад, смутившись. – Прошу прощения. Я видел армию, моя госпожа. Солдат.

Снова на охотника хлынул поток вопросов.

– Ты уверен?

– Из тех, что мы видели в сражении?

– Как они могли оказаться в горах раньше нас?

Йондра окинула собравшихся охотников взглядом холодных серых глаз, и поток затих, будто она хлестнула плетью.

– Где эти солдаты, Телад? – спросил Конан.

Йондра резко взглянула на него, но закрыла рот и ничего не сказала.

– Не будет и двух лиг к северо-востоку от нас, – ответил Телад. – Их ведет князь Тенерс. Я подобрался близко и разглядел его, хотя солдаты меня не видели.

– Тенерс, – проговорил Конан. – Я слышал о нем.

– Говорят, что он охотится за славой, – сказал бритоголовый охотник, – но, кажется, он хорошо знает, когда грозит опасность. Лагерь его так хорошо спрятан в ущелье с единственным входом, что я нашел его лишь чисто случайно. И я не видел, сколько с ним человек.

– Не меньше, чем с Зафанидом, – сказал Конан, – если правда то, что о нем говорят. Он человек, сознающий собственную важность, этот Тенерс.

Йондра вклинилась подчеркнуто спокойным голосом:

– Если вы двое закончили обсуждать армию, я бы хотела услышать о результатах того, ради чего и послала этого человека. Ты нашел следы, Телад, или нет?

– А, нет, моя госпожа, никаких следов.

– Остались еще девять, – сказала аристократка сама себе. – А что касается этих солдат, – продолжала она более естественным тоном, – им нет до нас дела, и нам нет до них дела. Не вижу смысла говорить о них дальше, или же о том,

как им вообще вдруг может стать известно о нашем существовании. Меня все поняли?

Она властно заглядывала в лицо каждому охотнику по очереди, и каждый охотник неясно бормотал в знак согласия и принимался пристально изучать что-то у себя под ногами, пока очередь не дошла до Конана. Холодные лазурные глаза, не мигая, встретили ее взгляд, и на этот раз не выдержали серые глаза.

Княжна вновь посмотрела на Конана, но теперь сквозь длинные ресницы.

– Я должна поговорить с тобой, Конан, – проговорила она. – В шатре. Я... хотела бы посоветоваться насчет охоты.

Через плечо Йондры Конан видел, как на него пристально глядит, уперев руки в бока, Тамира.

– Может быть, попозже, – сказал он. Когда аристократка прекратила недоуменно моргать и посмотрела на него, он быстро добавил: – В горах опасно. Мы не можем пренебречь ни одной парой глаз.

Прежде чем она успела что-либо сказать – а по искрам в глазах Конан видел, что сказать она хочет очень много, – он вернулся через весь лагерь на свое место за валуном.

Когда он снова уселся спиной к камню, то заметил, что обе женщины смотрят на него. И обе смотрят гневно. Старая поговорка оказывается верной, подумал он. Имеющий двух женщин не обладает ни одной. И ничего не приходило в голову, чтобы как-то помочь этому. Вздыхнув, он принялся

ухаживать за своей сталью. Некоторые говорят, что клинки имеют женский характер, но он никогда не видел, чтобы меч испытывал ревность.

Через уменьшающиеся промежутки времени начали возвращаться остальные следопыты. Этим Йондра не позволяла заниматься посторонними – для нее – делами и беседовать с другими охотниками. Она сама встречала каждого из них, как только он входил в лагерь, и взглядом удерживала остальных, до тех пор пока не заканчивала расспросы и не отпускала следопыта.

Один за другим следопыты возвращались, и один за другим докладывали о том, что было Йондре неинтересно. Один, который искал недалеко от Телада, нашел наушники от солдатского шлема. Другой видел горного барана с длинными витыми рогами. Йондра сердито повернулась к нему спиной, не дав даже договорить. Несколько следопытов видели горцев, и в таком количестве, которое заставило бы разумного человека насторожиться, но никто не нашел ни следов, ни чего другого, что говорило бы о присутствии зверя. Сероглазая аристократка каждого выслушивала и каждый раз отходила, нетерпеливо стуча луком о бедро.

Последним вернулся Арваний, прибежав в лагерь и оперевшись с самодовольной улыбкой о копьё.

– Ну? – спросила Йондра, шагая к нему. – Ты тоже, полагаю, ничего не нашел?

Человек с орлиным носом был явно поражен ее тоном, но

быстро пришел в себя и отвесил низкий поклон.

– Моя госпожа, то, что ты имеешь, даю тебе я. – Он, выпрямляясь, бросил на Конана дерзкий взгляд. – Я, Арваний, сын князя Анданеза, даю это тебе.

– Ты нашел? – Лицо ее вдруг радостно вспыхнуло. – Где, Арваний?

– Едва ли в лиге на восток отсюда. Я нашел отпечатки огромных когтей, размером с человеческую ладонь, и прошел по ним некоторое расстояние. Следы были оставлены сегодня, и никакое другое животное в этих горах не оставляет таких невиданных следов.

Весь лагерь, недоумевая, смотрел, как Йондра подпрыгнула и протанцевала еще три шага.

– Это он. Это он. Я осыплю тебя за это золотом, Арваний. Найди мне этого зверя, и я подарю тебе имение.

– Мне не нужно ни золота, – угрюмо сказал Арваний, сверкнув неожиданно черными глазами, – ни имений.

Йондра застыла, глядя на него, затем неуверенно отвернулась.

– Приготовить лошадей, – приказала она. – Я хочу посмотреть на следы.

Распорядитель охоты обеспокоенно посмотрел на нее. Солнце, дающее в горах мало тепла, проделало от зенита половину пути на запад.

– Поздно начинать охоту. Утром с первыми лучами...
– Ты мне прекословишь? – бросила ему княжна. – Я не

глупа, чтобы начинать охоту на опасного зверя тогда, когда близится ночь, но я желаю видеть следы. Сейчас! Двадцать человек. Остальным оставаться в лагере и готовиться к завтрашней охоте.

– Повинуюсь, моя госпожа, – проговорил Арваний. Он гневно посмотрел на Конана, когда Йондра повернулась к огромному киммерийцу и тихим голосом заговорила:

– Ты поедешь со мной, Конан? Я... я чувствовала бы себя в большей безопасности. – Неловкость слов и залитое краской лицо выдавали ложь. С явным усилием княжна добавила: – Прошу.

Ничего не сказав, Конан поднялся и направился к лошадям. Арваний прокричал распоряжения, и к киммерийцу присоединились другие. Закрепляя подпругу, Конан увидел Тамиру, с нарочитой непринужденностью ласкающую нос чалой лошади, стоящей рядом с его высокой гнедой.

– Ты поедешь со мной, Конан? – тихо передразнила она. – Я буду чувствовать себя в еще большей безопасности.

Она состроила гримасу, чтобы сплунуть. Конан глубоко вздохнул.

– Я не хочу, чтобы какая-нибудь из вас погибла или оказалась рабой горца. Ты здесь будешь в большей безопасности, чем она там, так что я еду с ней.

Он влез в высокое заморийское седло. Тамира шагала рядом, когда он выезжал из ямы, в которой были укрыты лошади.

– Ты будешь там, – сказала она киммерийцу, – а также и она. Вы можете вернуться и обнаружить, что меня нет, Конан. И нет рубинов. Что задержит меня здесь?

– Как же, ты ведь будешь дожидаться меня, – сказал он, рассмеявшись, и ткнул лошадь пятками в бока. От плеча отскочил брошенный камень, но Конан не оглянулся.

Глава 16

Партия заморийских охотников вереницей пробиралась по разломам и ущельям, которые бороздили горы, будто морщины на старческом лице земли. Арваний ехал впереди, так как знал дорогу, а Йондра сразу за ним. Конан, в свою очередь, держался недалеко от аристократки. Если нужна будет защита, нельзя терять времени. Горы, казалось, злобно давили на людей со всех сторон даже тогда, когда проход раскрывался так, что могли ехать двенадцать или более человек в ряд.

Огромный киммериец постоянно оглядывал утесы и крутые склоны и с помощью инстинкта, притупившегося у цивилизованных людей, пытался обнаружить врагов. Он не видел никаких следов горцев, ничто не говорило его чувствам об их присутствии, но все же из камней сочилась угроза. Внешне Конан казался спокойным, но на самом деле он был как сухой трут, ждущий искры.

Вдруг в том месте, где каменные стены сходились и были круты, Арваний натянул поводья.

– Вот, моя госпожа, – произнес распорядитель охоты, указывая на землю. – Здесь первый след, который я нашел.

Йондра слезла с седла и стала на колени у небольшого глинистого участка. Там глубоко отпечатались два массивных когтя и часть третьего.

– Он больше, чем я думала, – проговорила она, проводя пальцем по отпечатку.

– Вот мы и посмотрели на следы, – сказал Конан. Ему казалось, что зловещий воздух сделался гуще. – Давай теперь вернемся в лагерь.

Арваний презрительно скривил губы.

– Ты боишься, варвар? Моя госпожа, дальше еще есть следы. Некоторые пропечатались полностью.

– Я должна их видеть, – воскликнула Йондра. Вскочив в седло, она поскакала вперед, и Арваний, подхлестнув свою лошадь, помчался за княжной.

Конан обменялся с Теладом взглядом – судя по кислому лицу, бритоголовому это нравилось так же мало, как и киммерийцу, – затем они и все остальные двинулись следом.

Как бывало и раньше, узкий проход расширился. На этот раз он вывел в небольшое ущелье, возможно, в сотню шагов шириной, в крутых бурых стенах которого виднелись пять проломов. Конан с подозрением поглядел на эти отверстия. Какой бы враг ни скрывался там, он сможет напасть на них до того, как охотники успеют что-либо сделать. Любимой тактикой горцев была засада.

Внизу на земле было полно следов. Следы, ведущие туда и обратно, говорили о том, что зверь обследовал эти проломы. Всей колонне было не по себе: охотники нервно перехватывали копыта либо тянулись руками к упрятым в чехлы лукам, и лошади приплясывали и шарахались в сторону. Йон-

дра вынула лук, слезла с седла у следа, на который показывал ей Арваний, и, прежде чем встать на колени, вложила в лук стрелу. Человек с орлиным носом нахмурился, глядя на землю и едва удерживая свою лошадь на месте.

Конан поймал себя на мысли, что обеспокоен выражением лица Арвания. Ведь Арваний уже видел и это ущелье, и эти следы. Из-за чего же он нахмурился?

У огромного киммерийца перехватило дыхание. Разве только следов стало больше?.. Если это так, то надо немедленно уходить.

Конан открыл было рот, но тут воздух рассек пронзительный вой, от которого у людей похолодела кровь, а лошади встали на дыбы. Лошадь Йондры вырвала поводья из рук хозяйки и понеслась, раздув ноздри и бешено вращая глазами, оставив аристократку стоять подобно ледяной статуе. Киммериец с трудом развернул гнедую.

– Кром, – проговорил он среди воя, наполнившего воздух.

В ущелье входило чудовищное существо, огромное, на массивных ногах. В свете заходящего солнца блестела золотая чешуя, а на спине виднелись черные кожистые наросты. Крепкие когти рыли камень. Широкая голова запрокинута назад, разверзлась пасть, полная кривых зубов, будто обломки камня, и снова раздался пронзительный вой.

Охотники уже много раз до этого встречались со смертью, и если раньше она и не представляла перед ними в таком облике, то все же не была для них чем-то неизвестным. Когда

этот злобный вой прекратился, они принялись действовать и, борясь с полу взбесившимися лошадьми, рассредоточились и окружили чудовище.

Охотник, находившийся ближе всех, опустил копье и бросился вперед. Послышался звук, будто сталь ударилась о камень, и всадник вылетел из седла. Огромная голова опустилась, и из зияющей пасти с ревом вырвалось пламя.

Крик человека и лошади слился воедино, и они были живо изжарены.

У остальных охотников вырвался крик, но они уже начали атаку. Наступали с обеих сторон.

Даже если бы они хотели свернуть, зверь не дал им такой возможности. Двигался он быстрее леопарда, разбрасывая по земле кровавые ошметки, которые были когда-то людьми, кромсая челюстями охотников и лошадей. Копья ломались о сверкающую чешую, как солома, и крики умирающих заглушали все, кроме мыслей, а в мыслях охотников царил страх.

Конан скакал сквозь этот водоворот верной смерти. Он низко нагнулся, чтобы подхватить с окровавленной земли несломанное копье.

Большие золотые глаза, думал он. Глаза должны быть уязвимы. Или длинные темные наросты на спине...

Он заставил лошадь повернуть – она изо всех сил пыталась бежать подальше от этого ужаса, – и от вида, представшего перед ним, киммериец содрогнулся, как не содрогнулся, даже услышав крик зверя.

Йондра стояла всего в десяти шагах от головы чудовища. Когда он глядел на нее, из лука вылетела стрела. Стрела ударила прямо в злобный золотой глаз. И отскочила.

Зверь кинулся вперед, пытаясь схватить княжну когтями. Она отчаянно отпрянула, но кончик одного когтя зацепился за шнуровку красной кожаной жилетки, и княжна повисла в воздухе прямо напротив глаз твари. Не обращая внимания на льющуюся вокруг кровь, крики, вопли людей, зверь, казалось, разглядывал девушку.

Дрожь ужаса пробежала по телу Конана. В этих глазах проглядывал свет разума.

Но даже если это чудовище и обладало разумом, то слишком нечеловеческим и непонятным людям.

Он не видел в красивой женщине ничего, кроме жертвы. Пасть, полная зубов, открылась, и Йондра была подтянута ближе. Конан поднял копье.

– Кром! – проревел он и ударил лошадь в бока пятками.

Наконечник копья он направлял на кожистый нарост. Киммериец плотно сжал коленями лошадь, приготовившись к удару, который, как он видел, выбил других из седла, но все равно сила удара оказалась чудовищной, и даже лошадь упала на колени.

С гибким изяществом и ослепительной скоростью зверь развернулся и ударил Конана лапой, в которой болталась Йондра. У киммерийца захватило дух, когда его подбросило в воздух. Последние силы вышиб удар о каменную почву.

Конан отчаянно попытался вздохнуть, заставить онемевшие мускулы работать, перекатился на четвереньки и поднялся на ноги.

Йондра, корчась, лежала на спине рядом с ним, обнаженные груди вздымались с каждым трудным вздохом.

Кожаная жилетка Йондры по-прежнему была в когтях, но зверь переместил свое внимание на киммерийца. То, что осталось от лошади Конана, лежало теперь под тварью, и из зубастой пасти падали куски мяса.

Понимая бессмысленность этого жеста, Конан выхватил свой старинный меч. Сталь не оставляла следа на небьющихся пластинах чешуи. У Конана и налегке не хватит скорости, чтобы увернуться от атаки твари, тем более не сможет он этого сделать, если будет нести Йондру, но он не мог ее оставить. Однако он не погибнет без боя.

– Эй, Конан! – Нетвердо держась в седле, сзади к зверю подскакал Телад. Кольчуга на груди была порвана, и он истекал кровью, но крепко сжимал копье. – Оттащи ее, северянин! – Ударив в бока лошади каблуками, он ринулся вперед.

Тварь развернулась, блеснув переливающейся чешуей.

– Нет! – крикнул Конан.

Бритоголового охотника охватило пламя, и зверь прыгнул, чтобы растерзать обгорелое мясо.

Киммериец не мог позволить, чтобы жертва Телада пропала даром. Вложив меч в ножны, он схватил Йондру в охапку и бросился в узкий проход, преследуемый звуком дробя-

щихся костей.

Когда за спиной уже не слышно было жуткого скрежета, Йондра пошевелилась в его руках.

– Я не хотела, чтобы они погибали, – прошептала она.

Глаза ее были переполнены ужасом.

– Ты хотела поохотиться на зверя, – сказал он, не замедляя шага.

При других обстоятельствах Конан задержался бы, чтобы поискать оставшихся в живых, но сейчас он думал лишь о том, чтобы поскорее унести Йондру как можно дальше от кошмарной сцены, вернуть ее в относительную безопасность лагеря.

Йондра плотнее прижалась к его широкой груди, будто укрываясь от бури за огромным валуном.

– Телад отдал за меня свою жизнь, – проговорила она, дрожа. – Я правда не хотела этого. Конан, что мне делать?

Конан тут же остановился, а девушка сжалась у него в руках, будто прячась от взгляда ледяных глаз.

– Уйти из гор, – сказал он резко. – Вернуться в Шадизар. Забыть о звере и всегда помнить о людях, погибших из-за твоего каприза и тщеславия.

Высокомерное лицо княжны вспыхнуло гневом. Кулачок поднялся, но вдруг бессильно опустился. По щекам потекли слезы.

– Так и сделаю, – прохныкала она. – Клянусь перед всеми богами.

– Этим не отплатить за жертву Телада, – сказал киммериец, – но это, по крайней мере, значит, что ты ценишь его поступок.

Она нежно коснулась щеки Конана.

– Я никогда раньше не хотела, чтобы мужчина управлял мной, но ты почти заставил меня... – Белые зубки прикусили полную нижнюю губу, и княжна опустила глаза. – Ты вернешься со мной в Шадизар? – спросила она тихо, снова пошевелившись в его руках, но на этот раз так, чтобы киммерийцу были хорошо видны ее полные округлые груди.

– Возможно, – ответил он и снова пошел, полностью сосредоточив свое внимание на изгибах ущелья и неровностях под ногами. Лишь глупец отказал бы такой женщине, какую он нес сейчас на руках. И лишь глупец пренебрег бы советом, который он только что дал ей. Но Телад сделался другом, и жизнь свою он отдал и за него тоже, как и за нее.

Кодекс чести киммерийца требовал, чтобы Телад, отдавший свою жизнь за киммерийца, был отмщен, но также кодекс требовал, чтобы он проводил Йондру и Тамиру в безопасное место. Второе выполнить было намного легче. Как, думал он, можно убить зверя, которому не причиняет вреда сталь? Так что не удивительно, что он не обращал внимания на прелести, выставленные Йондрой.

Глава 17

Тамира была первой, кого увидел Конан, войдя в лагерь с полуголой аристократкой на руках, и солнце к этому времени кровавым шаром висело над кромкой гор. Воровка, уперев руки в бока, желчно глядела на то, как к нему прижимается Йондра. Затем Йондра обернулась, открыв свое заплаканное лицо. Челюсть Тамиры отвисла, и девушка бросилась в красный шатер за халатом.

Конан поставил Йондру на ноги, и Тамира завернула ее в мягкую синюю шерстяную ткань. Когда Конан выпустил княжну из рук, она повалилась на камни.

Тамира опустилась рядом с ней, положила ее голову себе на плечо и взглянула на киммерийца.

– Что случилось? – спросила она.

– Мы нашли зверя, на которого она охотится. Охотилась. Кто-нибудь еще вернулся?

Темные глаза Тамиры расширились от страха, и воровка помотала головой.

– Никто. Они... Они ведь не могли все погибнуть?

– Конечно, нет, – ответил Конан. Он бы очень удивился, увидев еще кого-нибудь живым, но не стоило еще больше пугать девушку. Лучше найти ей работу, чтобы отвлечь от тяжелых мыслей. – Позаботься о ней, – сказал он Тамире, – она почти не переставая плачет.

– Не удивительно, – ответила Тамира, – если о ней заботился ты.

Она увела не сопротивляющуюся аристократку в шатер, оставив Конана стоять разинув рот.

Он никогда не научится понимать женщин, решил киммериец. Никогда. Затем он заметил, что вокруг него собрались оставшиеся в лагере охотники и обеспокоенно смотрят на него.

«Они ждут от меня приказов», – понял вдруг с удивлением Конан.

Он решительно изгнал из головы все мысли о женщинах. – На рассвете, – сказал он охотникам, – мы возвращаемся в Шадизар. Но прежде мы должны дожить до этого. Сегодня ночью никто не спит, если только не хочет проснуться с перерезанным горлом. И никаких костров. Раздать все запасы.

Охотники как можно скорее принялись за дело. Все стрелы поделили между собой. Три колчана на человека. И каждый получил по дополнительному копыю, а также бурдюк с водой и сумку с вяленным мясом. Несколько трусов может убежать с имеющимися у них запасами, но Конан не хотел обрекать на смерть остальных, если потребуется бежать всем.

Нападения горцев можно было ждать в любое время и отовсюду, кроме как со стороны утеса, у которого стоял шатер Йондры. Даже если первая атака будет отбита, они не могут оставаться здесь при свете дня, на виду, будто жуки, прико-

лотые булавкой.

Они попытаются отступить, после того как на них нападут или во время атаки, если врага не удастся отбить. И если они окажутся на грани поражения, каждому самому придется заботиться о своей судьбе.

Хуже всего будет, если нападет зверь. Обходя в сумерках охотников, Конан каждому напоминал:

– Не пытайтесь драться со зверем. Если он появится, бегите и надейтесь, что ваши боги вас не оставили.

Конан сел на корточки недалеко от шатра Йондры. Если произойдет худшее, другим придется думать только о себе. Ему надо быть рядом с женщинами, если он хочет спасти их.

Шорох камней сообщил, что подходит Тамира, и киммериец подвинул два копья, чтобы дать ей место.

– Она спит, – сказала хрупкая женщина, устало садясь на землю рядом с киммерийцем. – Она вымотала себя слезами. И кто будет удивляться этому, после того как она увидела такое.

– Это случилось по ее приказу, – сказал Конан тихо, – и из-за ее тщеславия. Тот бритуниец говорил ей о звере, и я рассказывал ей о том, что узнал о нем.

– Ты жестокий мужчина, киммериец. Жестокий, как эти горы.

– Я мужчина, – ответил он просто.

Некоторое время Тамира молчала. Но наконец произнесла:

– Йондра говорит, что ты возвращаешься в Шадизар с ней.
Конан простонал:

– Кажется, она слишком много говорит для женщины на грани нервного истощения.

– Она собирается устроить во дворце для тебя покои.

– Смешно.

– Она хочет разодеть тебя всего в шелк и надеть на руки золотые браслеты, чтобы подчеркнуть мускулы.

– Что? – Ему показалось, что он слышит рядом с собой в сгущающейся темноте смешок, и Конан гневно посмотрел на девушку.

– Радуетесь шуткам? – прорычал он. – Не вижу в них ничего смешного.

– Ты был и ее первым мужчиной, Конан. Ты не знаешь, что это значит для женщины, но я-то знаю. Она любит тебя. Она спросила меня, есть ли еще такие мужчины, как ты. Она даже сравнила тебя с Элдраном – с тем бритунийцем. Она сделала вид, что забыла его имя, но на самом деле помнит его.

Что-то в голосе Тамиры удивило его.

– Митра выдери мои глаза, если тебе не жаль ее. – В голосе его было недоумение.

– Она меньше меня знает о мужчинах, – сказала, словно защищая княжну, хрупкая воровка. – Трудно быть женщиной среди мужчин.

– Без женщин было бы труднее, – произнес он сухо, но

Тамира ткнула его кулаком в бок.

– Вот твоих шуток я не понимаю, – начала она, но он прикрыл ей рот ладонью.

Конан прислушался, не раздастся ли звук, который он уже слышал раньше. Вот. Чиркнуло копыто – неподкованное копыто – о камень.

– Иди в шатер, – прошептал он, подталкивая Тамиру в нужном направлении. – Разбуди ее, и будьте готовы бежать. Быстрее!

В это мгновение ночь рассек крик:

– Да будет воля истинных богов! – И на лагерь стремительно хлынула орда горцев на косматых лошадках, и в бледном свете луны замелькали сабли.

Конан взял копье и метнул его в ближайшую цель. Пронзенный наездник в тюрбане вскрикнул и свалился с несущейся лошади. К киммерийцу подскакал другой всадник, громко призывая своих богов и размахивая сталью. У Конана не было возможности бросить второе копье. Он упал на живот и ударил древком, будто дубиной, по ногам несущегося животного. Послышался резкий хруст, и всадник вместе с лошадей кубарем покатались по земле. Пока горец не успел подняться, Конан всадил ему в грудь копье на целый локоть. Всюду вокруг киммерийца звенела сталь. Люди выкрикивали боевые кличи, издавали предсмертные хрипы.

В этом смертоносном кровавом урагане отточенные чувства дикаря предупредили Конана об опасности. Выдержнув

копье, он развернулся и успел защититься от удара кривой сабли. Он ловко обвел копье вокруг клинка сабли и всадил наконечник в горло нападавшему. Умирая, горец обеими руками вцепился в оружие, убившее его. Лошадь убежала из-под горца, и, падая, он вырвал копье из рук Конана.

– Конан! – Сквозь шум до ушей киммерийца долетел крик Тамиры. – Конан!

Конан отчаянно принялся отыскивать глазами хрупкую воровку... и нашел, когда горец уже поднял ее за волосы к своему седлу. Оскалясь, бородатый горец, дразня девушку, приставил ей к горлу клинок сабли. Одной рукой Тамира пыталась отвести острое, как бритва, лезвие, в то время как другой вцепилась в одежду горца.

Конан выхватил меч. Двумя прыжками он добрался до Тамиры; голова горца откинулась назад, а рот открылся, когда меж ребер гладко вошел меч киммерийца. Безжизненные пальцы выпустили волосы Тамиры, и Конан поймал девушку, когда она падала. Дрожащие руки обвили его шею, она тихо всхлипывала, прижавшись к его груди.

Лошадь с трупом на спине поскакала дальше, а Конан за несколько мгновений понял все, что происходило в лагере. Сражение шло плохо, поскольку сейчас оно уже почти прекратилось. В лагере осталось мало воинов в тюрбанах, да и те были заняты тем, что грабили убитых и глумились над ними. Кровожадные крики, доносящиеся из темноты, говорили о том, что горцы рассредоточились, преследуя бежавших

охотников. Шатер Йондры был в огне.

Огромный киммериец похолодел. У него на глазах рухнули остатки шатра, подняв кучу искр. Если Йондра там, у нее нет надежды на спасение. Киммериец надеялся, что княжны там не было, но помочь ей он сейчас не мог. У него уже есть одна женщина, и нет времени для второй.

Нагнувшись и подхватив Тамиру под колени, он бросил ее на спину, как мешок. Сквозь не прекращающийся плач она попыталась слабо протестовать. Никто из горцев, кроме савших трупы, не обратил внимания на мускулистого молодого человека и его стройную хрупкую ношу, когда он растворялся в ночи.

Будто дух, Конан двигался от тени к тени. Одна лишь темнота, однако, не может быть щитом, подумал он. С затянутого облаками неба перламутровая луна роняла мало света, но достаточно для того, чтобы зоркий глаз различил движение, да и короткая белая рубаха Тамиры не улучшала положения. Повсюду в окутанных темнотой горах раздавались звуки ударов копыт и крики рыщущих горцев. Они искали, и если дать им время, обязательно найдут.

Киммериец не останавливался, он шел все дальше от звуков, издаваемых горцами, и глаза его постоянно искали укрытия. Линия более глубокой черноты на общем темном фоне привлекла его внимание. Он пробрался к ней и обнаружил горизонтальную трещину в скальной стене.

Она была достаточно широкой, чтобы туда пролезла Та-

мира, и достаточно глубокой, чтобы она там спряталась и оставалась скрытой для любого, если только он не засунет в трещину руку.

Спустив девушку со спины, он помог ей забиться в щель.

– Сиди тихо, – сказал он Тамире, – и не двигайся. Вернись как можно скорее. Слушайся меня, женщина!

– Он... он собирался убить меня, – всхлипывала она. – Он с-смеялся.

Она вцепилась в киммерийца, но он нежно убрал ее руки со своих плеч.

– Все позади. Ты в безопасности, Тамира.

– Не оставляй меня.

– Я должен найти Йондру. Сиди здесь, пока я не вернусь, а потом мы все втроем выберемся из этих гор. – Он думал, что слова его звучат уверенно, – во всяком случае, в голосе ощущалось больше уверенности, чем было на самом деле, но девушка забила от него в трещину в скале.

– Тогда иди, – сказала она мрачно. Он не видел лица Тамире, но слезы, казалось, вдруг высохли. – Ладно. Иди, если хочешь.

Конан стоял в нерешительности, но Йондру все-таки нужно найти, и он не знал еще, живой или мертвой. Здесь Тамира будет в безопасности до его возвращения.

– Я скоро вернусь, – сказал он и растворился в темноте.

Тамира выглянула из щели, но, хотя в темноте она видела как кошка, она не разглядела ничего. Конан исчез. Она снова залезла в трещину.

Ее чуть было не убили, дразнили саблей, а он ушел к той, другой, когда должно быть ясно видно и слепому, что ей необходимо его утешение, его объятия.

Хотя разве не все мужчины слепцы? Это несправедливо, что он производит на нее такое большое впечатление, в то время как самому ему нет до этого дела. Когда-то она могла спокойно и логично рассуждать о каждом мужчине. Когда-то – это было, кажется, сто лет назад – до того, как она позволила молодому киммерийскому великану... Даже одна и в темноте она покраснела от этой мысли.

Она не будет о нем больше думать, решила Тамира. Она подползла к краю щели и снова попыталась взглянуть в темноту, но это было бесполезно – то же самое, что смотреть сквозь крыло ворона.

В горах завывал ледяной ветер, и она поджала колени, с горечью заметив, как мало тепла дает ей короткая рубаха.

Куда же он все-таки ушел? Искать Йондру, как он заявил, но как собирается он искать ее ночью? И жива ли вообще аристократка? Шатер был весь в огне, вспомнила Тамира. Там ничего не могло остаться. Разве только... железные лар-

цы с украшениями Йондры.

Глаза Тамиры радостно загорелись, и она прикусила губу, чтобы сдержать смех.

– Пускай поищет Йондру, – прошептала она. – Он вернется и обнаружит, что я ушла. Ушла из гор, прихватив рубины.

С ловкостью кошки она выкатилась из трещины и приземлилась на ноги. Холодный ветерок обтянул на ней рубаху. Какое-то мгновение Тамира стояла в нерешительности из-за цвета рубахи.

– Да, но я же не могу пойти голой, – сказала она наконец, но тут же захлопнула рот. Теперь нельзя издавать ни звука.

Она тихо скользнула в темноту, двигаясь так ловко и неслышно, как только умела. Неважно, что говорят в Шади-заре, в тавернах Пустыни о Конане, в городе все-таки лучший вор она.

Ее остановил звук, сапоги, ступающие по камням, и она пожалела, что с ней нет ее ножей. Кто бы это ни был, подумала она с презрением, он очень неловок. Она беззвучно пошла прочь от того, кто не умеет ходить по камням... и ее придавили грязные тела воинов в вонючей одежде.

Она пиналась, отбиваясь от ругающихся мужчин, окруживших ее, и била их, пока кисти ее рук не схватили и не сжали, будто тисками. Тело ее ощупывали грубые руки. Она увидела бородатое лицо, безжалостное и жестокое, и занесенный кривой кинжал. Крик застыл у нее в горле. Столько мужчин, чтобы убить одну женщину. Это несправедливо,

подумала она тупо. Рубаху ее схватили у горла и разорвали до пупка.

– Смотри! – заорал грубый голос. – Как я и говорил. Женщина, и молодая.

Жестокое лицо не изменило выражения.

– Женщина с равнины! Сосуд похоти и разврата!

– Даже если так, – сказал третий человек, – вспомни приказы ималлы. И вспомни о судьбе Валида, прежде чем решишь послушаться.

При этих словах человек с жестоким лицом заморгал и нахмурился.

– Отведите меня к ималле, – проговорила Тамира. Она знала, что имя «ималла» носили среди горских племен святые люди. Святой человек, конечно, защитит ее.

Жестокое лицо расплылось в злобной улыбке:

– Пусть будет так, как хочет девка. Возможно, она пожалует, что не предпочла мой кинжал. – И он захохотал.

Глава 18

Заря еще не занялась, но сделалось уже светлее, а Конан лежал на узком гранитном уступе и следил за тем, как внизу по тропе между крутых обрывов едет вереница горцев. По мере того как ночь отступала, их строй становился все реже, но все же оставалось еще слишком много бородатых воинов. Когда наконец последние всадники скрылись за поворотом тропы, огромный киммериец осторожно спустился с уступа и побежал туда, где был лагерь, сделавшийся не так давно местом кровавой бойни, туда, где пряталась Тамира.

Пройдя шагов двести, он нашел останки одного из заморийских охотников. Он не мог определить, чьи именно. Обезглавленное тело, покрытое темной запекшейся кровью и ярко-зелеными мухами, лежало, неестественно раскинув конечности. Конан не стал задерживаться у трупа. Он за ночь видел их много, некоторые изуродованные еще хуже, и каждый раз Конана успокаивало лишь то, что это не Йондра. Теперь его беспокоила Тамира. Он был уверен, что она в безопасности – даже при дневном свете ту щель непросто обнаружить, – но она всю ночь оставалась одна, окруженная горцами, терзаемая воспоминаниями об убийствах.

Он пробежал вдоль склона горы, внимательно глядя по сторонам. Опустившись на живот, он подполз к краю утеса. Внизу лежал лагерь. Там была почерневшая земля и пепел в

том месте, где стоял шатер Йондры. Среди деревьев разбросаны десятки тел, многие из них расчлененные, – тела лишь заморийцев, поскольку горцы взяли своих убитых с собой. Было тихо, и лишь грустно жужжали мухи.

Конан глубоко вздохнул, прыгнул через край утеса и покатился по осыпи. Мертвых он оставил лежать, так как не имел времени на погребальные ритуалы.

Вместо этого он все свое внимание сосредоточил на том, что может помочь живым. Копье, несломанное и не замеченное горцами. Бурдюк, неразорванный и полный. Сумка с вяленным мясом.

Горцы, однако, пограбили основательно и оставили мало. Сломанные наконечники копий, кухонные горшки, даже веревка, которой привязывали лошадей, – все было унесено, а пепел шатра Йондры был просеян, чтобы забрать то, что не взяло пламя. Он все-таки нашел свою черную хауранскую накидку, спрятанную под валуном. Он добавил ее к своим жалким находкам.

– Так, значит, ты вор, мародер!

Услышав эти грубые слова, Конан схватил копье и обернулся. К нему плелся Арваний, черные глаза блестели, а пальцы побелели от того, как он вцепился в свое копье. На голове распорядителя охоты ничего не было: весь он был в пыли, а белые шаровары порваны.

– Приятно видеть живым еще одного из отряда Йондры, – сказал Конан. – Все думали, что тебя убил зверь.

Распорядитель охоты отвел глаза в сторону, поглядел на разбросанные тела.

– Зверь, – прошептал он. – Смертному не справиться с ним. Это и дураку ясно. Тот крик... – Он поежился. – Им следовало бежать, – продолжал он жалобно. – Только это и оставалось. Пытаться драться, задержаться хотя на мгновение... – Его взгляд упал на кучку, собранную Конаном, и Арваний, наклонив набок голову, косо посмотрел на огромного киммерийца. – Так, значит, ты вор, воруешь у княжны Йондры.

У Конана зашевелились на голове волосы. Он не часто сталкивался с сумасшествием, тем более этого человека он знал в здравом уме.

– Эти запасы могут спасти жизнь Йондре, – сказал он, – когда я ее найду. Ее нигде нет, Арваний. Я должен скорее найти ее, чтобы вывести из этих гор живой.

– Такая красивая, – проговорил тихо Арваний, – с длинными ногами, с круглыми грудями, просто созданными для того, чтобы мужчина клал на них голову. Такая красивая, моя княжна Йондра.

– Я пошел, – сказал Конан, нагнувшись, чтобы взять накидку. Он старался не сводить глаз с Арвания, поскольку тот по-прежнему сжимал копьё так, будто был готов пустить его в дело.

– Я смотрел на нее, – продолжал смуглый охотник. Огонек безумия в глазах сделался заметнее. – Смотрел, как она

бежала из лагеря. Смотрел, как прячется от горцев. Она не видела меня. Нет. Но я пойду к ней, и она будет благодарна. Она узнает меня таким, каков я есть, а не только как своего главного распорядителя охоты.

Конан замер, когда понял, о чем говорит Арваний. Киммериец медленно выдохнул воздух и сказал, тщательно подбирая слова:

– Пойдем к Йондре вместе. Мы отведем ее в Шадизар, Арваний. Она будет тебе очень благодарна.

– Ты лжешь! – Лицо распорядителя охоты исказилось, будто он был готов расплакаться; руки его теребили древко копья. – Ты хочешь взять ее себе! Ты недостойн даже слизывать пыль с ее сандалий!

– Арваний, я...

Конан не договорил, так как Арваний бросился на него. Взмахнув накидкой, киммериец запутал в ней конец копья, но Арваний высвободил свое оружие, и Конан вынужден был отпрыгнуть, чтобы увернуться от сверкающей стали. Оба, направив друг на друга оружие, ходили кругами.

– Арваний, – сказал Конан, – в этом нет необходимости. – Он не хотел убивать этого человека. Ему просто нужно было знать, где Йондра.

– Зато есть необходимость тебе умереть, – прошипел человек с орлиным носом. Он выискивал слабые места противника и выжидал удобного момента для атаки.

– Нам достаточно врагов вокруг, – говорил ему Конан. –

Нам не следует выполнять работу за них.

– Умри! – заорал Арваний, ринувшись с копьем вперед.

Конан отстранил удар, но распорядитель охоты не остановился. Он продолжал двигаться прямо на острие копья Конана. Арваний выронил оружие, но сделал еще один шаг вперед, пытаясь дотянуться руками до Конана и насаживая себя на копье еще глубже. Вдруг на его лице отразилось удивление: он посмотрел на длинное древко, торчащее у него из груди.

Огромный киммериец подхватил Арвания, когда тот падал, и положил на каменистую землю.

– Где она? – спросил Конан. – Разорви тебя Эрлик, где Йондра?

Распорядитель охоты корчился от смеха.

– Умри, варвар, – прохрипел он. – Умри. – Из рта хлынула кровь, и взгляд его остекленел.

Выругавшись, Конан поднялся на ноги. По крайней мере, она жива, подумал он. Если только это все не безумные бредни. Собрав свои запасы, он направился к укрытию Тамиры.

* * *

Из тени укрытия, образованного огромными каменными плитами, отколотыми землетрясением века назад от утеса за его спиной, Йондра жадно глядела на крохотную лужицу далеко внизу и облизывала губы. Если бы она знала про ту лу-

жицу, когда Кезанкийские горы скрывала темнота, она бы не мучилась сейчас мыслью о том, как утолить свою жажду. Но сейчас... Она посмотрела на восток, на солнце, скрытое наполовину изломанной линией гор. Было достаточно светло, чтобы выставить ее напоказ любому, кто здесь был.

«Выставить напоказ». Это именно те слова, подумала полногрудая аристократка, ухмыльнувшись. Если не считать пыли на ногах, собранной во время побега, она была совершенно голой.

– Не совсем приличное одеяние для знатной заморийской женщины на охоте, – прошептала она сама себе. Хотя ведь заморийская знать редко просыпается от кровожадных криков дикарей или от того, что вокруг полыхает шатер. А также не принимает участия в охоте в качестве жертвы.

Она снова повернулась, чтобы посмотреть на лужу, и облизала губы, которые тут же опять высохли. Чтобы добраться туда, надо пересечь крутой каменистый склон, на котором нет ни травинки, чтобы укрыться. Внизу склона был обрыв; она не могла сказать, насколько крутой, но не похоже, чтобы он мог быть серьезным препятствием. Сама же лужица постоянно влекла ее. Водоем, который можно перейти в три шага, не замочив колен, с тремя кривыми деревьями по краям, казался сейчас более приветливым, чем ее дворцовые сады.

– Не буду сидеть здесь и ждать, пока не вывалится язык, – объявила она вслух. И будто звук собственного голоса побу-

дил ее к действию, она выползла из укрытия и начала спускаться.

Вначале двигалась она осторожно, тщательно избегая нетвердо лежащих камней. С каждым шагом, однако, ее все более начинала смущать собственная нагота, то, как при каждом движении раскачиваются груди, то, как выделяется на солнце ее бледная кожа. Вначале ночь, а затем каменные плиты создавали иллюзию не полной наготы. Она часто лежала голой в своем саду, нежась на солнышке, но здесь солнечный свет рушил всякую иллюзию. Здесь она не могла знать, кто наблюдает за ней. Рассудок говорил ей, что если ее видят, то у нее есть большие проблемы, чем нагота, но рассудок не мог побороть чувств. Если прикрыть груди одной рукой, то это мало чем помогало, и княжна приседала все ниже и ниже, спешила все больше и все меньше смотрела под ноги.

Вдруг камень подвернулся, и княжна, лежа на спине в облаке пыли, покатилась по осыпи. Она отчаянно пыталась за что-нибудь ухватиться, но каждый камень, за который она цеплялась, лишь увлекал за собой остальные. Как раз в тот момент, когда она была готова со стоном признать, что хуже быть уже не может, она обнаружила, что падает. Но едва она успела это понять, как вдруг падение резко прекратилось. Однако поток камней и грязи продолжал обрушиваться на нее. Прикрыв лицо руками, выплевывая пыль, она думала о том, что на следующий день будет вся в синяках и ссадинах.

Град камней и грязи ослабел, затем стих, и Йондра с горечью осознала свое положение. Первым потрясением было то, что она висела, зацепившись ногами за стену обрыва, про который она думала, что он не будет представлять трудности. Кривой пенек дерева, не толще ее кисти, плотно прижал щиколотку. Внизу под ней насыпалась куча камней, такая большая, что она могла дотянуться до нее кончиками пальцев.

Княжна зажмурилась и сделала три глубоких вдоха, чтобы успокоиться. Выход должен быть. Она всегда добивалась того, чего желала, и она не хотела умереть, болтаясь, как баранья туша. Надо, решила она, лишь дотянуться до пенька и высвободить щиколотку.

При первой же попытке согнуться княжну всю пронзила боль, и девушка снова повисла, тяжело дыша. Щиколотка не сломана, решила она. Она отказывалась принимать такую мысль. Превозмогая боль, княжна сделала еще одну попытку. Пальцы коснулись пенька. Еще раз, подумала она.

Шорох заставил ее посмотреть на лужицу, и кровь в жилах похолодела от ужаса. Там стоял бородатый горец в грязной желтой рубахе и перепачканных шароварах. Он медленно облизывал губы, и в пристальном взгляде черных глаз горела похоть. Глядел он на нее, уже развязывая одежду. Вдруг послышался звук, похожий на резкий хлопок, и горец остановился и опустился на колени. Йондра поморгала и увидела, что у него из груди торчит стрела.

Девушка в панике начала искать того, кто мог стрелять.

Ее взгляд привлекло движение: мелькнуло то, что вполне могло быть луком. Триста шагов – оценила она спокойно как превосходный лучник, но в то время, будучи все-таки в первую очередь женщиной, почти зарыдала от облегчения. Кто бы это ни был из ее лучников, она даст ему столько золота, сколько он сможет унести.

Тем не менее она не собиралась никому, тем более человеку, ей служащему, позволить найти ее в таком беспомощном положении. Удвоив усилия, она отколола несколько щепок от пенька, обломала ногти, но ничуть не приблизилась к освобождению.

Вдруг она вскрикнула в ужасе, увидев того, кто шел к ней. Он не был горцем, этот высокий, с меховыми обмотками на ногах, гладко выбритый и с серыми глазами человек. Она знала это лицо и помнила имя, хотя многое отдала бы, чтобы доказать обратное. Элдран. Она тщетно пыталась скрыть свою наготу, прикрывшись ладонями.

– Ты, – бросила она ему, – уходи прочь и оставь меня одну!

Он по-прежнему медленно приближался к ней, положив одну руку на рукоять меча, свесив с одного плеча отороченную мехом накидку. Ни колчана, ни лука видно не было. Он пристально глядел на княжну, и лицо его было сурово.

– Перестань глядеть на меня! – потребовала Йондра. – Уходи, говорю тебе. Мне не нужна помощь, да я и не хочу ее.

Она поморщилась, когда за спиной бритунийца из-за скал тихо выскочили три горца и побежали к нему, подняв кри-

вые сабли. Княжна открыла рот, чтобы закричать... но Элдран развернулся, и в руке у него будто сам собой оказался меч с перекрестием в виде когтистых лап. Княжна не могла уследить за движением танца смерти. Сталь оросилась кровью. В пыли покатилась бородатая голова. И вот все три горца лежат, а Элдран спокойно вытирает клинок о накидку одного из горцев.

Убрав меч в ножны, он подошел ближе.

– Возможно, ты и не хочешь моей помощи, – сказал он спокойно, – но ты в ней нуждаешься.

Йондра заметила, что рот ее все еще открыт, и захлопнула его. Затем она решила, что молчать все же не следует, но, прежде чем она успела что-либо сказать, бритуниец взошел на кучу камней, взял девушку за голени и отцепил от пенька. Он перехватил ее и взял на руки. «Он держит меня так же легко, как и Конан», – подумала она. Он так же высок, как и киммериец, хотя и не так широк в плечах. Впервые после нападения она почувствовала себя в безопасности. Но как только она осознала характер своих мыслей, лицо ее залила краска.

– Опустить меня вниз, – приказала она ему. – Я сказала, опустить вниз!

Молча он отнес ее к лужице и опустил на краю.

– Ты внизу, – сказал он. Она поморщилась, когда он пощупал ее щиколотку. – Ссадина большая, но через несколько дней заживет.

Княжна заметила, что на лбу у него запеклась кровь.

– Откуда это у тебя? Вы встречали и других горцев?

– Я должен забрать свой лук, – сказал он коротко и зашагал прочь.

Может и не возвращаться, подумала она сердито, но мысль эта вызвала тревогу. Если предположить, что он действительно не вернется, что решит бросить ее голую и одну в безлюдном месте. Когда он снова появился, она облегченно вздохнула, но тут же разозлилась на себя за это.

Он положил лук в колчан, затем с мрачным лицом повернулся к ней:

– Мы встречали других горцев, да. Со мной в эти проклятые горы отправились четыре десятка человек, и я не смог сохранить их до того, как мы выполним свою задачу. Горцы, сотни горцев, обнаружили наш лагерь. Я не знаю, жив ли кто из моих товарищей. – Он тяжело вздохнул. – Я полагаю, такая же судьба постигла и вас. Жаль, что я не могу обещать проводить тебя в безопасное место, но я еще должен исполнить свою задачу, и она для меня важнее, чем ты. Однако я сделаю для тебя все, что смогу. Я сожалею, что не могу целые дни сидеть и смотреть на тебя.

Но она заметила, что он все-таки смотрит на нее, смотрит так, будто хочет запомнить все увиденное. И тут она вспомнила, что по-прежнему голая. Она быстро поднялась на колени и обхватила руками грудь.

– Цивилизованный человек отвернулся бы, – бросила ему

Йондра.

– Значит, люди, которых ты зовешь цивилизованными, не могут ценить женскую красоту.

– Дай мне свою накидку, – приказала она. – Я не девка в таверне, чтобы на меня глазеть. Дай сюда, говорю!

Элдран покачал головой:

– Одна, в глубине Кезанкийских гор, голая, будто рабыня, выставленная на продажу, и все еще требуешь и отдаешь приказы. Возьми одежду у горцев, если хочешь, но сделай это быстро, так как нам надо скорее уходить. Здесь есть и другие горцы. Если не хочешь, чтобы я смотрел, не буду. – Взяв снова лук, он вложил в него стрелу и оглядел склоны вокруг. – Спешу, девушка.

Красная от гнева и еще от каких-то эмоций, не совсем ей понятных, Йондра даже не захотела взглянуть на трупы.

– Одежда их грязна и испачкана кровью, – произнесла она, подчеркивая каждое слово. – Ты должен дать мне приличную одежду. Таковую, как твоя накидка!

– Виккана прокляла меня, – сказал бритуниец, будто княжна ничего и не говорила, – сделав так, что твои глаза трогают мою душу. В моей родной земле много женщин, но я должен был прийти сюда и встретить тебя. Я смотрю в твои глаза и чувствую, как они меня трогают, и нет других женщин. Я хочу, чтобы ты родила мне детей. Капризная, изнеженная женщина, у которой надменность в самой крови. Почему я так желаю такую женщину? И все же сердце мое па-

рит, когда я смотрю на тебя.

Йондра беззвучно открыла рот. Капризная! Родить ему детей! А он продолжал говорить немислимыя слова, слова, которые она не хотела слышать. Рука ее нащупала у воды камень, размером с кулак, и, ни о чем не думая и чувствуя лишь гнев, она швырнула его. Княжна вскрикнула, когда тело Элдрана обмякло. По виску текла тонкая струйка крови.

– Элдрани? – прошептала княжна.

Она подбежала на четвереньках к его неподвижному телу и подержала перед его губами ладонь. Он еще дышал. Она почувствовала облегчение, такое сильное, что раньше посчитала бы это невозможным. Она хотела было коснуться раны в том месте, куда попал камень, но вместо этого подняла с его лица вьющиеся каштановые волосы.

Вдруг она отдернула руку, будто обожглась. Что она делает? Ей надо уйти до того, как он придет в себя. В лучшем случае он снова заведет речь о том, чтобы она родила ему детей. В худшем же... Она вспомнила, с какой легкостью он нес ее, – и решительно отбросила воспоминание о том, что чувствовала тогда себя в безопасности. Он такой сильный, достаточно сильный, чтобы побороть ее волю. Надо быстрее уходить.

Прежде всего ей нужна была вода, и она припала к воде и пила до тех пор, пока не почувствовала, что лопнет, если сделает хотя бы еще один глоток. Прохладная вода освежила ее. Прихрамывая, она подошла к Элдрани. Он даст ей то, что

ей нужно. Она действительно не могла заставить себя прикоснуться к одежде горцев, но его вещи – совершенно другое дело. Она восхищенно схватила лук бритунийца и подергала тетиву. Йондра удивленно глядела то на лук, то на лежащего Элдрана. Она никогда не встречала человека, который мог бы натянуть ее лук так же, как она, но этот лук она не могла натянуть и на пядь. Княжна с сожалением положила лук рядом с Эldrаном.

К мечу она не притронулась, поскольку не умела с ним обращаться. Но зато вытащила из-за пояса высокого бритунийца кинжал. Как только Йондра сделала прорези для головы и для рук в его отороченной мехом накидке, получилась вполне сносная рубаша, если подпоясаться сыромятным ремешком с его обмоток. Сами же обмотки она распорола, обмотала ими свои ноги и перевязала кусками другого ремешка.

Теперь можно было уходить. Но она долго простояла на коленях рядом с Эldrаном, не решаясь оставить его. Некоторые так и не приходили в себя после раны на голове. Что, если ему нужна забота?

– Йондра? – пробормотал он. Хотя глаза его оставались закрытыми, он потянулся руками, будто ища девушку. Она отпрянула, как от змеи. Сам о себе позаботится, решила она.

Вначале Йондра шла медленно, потому что местность, по которой она передвигалась, была в лучшем случае неровной. Щиколотка не будет беспокоить, если ее не перетруждать,

подумала княжна. Но через некоторое время она начала думать и об Элдране. Когда она уходила, он был готов очнуться. Он, конечно, оглушен, но не настолько, чтобы не понять, что она ушла, и чтобы не вспомнить, что она ему сделала. Он охотник. А охотники умеют идти по следу. Не было оснований полагать, что бритуниец делать этого не умеет. И у Элдрана две здоровые ноги...

Почти не сознавая этого, Йондра начала стараться идти быстрее. Боль в щиколотке усиливалась, но она не обращала на нее внимания. Элдран наверняка уже преследует ее. Она должна оторваться от него. Княжна судорожно дышала. Во рту пересохло, будто она вообще никогда не пила, и горло тоже было сухо. Она тоже охотник, говорила себе княжна. Она знала, как наблюдать за жертвой; она могла наблюдать также и за преследователем. Йондра постоянно смотрела на оставляемый ею след и в конце концов стала столько же времени тратить на то, чтобы смотреть через плечо, сколько и на то, чтобы смотреть вперед.

Обойдя каменную глыбу, она сделала, качаясь, три шага и увидела десяток горцев, сидящих на конях и с удивлением глядящих на нее.

– Дар древних богов! – выкрикнул один из них и погнал лошадь вперед.

Йондра была слишком измождена, чтобы сопротивляться, когда ее схватили за волосы и перекинули животом вниз поперек седла. Плача от отчаяния, она бессильно повисла, а

горец задрал накидку Элдрана и пощупал ее голые ягодицы.

– Он спасет меня, – тихо прохныкала она в косматую шерсть, в которую утыкалось ее лицо. – Он спасет меня. – И в глубине души удивилась тому, что образ, который она вызвала, был лицом бритунийца.

Глава 19

Конан скрипел зубами, глядя на ту щель, в которой он оставил Тамиру. Он понимал, что просто глядеть делу не поможет. Она не появится от силы его взгляда.

Выбросив из головы мысли о трещине, он обследовал землю внизу и нахмурился. Понять можно было не много. Почва была слишком каменистой, и на ней не оставалось следов, но он научился читать следы в горах Киммерии, а земля в разных горах не очень отличается. Здесь оцарапан камень. Там другой перевернут нижней, темной, стороной к свету. То, что узнал киммериец, было непонятно. Тамира ушла. Это и ничего больше. Он не видел следов, которые говорили бы о том, что ее забрали горцы или кто-либо еще. Она просто ушла. И сделала это вскоре после того, как он оставил ее, поскольку Конан видел остатки ночной росы на некоторых перевернутых камнях.

– Дура, – проворчал он. – Теперь надо искать вас обеих.

А когда он найдет воровку, поклялся Конан, он изорвет об нее всю плетку.

Конан побежал, легко находя разбросанные следы. Ему хотелось ругаться. Было понятно, куда она направилась. В лагерь. За рубинами. Может быть, она наконец получила их, поскольку, как он помнил, среди пепла не было железных ларцов Йондры.

Он вдруг остановился и нахмурился, глядя на каменистую почву. Здесь была борьба, боролись несколько человек. Конан поднял кусочек белой материи. Он оторван от белой рубахи прислуги, такой рубахи, какую носила Тамира. Киммериец скомкал его в руках.

– Дура, – проговорил он, но тише.

Теперь он шел осторожно, осматриваясь, нет ли здесь горцев, и отыскивая следы. Вскоре Конан понял, что видит три вида следов. Два из них принадлежали всадникам: один – по которому он шел, другой – более свежий. Самыми свежими были следы нескольких человек, прошедших пешком. Горцы далеко не отправляются без своих косматых лошадок, солдатами эти люди тоже не могли быть, так как их мало. Конан больше никого не мог представить себе здесь, в горах, поскольку, если остался кто-нибудь из заморийских охотников, они как можно скорее направятся в низины.

У киммерийца пробудилось подозрение, и он стал еще более внимательным, остерегаясь возможной засады. В Кезанкийских горах было много таких мест, откуда можно было неожиданно напасть, что совсем не облегчало задачу Конана. Резкие повороты вокруг крутых склонов и узкие проходы между отвесных стен встречались часто. Однако остановила его небольшая долина, ограниченная покатыми склонами.

Конан оглядывал долину из русла горной речки, впадавшей в нее. Он стоял неподвижно, прижавшись к каменной стене. Глаз прежде всего привлекает движение. На склонах

росли кривые деревья, но их слишком мало, чтобы можно было укрыться. На склонах лежало мало валунов, да и те находились высоко по обеим сторонам. Горцы, устраивая засады, любят бить близко, чтобы не оставлять врагу времени опомниться. Все, что видел Конан, говорило ему, что долина безопасна, но инстинкт шептал иное. Инстинкт, не раз спасавший его, победил.

Конан быстро пошел по руслу назад. В том месте, где стена обрушилась, он взобрался по осыпи наверх и вылез из русла. Терпеливо, будто охотящийся кот, он перебирался от валуна к валуну, от одного кривого дерева к другому, используя каждую неровность.

Наконец он оказался на склоне выше долины. Внизу под обломками скалы сидел на корточках человек с луком в руках. Конан удивленно проворчал. Хотя на нем и не было меховых обмоток, вышитая рубаха говорила, что это бритуниец. Действительно, Конан узнал в нем предводителя тех, кто приходил в лагерь Йондры. Нахмурясь, киммериец начал спускаться. Он остановился за бритуниейцем, поправил свою накидку и сел, прислонив копье к плечу.

– Кого ждешь, Элдран из Бритунии? – спросил он непринужденно.

Бритуниец даже не вздрогнул. Он спокойно посмотрел через плечо.

– Тебя, Конан из Киммерии, – сказал он. – Хотя, признаюсь, я не знал, что это ты следишь за нами.

– Не за вами, – ответил Конан. – За горцами. И можешь позволить остальным своим людям выйти. Если только действительно не считаешь, что им нужно наблюдать за моей спиной.

Улыбнувшись, Элдран выпрямился.

– Мы видим друг друга насквозь. – Он взмахнул рукой, к ним по одному подбежали несколько человек в обмотках и вышитых рубахах. – Значит, ты тоже хочешь спасти Йондру, киммериец?

Конан медленно втянул в себя воздух.

– Значит, она в руках горцев. Да, я хочу ее спасти, однако я направлялся спасти другую женщину, тоже пленницу. Но из твоих слов я понимаю, что ты спасаешь Йондру. Это меня удивляет, если учесть, как тепло прошла последняя встреча.

– Мы после этого встречались, – сказал горько Элдран, – и с ее стороны тепла было еще меньше. А потом я нашел то место, где ее взяли в плен горцы. – Он потерев пальцами грубую шерстяную накидку, грязную и рваную; это была горская накидка, понял Конан. – Мне надо кое о чем строго поговорить с этой женщиной.

Один из бритунийцев, костлявый мужчина с острым носом, сплюнул.

– Говорю тебе, забудь о ней. Мы пришли, чтобы убить огненного зверя, и мы сделаем это, если даже придется погибнуть. У нас нет времени для женщин из другой страны.

Элдран не ответил, хотя лицо его сделалось мрачнее. Дру-

гой бритуниец сказал негромко:

– Успокойся, Фюрдан, – и костлявый бритуниец притих, хотя и неохотно.

– Значит, вы, как и Йондра, охотитесь на этого зверя, – сказал Конан. – Она оставила затею после того, как погибли двадцать ее охотников, – растерзаны или заживо сожжены. Лишь она, я и еще один остались в живых, и то чудом, после той охоты. Я бы тоже хотел, чтобы зверь был убит, но есть и более простые способы расстаться с собственной жизнью.

– Заморийская девка нашла зверя, – проговорил рассерженно Фюрдан, – в то время как мы находим только следы. Может быть, она нам действительно нужна.

Элдран опять не обратил на него внимания.

– Йондра охотилась ради трофея, – сказал он. – Мы же мстим за погибших родственников и стремимся предотвратить новые жертвы. Твоя сталь не может победить огненного зверя, Конан, как и любой металл, обработанный смертным. Но этот, – он положил руку на рукоять меча, – был выкован волшебником специально для этой цели.

Огромный киммериец с неожиданным интересом поглядел на оружие. Он уже сталкивался с волшебными предметами. Когда-то даже сам чувствовал ауру их силы в своих руках. Если этот меч на самом деле таков, как рассказывает о нем Элдран, тогда еще можно расквитаться за Телада.

– Хотелось бы подержать оружие, которое может убить то существо, – сказал он, но бритуниец покачал головой.

– Как только я перестану им обладать, киммериец, он совершит путь, лишь Виккана знает как, назад, туда, где он был мне дан, и я никогда в жизни больше не смогу притронуться к нему. Таково заклятие.

– Понятно, – сказал Конан.

Может быть, все так, как говорит бритуниец, а может быть, и нет, но если Элдран падет, поклялся Конан, он постарается, чтобы этот меч, куда бы он ни направлялся, вначале совершил путь в его руку. Так или иначе, если он останется жив, то вернет долг Теладу. – Но прежде зверя женщины, согласен?

– Согласен, – ответил Элдран. – Поскольку следы, по которым мы шли, соединились, вероятно, мы найдем обеих женщин вместе. Харал пошел за горцами, взявшими Йондру, и он отметит дорогу, так что мы пойдем следом за ним быстро.

Конан поднялся на ноги.

– Не стоит терять времени, если хотим спасти их до того, как им будет причинен вред.

Однако, когда они спускались по склону, на сердце у Конана было тяжело. С пленными женщинами горцы редко обращались ласково. «Хоть бы хватило у них духа, – думал он. – Хоть бы они были живы, когда мы их найдем».

* * *

В двадцатый раз Тамира изучала свои оковы, и в двадца-

тый раз она убеждалась в бесполезности такого изучения. К кожаным манжетам на запястьях и щиколотках крепились толстые цепи, закрепленные в потолке и в полу каменной камеры без окон, в середине которой она и была подвешена, будто орел, расправивший крылья. Голое хрупкое тело воровки блестело от пота в свете бронзовых ламп. Воздух был холодным, так что пот выступил от страха, страха, вызванного скорее чем-то смутно ощущавшимся в камере, чем самим пленом.

Йондра висела так же, как и она, лицом к ней, и Тамира обменивалась взглядами с аристократкой. Тело более высокой женщины тоже блестело, блики выделяли каждый изгиб груди и бедер. Тамира надеялась, что лицо ее так же спокойно, как и у Йондры, правда, княжну немного выдавало то, что она постоянно облизывала губы.

– Я княжна Йондра из дома Перашанидов из Заморы, – сказала Йондра нетвердым голосом. – Будет дан щедрый выкуп за меня и служанку. Но нас следует одеть, надо обращаться с нами подобающим образом. Ты слышал меня? Я дам тебе столько золота, сколько мы весим!

Человек в алом одеянии, занятый тем, что создавал странный узор на полу, высыпая горошинки из глиняных чашечек, не поднял глаз. Он вообще не подал виду, что слышал. Рисую, он постоянно бормотал слова, которые Тамира едва слышала и совершенно не понимала.

Тамира пыталась не слушать, но мерный гул сверлил ей

уши. Она сжала зубы, чтобы они не стучали. Люди, бросившие ее к его ногам, называли его ималла Басракан. Ей хотелось разрыдаться, поскольку она верила, что святой человек защитит ее, но она боялась, что если заплачет, то уже не остановится.

– Я княжна Йондра из дома... – Йондра снова нервно облизала губы. Она тряхнула головой, попытавшись дернуть натянутые цепи; дрожь пробежала по ее телу, но больше у нее ничего не вышло. – Я дам тебе золота в два раза больше нашего веса. – В голосе слышался панический страх, с каждым словом этот страх ощущался все отчетливее. – В три раза больше! В четыре! Сколько пожелаешь! Что угодно! Только не делай того, что ты задумал, что бы это ни было! Не надо! О Митра, защити меня, не надо!

Знатная красавица всхлипывала и дико билась, и ее страх разжег страх и в Тамире. Воровка поняла сейчас, что она ощущала в камере, но о чем до этого не позволяла себе даже думать. Колдовство. От стен несло колдовством.

И что-то появилось еще, – теперь, когда она признала это ощущение. Злобная ненависть к женщинам. Она затряслась от всхлипов, и слезы потекли из-под век, плотно сжатых, будто она могла за ними укрыться.

– Вы сосуды порока! – прорезал хриплый голос рыдания Тамиры.

Против воли она посмотрела на говорившего. Басракан стоял, поглаживая бороду, и с ненавистью глядел на них.

– Все женщины городов – нечестивые сосуды похоти. Древние боги сами докажут это на ваших телах. Затем я очищу вас от мерзости, чтобы вы чистыми пошли к древним богам гор.

Содрогаясь, Тамира оторвала от него взгляд и обнаружила, что смотрит на сделанный ималлой рисунок – удлиненный ромб с вогнутыми сторонами. Одна короткая черная свеча, установленная на одной из вершин фигуры, мерцала под ней, другая – под Йондрой. Линии внутри ромба притягивали взгляд, гипнотически приковывали его. Мысли ее начали дробиться, метаться по запутанному лабиринту, и сознание наполнилось неузнаваемыми образами, образами, вызывающими ужас. Беззвучно крича, она словно пыталась бежать по своему лабиринту, чтобы найти укрытие, но везде были хаос и ужас.

Вдруг и сам лабиринт рассыпался. Почти вскрикнув, она обнаружила, что не может отвести взгляд от ромба. Ималла с суровым лицом сел, скрестив ноги, в одном конце нечестивого рисунка. Он ударил в небольшой гонг из начищенной бронзы, стоявший рядом с ним, и она поняла, что из лабиринта освободил ее этот звук. Снова прозвучал гонг, и ималла опять нараспев забормотал слова. Гонг ударил снова. И снова. Снова.

Она сказала себе, что не будет слушать, но ее кости, казалось, вибрировали в такт его словам, в такт удара гонга. Воздух в камере делался холоднее, сгущался и двигался. При-

косновение воздуха становилось ощутимым, будто касание перышка, будто нежные, ласкающие руки, которые гладят сразу всюду. И она почувствовала, как поднимается жар.

Тамира, не веря, посмотрела на свечу под собой. Пламя было неподвижно, не беспокоимое ветерком, который чувствовала она, однако оно не могло быть источником волн тепла, поднимавшихся снизу. Но жар все-таки поступал откуда-то, проходя по членам, обдувая живот, заставляя его то втягиваться, то вздуться. Она пыталась потрясти головой, пыталась сказать «нет» желанию, которое ворочалось и извивалось в ней. Тамира смутно слышала стон Йондры. Она расплывчато видела, как аристократка запрокинула голову, бесконтрольно дергая бедрами, и поняла, что сама извивается так же.

Ее губы раскрылись, и вырвался стон:

– Конан!

Оставшаяся часть рассудка узнала ответный вопль Йондры:

– Элдран!

Это не прекращалось. Кровь ее кипела.

С треском двери камеры распахнулись. Тамира вскрикнула, когда ее будто кинули в холодную воду: ощущение желания тут же покинуло ее. Ему на смену пришло рыдание, слезы оттого, что, казалось, всю ее покрывают нечистоты.

Басракан вскочил на ноги.

– Ты желаешь смерти, Джбейль? – прорычал он. – Ты хо-

чешь присоединиться к Шармалю?

Тощий человек в дверях низко склонился.

– Прошу прощения, ималла Басракан, – произнес он спешно, – но все дело в Огненных глазах.

Басракан распрямил его, дернув за черное одеяние:

– Говори, дурак. Что с Огненными глазами?

– Шармаль утверждает, что Огненные глаза несет в горы женщина. Он описал ее. – Джбейль указал на Йондру.

Глядя сквозь слезы, Тамира встретила с аристократкой глазами, но та явно не понимала, о чем идет речь, и помотала в ответ головой. Басракан, взмахнув красным одеянием, резко развернулся. Тамира бы отпрянула от его взгляда, если бы могла. До этого взгляд был просто злобным. Теперь она видела, как этим взглядом сдирается кожа, от костей отрывается плоть. Ее кожа. Ее плоть.

– Два лагеря чужеземцев уничтожены прошлой ночью. – Голос ималлы был спокоен, будто поглаживание по горлу ножом. – Эта женщина из одного из этих лагерей, Джбейль. Найди все взятое из этого лагеря. Найди Огненные глаза. Найди их, Джбейль.

Джбейль бросился из камеры, будто это его горло ласкали ножом. Басракан устремил взгляд черных глаз на Йондру, но Тамира не могла оторваться от них. И, глядя беспомощно, она вдруг осознала, что молится всем богам, каких знала, о том, чтобы то, что Басракан хочет, доставили ему. И побыстрее.

Глава 20

Из убогого укрытия, которое создавала группа кривых деревьев, росших над горской деревней, Конан глядел на двухэтажное каменное строение в центре этой деревни.

Вооруженные люди сотнями толпились вокруг грубых каменных хижин, но взгляд его привлекало здание с черепичной крышей. Рядом с Конаном лежали бритунийцы, и они тоже смотрели.

– Никогда не слышал, что у горцев есть такие жилища, – сказал тихо Элдран. – Для кезанкийцев это просто дворец.

– Никогда не слышал, чтобы столько горцев собиралось в одном месте, – проворчал раздраженно Фюрдан. Взгляд его был устремлен не на здание, а в окружающие горы. Из укрытия был виден десяток лагерей, один из которых находился совсем рядом, и ветер доносил кислый запах готовящейся пищи и крики людей, роющихся в низких шатрах. По дороге сюда им уже встречались группы таких шатров землистого цвета.

– Сколько их там, Харал?

– Десятки тысяч, возможно, – отозвался с нарочитой непринужденностью пухленький бритуниец. – Может быть, и больше. Хватит на всех.

Фюрдан посмотрел на него, затем устало закрыл глаза.

Вдали между гор Конан заметил грубые каменные колон-

ны.

– Что это? – спросил он, показав рукой.

Харал покачал головой:

– Я почти не обследовал местность, киммериец. Я видел, что женщину Йондру увели в то здание внизу, и с тех пор я наблюдал и ждал Элдрана.

– Спасти ее будет нелегко, – вздохнул Конан. – Ты точно не видел еще одной пленницы?

Харал опять покачал головой, и Конан снова принялся изучать то, что лежало внизу.

– Чтобы спуститься туда, потребовалась бы армия, – возразил Фюрдан. – Элдран, мы пришли не ради того, чтобы умереть, спасая заморийскую девку. Ты помнишь, что мы ищем огненного зверя? Давай этим и займемся.

Некоторые из бритунийцев выразили согласие.

– Я освобожу ее, – ответил тихо Элдран, – или погибну.

Повисло неловкое молчание, затем Харал вдруг сказал:

– В горах есть армия.

Фюрдан саркастически скривил губы:

– Заморийцы? Я уверен, они придут к нам на помощь, как только мы об этом попросим.

– Возможно, и придут, – ответил с улыбкой Конан, – если их как следует попросить. – Остальные недоуменно посмотрели на него, явно сомневаясь, не шутит ли он, так что киммериец продолжил: – С ними, как я понимаю, некий генерал Тенерс, любитель славы и легких побед. Его послали в горы

разогнать сборище горских племен. А вот и это сборище.

Даже Харал был настроен скептически:

– Если только Тенерс не дурак, киммериец, он не будет нападать здесь. Ведь горцев по крайней мере в четыре раза больше, чем солдат.

– Правильно, – согласился Конан. – Но если бы он подумал, что здесь лишь тысяча горцев, да и те собираются уходить, так что он может не успеть одержать легкую победу... – Он улыбнулся бритунийцам, и те медленно, по мере того как начинали понимать его мысль, улыбались в ответ. Все, кроме Фюрдана.

– Все горцы ринутся навстречу нападающим, – сказал Элдран, – почти полностью освободив нам дорогу к тюрьме Йондры. Может быть, твоя женщина – Тамира? – тоже там. Оба следа привели к деревне.

Улыбка Конана померкла. Он перестал считать лагеря горцев, насчитав почти двадцать, но Тамира могла быть в любом из десятка тысяч грязных шатров. Ему ничего не остается, как спасти Йондру, и лишь потом можно надеяться найти воровку. Эта надежда была очень хрупкой, но ничего не поделать.

– И кто отправится заманивать Тенерса? – спросил он мрачно.

– У Фюрдана серебряный язык, когда он этого захочет.

– Заниматься надо тем, за чем мы сюда пришли, – ответил быстро костлявый человек.

Элдран положил ему на плечо руку.

– Я не могу оставить эту женщину, – произнес он тихо.

Фюрдан полежал некоторое время спокойно, затем вздохнул и сел:

– Если мне удастся украсть овцу, которую эти горцы называют лошадью, я доберусь до заморийцев, пока песочные часы не осыпались и наполовину. Мгновение, чтобы заморозить генералу голову моими баснями и двинуть этих неуклюжих солдат. – Он поглядел на солнце, приближающееся к зениту. – Я приведу их сюда не раньше начала вечера, Элдран. Если все будет удачно.

– Виккана даст тебе удачу и подскажет тебе слова, – сказал Элдран.

Конан отвернулся от прощающихся бритунийцев и принялся снова разглядывать каменное строение.

– Я освобожу, – поклялся он тихо, – вас обоих.

* * *

Боль в плечах оттого, что Тамира висела, уже давно прошла. Даже онемение, сменившее боль, отошло на задний план, оставив лишь страх. Ей не нужно было смотреть на аристократку, чтобы знать, что взгляд Йондры устремлен на Басракана, человека, от которого зависела их судьба. Она могла с таким же успехом вырастить крылья и улететь отсюда, как и оторвать взор от его мрачной фигуры.

Ималла сидел на низкой скамье. Он поглаживал бороду и глядел на двух связанных женщин черными, как бездонные ямы, глазами. Пока часы не перевернули, он расхаживал по камере, бормоча угрозы и проклятия в адрес тех, кто так медленно исполняет его волю, волю истинных богов, бормоча об Огненных глазах.

Молча просидел он вдвое дольше, и Тамира предпочла бы, чтобы он ходил снова, бредил или делал что угодно, но только бы не смотрел на нее. Глаза его больше не блестели; они, казалось, были лишены жизни и даже малейших следов человечности. В их глубине Тамира видела пытки, которым даже нет названия. То, что звалось Тамирой, забилося в самый дальний уголок ее сознания в тщетной попытке бежать от дьявольского взгляда, но она не могла отвести глаз.

От дверей послышался шорох. Это было похоже на то, будто в мертвой тишине полоснул нож. Тамира содрогнулась, а Йондра заскулила и начала тихо всхлипывать.

Басракан изящно поднялся, шурша алым одеянием. Голос его был полон сверхъестественного спокойствия.

– Внесите Огненные глаза.

Дверь приоткрылась, и вошел почтительно Джбейль.

– У меня нет твоего знания, ималла Басракан, – тощий говорил так, будто не смел даже дышать, – но это соответствует описанию, которое слышали мои презренные уши.

Он вытянул руки, и в них мерцали в свете ламп драгоценности.

Тамира вытаращила глаза. Человек в черном держал ожерелье и тиару Йондры.

Басракан выставил руку, и драгоценности были положены ему на ладонь. Из-под красного одеяния он достал кинжал. Аккуратно поковырял оправу двух огромных рубинов. Золото, сапфиры и черные опалы отшвырнул, словно мусор. Затем медленно поднес ладони к лицу, и в каждой из них лежал кроваво-красный камень.

– Они мои наконец, – сказал он себе. – Вся власть – моя. – Он повернул голову – ни один мускул на его лице не дрогнул – и посмотрел на голых женщин, висящих на цепях. Еще до захода солнца сомневающимся будет представлено доказательство. – Женщин увести и запереть, Джбейль. Сегодня они будут отданы древним богам.

Тамира задрожала и едва не потеряла сознание. Отданы древним богам. То есть принесены в жертву – ничего другого это не могло означать. Ей хотелось кричать, умолять, но язык прилип к небу. Она дико глядела на смуглых людей в тюрбанах, явившихся, чтобы снять с нее оковы. Члены ее отказывались повиноваться, она не могла стоять без помощи. Когда ее выносили из камеры, взгляд ее отчаянно искал Басракана – человека, имеющего здесь власть над жизнью и смертью, человека, который мог, который должен изменить свое решение. Ималла стоял перед столом, на котором лежали рубины, и быстрыми пальцами делал что-то с бутылочками и горшочками.

Дверь закрылась, скрыв от Тамиры ималлу, и в ее горле родился нечленораздельный вой отчаяния. Она попыталась найти во рту влагу, чтобы умолять людей с холодными глазами, которые несли ее, не обращая внимания на ее наготу. Для них она вполне могла быть и не женщиной. Жертвенное мясо.

Ее несли дальше, вниз по изогнутой каменной лестнице, туда, где начинались затхлые коридоры. Открылась тяжелая, окованная железом дверь, и ее швырнули на земляной пол. С глухим ударом дверь захлопнулась.

Бежать, думала она. Она была воровкой, искусной воровкой, привыкшей проникать туда, куда ее не впускали. Она, конечно, может и выбраться оттуда, откуда ее не выпускают. Неловко, поскольку ноги и руки не слушались, она встала на колени и осмотрела свою тюрьму. Земляной пол, грубые каменные стены, крепкая дверь. Больше ничего. Тусклый свет пробивался сквозь узкие прорезы у потолка, на высоте, намного превышающей ее рост. Неожиданная надежда быстро померкла.

Кто-то скулил, и это напомнило Тамире, что она не одна. На полу, сжавшись и обхватив голову руками, лежала Йондра.

– Он никогда меня не найдет, – горько плакала аристократка.

– Он найдет нас, – сказала твердо Тамира, – и спасет.

Ее поразило, когда она вдруг поняла, что, хотя все другие

надежды исчезли, все еще оставалась одна. Она никогда не просила об услуге или о помощи у мужчины, но она была уверена, что Конан найдет ее. Тамира словно видела, как он сносит тяжелую окованную дверь и спасает ее, и она цеплялась за этот образ, будто утопающий за соломинку.

Йондра все всхлипывала:

– Он не знает, где я. Я его ударила камнем и... я не хочу умирать.

Тамира подползла к княжне и потрясла ее за плечо.

– Если поддашься эмоциям, то ты уже мертва. Ты думаешь, я не боялась в камере наверху? – Она издала презрительный горловой звук. – Я видела, как девственницы на плахе проявляли больше храбрости, чем ты. Все это высокомерие скрывало под собой робкого червя, готового ползать на брюхе.

Йондра посмотрела на нее, и во взгляде блеснул прежний огонь, но в голосе еще слышались жалкие нотки:

– Я не хочу умирать.

– Я тоже, – ответила Тамира, и вдруг обе женщины прижались друг к другу, дрожа от страха, однако и набираясь друг у друга сил. – Ты должна говорить и верить в это. Он нас спасет.

– Он нас спасет, – выговорила Йондра.

– Он нас спасет.

– Он нас спасет...

* * *

Басракан пропел последние слова, и глаза его расширились, когда он ощутил прилив сил во всех членах. Он чувствовал, что одним прыжком может перемахнуть через всю комнату. Он сделал глубокий вдох, и ему показалось, что он четко различает все оттенки запахов в комнате. Вот что значит быть связанным с драконом.

На столе постепенно меркло сияние, шедшее от рубинов и магических фигур, начерченных кровью девственницы, золотыми костями и такими веществами, имя которых слишком ужасно для смертных. Но сияние, которое всем своим существом ощущал Басракан, не меркло. На лице отражалось ликование.

– Мы едины, – объявил он стенам камеры, цепям, на которых до этого висели женщины. – Наша судьба едина. Теперь он ответит на мой зов.

* * *

Тамира вздрогнула, когда распахнулась дверь, ударившись о каменную стену. Она почувствовала, как напряглась Йондра, когда в двери появился Басракан.

– Время пришло, – сказал он.

– Он нас спасет, – прошептала Тамира, и Йондра ответила ЭХОМ:

– Он нас спасет.

* * *

– Они беспокоятся, – сказал Элдран.

Конан кивнул, но не оторвал взгляда от двухэтажного здания внизу. Из всех лагерей выходили горцы, плотными потоками направляясь к каменным колоннам, которые виднелись в просвете между двух гор. В деревне перед каменным зданием стояла группа людей в цветных тюрбанах. Вышел человек в красном одеянии, с раздвоенной бородой и тоже в цветном тюрбане, и ожидавшие горцы зашумели; слов на таком расстоянии не было слышно.

Киммериец напрягся, когда появилась Йондра, обнаженная, со связанными за спиной руками, охраняемая с двух сторон стражниками с кривыми саблями. А за ней шла Тамира, тоже связанная и голая.

– Они вместе, – сказал Элдран. – И невредимые, насколько я вижу. Живые, по крайней мере, слава Виккане.

– Пока, – произнес Конан.

По спине киммерийца забегали мурашки. Ему очень не нравилась сцена, разыгрывающаяся внизу, не говоря уже о том, как обращались с женщинами. Куда их ведут и зачем? Зачем?

Сотня горцев обступила человека в красном и женщин. Эта процессия присоединилась к потоку, текущему к каменным колоннам вдали.

– Мне это не нравится, – проговорил Конан. Сам того не замечая, он ослабил свой старинный меч в потертых ножах. – Кажется, ждать больше нельзя.

– Немного подождем, – отозвался Харал. – Фюрдан скоро приведет солдат. Он справится.

– Но, кажется, недостаточно скоро, – ответил Конан. Он поднялся на ноги и отряхнул руки. – Пойду прогуляюсь среди горцев.

Элдран, улыбаясь, встал.

– Мне тоже хочется размять ноги, киммериец.

– Вы молодые дураки! – вспыхнул Харал. – Вам проломают головы. Вам... Вас... – Он проворчал и встал рядом с ними. – Нам понадобятся тюрбаны, если мы хотим хотя бы ненадолго сойти за горцев.

Остальные тоже были на ногах.

– Прямо под горой лагерь, – сказал Конан, – и я никого не вижу там, кроме женщин и детей.

– Тогда пойдем, – произнес Элдран.

– Старые кости этого не осият, – пожаловался Харал.

Они начали спускаться с горы.

– ...ибо время нашей славы пришло, – прокричал Басракан толпам людей в тюрбанах, заполнившим склоны вокруг амфитеатра. Их ответный рев отозвался эхом в горах. – Время торжества древних богов настало! – кричал он. – Символ истинных богов с нами!

Он распростер руки и, ощутив, как по телу растекается сила, подумал, что может взлететь. Он громко запел, и слова отражались от склонов гор. Никогда столько народу не присутствовало при обряде, думал он, когда звучало заклинание. После этого дня сомневающих больше не будет.

Он бросил взгляд на двух голых женщин, привязанных за запястья к железным столбам в центре круга из грубо обтесанных каменных колонн. Символично, думал он, что те, кто доставил ему Огненные глаза, приносятся в жертву сейчас, когда новая сила, заключенная в нем, проявляется перед его народом. Женщины бились в оковах, и одна из них выкрикнула какое-то имя, но он не слушал. С ним были древние боги.

В воздухе повис последний слог, и дрожь камня под ногами сказала Басракану о приближении дракона. Он набрал в легкие воздуха, чтобы объявить о явлении символа благоволения истинных богов.

Среди масс людей, заполнявших склоны, слышались

возгласы и крики, становясь все громче. Лицо Басракана словно окаменело. Тех, кто осмелились мешать в такой момент, он велит изжарить на медленном огне. Он их... Люди были в круге! Вдруг до него дошло значение слышимых им слов.

– Солдаты! – кричали в толпе. – Нападение!

* * *

Ссутулившись, чтобы скрыть свой рост, плотно завернувшись в накидку, Конан быстро продирался сквозь толпу горцев, никому не давая долго разглядывать свое лицо. Его преследовало ворчание и ругань. Поверх черной гривы был небрежно повязан тюрбан, лицо измазано сажей и жиром, взятым из кухонного горшка, но он был рад, что все вокруг видели то, что ожидали видеть, не обращая внимания на то, что говорили им собственные глаза. Широкий круг из грубых каменных колонн находился всего в нескольких шагах. Конан пригибал голову, но не сводил взгляда с двух женщин. Еще несколько мгновений, думал он.

В толпе послышался ропот, который становился все громче. Вдали кто-то закричал, крик подхватили другие голоса. Так долго идти в толпе неузнанным оказалось труднее, чем киммериец ожидал. Лучше начать действовать, пока тревога не стала всеобщей. Схватив рукоять меча, Конан сорвал с себя тюрбан и бросился к кругу.

Проходя мимо грубо отесанных колонн, он понял слова, которые кричали люди.

– Солдаты! Нападение! Солдаты! – раздавалось из тысячи глоток.

Фюрдан, подумал киммериец, улыбаясь. Возможно, все еще удастся...

В следующее мгновение он уже бежал, выхватив меч, по неровной гранитной плите. Человек в красном, тряся гневно бородой, кричал на него, стоя над отделанным камнем туннелем, который вел, очевидно, под гору, но Конан не слушал. Он бежал прямо к почерневшим железным столбам. Когда Тамира увидела его, у нее брызнули слезы.

– Я знала, что ты придешь. – Она плакала и смеялась одновременно. – Знала, что ты придешь.

Конан быстро перерезал кожаные ремни, державшие ее руки. Когда девушка падала, он придержал ее за талию, и Тамира попыталась обвить руками его шею.

– Не сейчас, женщина, – прорычал он, быстро закутав ее в накидку. Краем глаза он видел, что Элдран делает с Йондрой то же самое. – Теперь уходим.

Харал и другие бритунийцы были внутри круга, ограниченного колоннами, и все стояли, вынув мечи, и глядели на горцев. Со склонов на них смотрели бородатые лица, одни с выражением недоумения, другие злобно. А некоторые, с удивлением заметил Конан, со страхом. Руки тянулись к рукояткам сабель, но никто не решился перешагнуть через низ-

кую гранитную стену, на которой стояли колонны.

Издали донесся яростный бой барабанов заморийской армии. Послышался звон стали и крики дерущихся мужчин.

– Может быть, нам постоять здесь и подождать, пока не подойдет солдаты, – неуверенно сказал Харал.

Горцы, стоящие у самого края круга, заволновались.

– Стоять! – прокричал человек в красном. – Неверными займется...

Надрывая глотки, десятка два воинов в тюрбанах прыгнули в круг и сцепились с бритунийцами. По одному к ним присоединились другие. Конану хотелось знать, что удерживает остальных, но времени на раздумья не осталось.

Киммериец закрылся от удара кривой сабли, направленного ему в голову, пнул второго нападавшего в живот. Этот второй упал под ноги третьему. Клинок Конана отвел саблю первого нападавшего и вонзился в грудь, прикрытую кожаной жилеткой. Он хотел взглянуть на Тамиру, но горцы напирали. От могучего удара его старинного меча по гранитной плите покатила голова в тюрбане, и то же движение, продолжаясь, распороло горло под бородой и открыло фонтан крови.

В киммерийце проснулась боевая ярость, закипела горячая кровь, заглушающая рассудок. На него бросались горцы и падали под натиском смертоносной стали. Глаза его горели, будто лазурное пламя, и каждый, кто смотрел в них, понимал, что видит собственную смерть. Краем глаза Конан

видел Элдрана, дерущегося с тремя горцами, почти прижавшись к низкой каменной стене, с мечом в одной руке и с кривой саблей в другой. Харал и остальные бритунийцы стояли спиной к спине, и баррикада из трупов мешала пытавшимся подступить к ним.

Вдруг горец, дравшийся с Конаном, отступил, выпятив от ужаса глаза и глядя киммерийцу через плечо. Горцы, оставшиеся на склонах, затихли и отошли подальше от каменных колонн. Конан решился оглянуться и чуть не выругался.

Из туннеля медленно двигалось переливающееся тело огненного зверя. Его золотые глаза холодно озирали арену, наполненную людьми, которые прекращали борьбу, когда замечали чудовище. Один из кожистых наростов на спине прорвался: оттуда торчало что-то похожее на конец крыла огромной летучей мыши. И почти у самых ног чудовища сидели, сжавшись, Тамира и Йондра.

– Смотрите! – прокричал человек в красном, воздев руки. – Символ истинных богов с нами!

На какое-то мгновение воцарилась тишина, и был слышен лишь звук отдаленной битвы. Затем Элдран крикнул:

– Киммериец!

Бритуниец замахнулся и бросил старинный меч с необычным перекрестьем в форме когтистых лап.

Конан перехватил свой меч в левую руку, а правой поймал рукоять брошенного ему меча.

Внимание чудовища привлекло движение, может быть, и

сам меч, и оно сделало шаг в сторону киммерийца. В нем еще слишком живо было воспоминание об их прошлой встрече, и, когда открылась полная зубов пасть, он быстро сделал кувырок. Метнулось пламя...

Горец, с которым дрался киммериец, закричал, когда вспыхнули его борода, волосы и грязная одежда.

Конан хорошо помнил, как быстро двигается зверь. Он вскочил на ноги лишь затем, чтобы снова сделать кувырок, но в другом направлении, так чтобы подобраться к чудовищу ближе. В том месте, где он только что стоял, опалило камень. Сверкающая тварь перемещалась со скоростью леопарда, Конан же двигался будто охотящийся лев. Надеясь, что Элдран рассказывал правду об оружии, киммериец ударил. Он почувствовал такое сотрясение, будто искры пробежали по телу. Клинок рассек золотой глаз, проделав глубокую рану в огромной голове зверя, из которой начал капать черный ихор.

Человек в красном, стоявший над входом в туннель, пронзительно закричал и схватился руками за лицо. Зверь вскинул голову и тоже зарычал, и оба звука, слившись, отозвались в горах эхом.

Конан чувствовал, как от этого звука его до мозга костей пробирает холод, как мышцы его делаются ватными. В нем вспыхнула злость. Он не собирается так просто стоять и ожидать смерти. Ярость придала ему сил.

– Кром! – проревел он.

Ринувшись вперед, он вонзил волшебный клинок в грудь зверя.

Зверь дернулся и вырвал меч из рук Конана, встав на дыбы. Если до этого его крик был криком боли, то теперь звучал вопль агонии, вопль, от которого задрожали сами камни.

Человек в красном стоял на коленях, держась одной рукой за лицо, другую прижимая к груди. Он глядел полными ужаса глазами на чешуйчатого зверя.

– Нет! – кричал человек в красном. – Нет!

Чудовище медленно повалилось. С его падением камни туннеля треснули. Из прорвавшегося кожистого нароста на спине показалось влажное крыло, оно дернулось один раз и застыло. Из-под тела зверя виднелся конец красного одеяния, и оттуда текли и смешивались ручейки красной крови и черного ихора.

Горцы, стоявшие на склонах, издали жалобный крик, жуткий вой отчаяния. Тысячи их вдруг ринулись в страхе бежать.

Но даже теперь они старались держаться подальше от круга, образованного колоннами, но их было слишком много, ужас их был слишком велик. Тех, кто стоял ближе к низкой каменной стене, вытолкнули на арену. В круге образовалась давка, люди бежали по головам упавших.

Конан стоял среди людского потока, будто скала, и отчаянно искал глазами Тамиру и Йондру.

Люди, проталкивающиеся мимо него, думали лишь о бег-

стве, о том, чтобы убраться отсюда, подминая других. Никто не поднял на киммерийца руку, разве только для того, чтобы попытаться убраться с дороги. Никто не взялся за оружие. Горцы не задерживались, чтобы причинить женщинам вред умышленно, но если какая-нибудь попадет им под ноги...

Элдран с Йондрой на руках благодаря своему росту выделялся среди невысоких горцев. Бритуниец перебрался через низкую каменную стену и исчез в толпе людей в грязных тюрбанах.

Вдруг Конан увидел, как отделанную золотом черную накидку уносит людской поток вокруг горы.

– Дура, – прорычал киммериец.

Звон стали приближался, взывая в сердцах людей, все еще пытающихся бежать, еще больший страх. В такой давке невозможно было взмахнуть мечом или саблей, но то тут, то там мелькали кинжалы, и горцы проливали кровь горцев, прокладывая себе путь к безопасности. Беспощадно молотя кулаками и рукоятью меча, Конан пробивался сквозь толпу, пытаясь добраться до Тамиры. Люди с криком падали под его ударами и, попав под ноги орущей орды, уже больше не поднимались.

Показалась горская деревня. Вокруг двухэтажного каменного здания носились в отчаянии мужчины, таща за собой замотанных в черное женщин с младенцами на руках или вцепившимися в подол детьми постарше. Вот группы горцев смогли вырваться из кипящей людской массы и броситься к

своим лагерям. Другие задержались для того, чтобы прихватить с собой все, что можно было взять из каменных лачуг.

Сталь сверкала и обагрялась кровью, и за одно мгновение награбленное трижды успевало перейти из рук в руки.

Конану помогли расчищать путь меч и широкие плечи, он едва замечал людей, которые шарахались от него, будто жалкие уличные псы. Он не видел больше Тамиры среди растекающегося теперь моря горцев.

Вдруг хрупкая воровка метнулась от каменного строения, возвышавшегося над всей деревней. Она вскрикнула и плотнее закуталась в отделанную золотом черную накидку, когда Конан схватил ее за руку.

– Что ты, именем Митры, тут делаешь? – спросил сурово киммериец.

– Моя одежда... – начала девушка, но тут же взвизгнула, когда он поднял меч.

Конан через голову Тамиры ловко вонзил меч в человека в черном, который выбежал из здания с кинжалом в руке и ненавистью во взгляде.

– Я просто... – снова начала Тамира, еще плотнее укутываясь в накидку, но слова ее оборвались, и она опять завизжала, когда Конан перебросил ее через плечо.

– Дура, дура, – бормотал он и, смотря по сторонам, не появятся ли еще горцы, думающие не только о бегстве, направился в горы.

За спиной шум нарастал, по мере того как заморийская

армия подходила к деревне.

Эпилог

Лежа прислонившись затылком к валуну, Конан первый раз за последние дни улыбался по-настоящему. Они были на границе гор, и за все время пути им не встретился ни один горец, который бы не бежал. Никому, конечно, не хотелось нападать на пришельцев.

– ...а когда Тенерс понял, сколько здесь горцев, – рассказывал Фюрдан, – он заорал, чтобы привели меня и палача.

– Там, где находились мы, тоже было мало смешного. Эти старые кости уже не могут переносить приключений, – жаловался Харал.

Йондра и Тамира, все еще закутанные в выданные им накидки, жались к небольшому костру, склонившись друг к другу. Их больше занимала собственная беседа, чем разговор мужчин.

– С заморийцами пришлось трудно, – рассмеялся костлявый человек. – Я думал, с меня тут же сдерут кожу. Потом раздался этот... этот звук. – Он поежился и поправил свою накидку. – От него переворачивалось все внутри. Горцы стояли еще мгновение и потом сломились.

– Это Конан, – сказал Элдран, стоявший в стороне и оглядывавший двух косматых лошадок, которых им посчастливилось отыскать в горах оседланными, но без наездников. Там были и другие, но их воины не смогли поймать. – Он

убил огненного зверя, и тот... закричал.

– Замориец завоевал победу, – сказал Харал, – и добыл себе славу. Пройдут годы, прежде чем горцы подумают снова объединиться. В Шадизаре его объявят героем, а киммериец не получит ничего.

– Пускай Тенерс берет славу себе, – ответил Конан. – Главное, что мы остались в живых, а зверь мертв. Что еще можно требовать от судьбы?

Элдран вдруг отвернулся от лошадей.

– Есть еще кое-что. Кажется, один нестробованный должок. Йондра!

Йондра напряглась и посмотрела через плечо на высокого бритунийца. Тамира быстро поднялась, придерживая рукой черную накидку, и встала рядом с Конаном.

– Я ничего тебе не должна. – Тон сероглазой аристократки был сердитым. – Но я хотела бы поговорить с тобой об одежде. Как долго будут заставлять меня носить лишь эту накидку? Ты, конечно, можешь найти мне что-нибудь еще.

– Одежда – это часть долга, – ответил ей Элдран. Он начал загибать пальцы: – Одна накидка с подкладкой из барсучьего меха, одна пара обмоток из меха волка. И хороший немедийский кинжал. Я уж не говорю о шишке на голове. Так как я вижу, что вещи мне не вернут, то я требую платы. И твердо намерен ее получить!

Йондра фыркнула:

– В Шадизаре я дам тебе столько золота, сколько ты ве-

сишь.

– В Шадизаре? – рассмеялся Элдран. – Я бритуниец. Какое мне дело до золота в Шадизаре. – Он вдруг подскочил к ней и повалил на землю. Из-за пояса он вынул длинные ремешки вроде тех, что держали обмотки. – Если ты не можешь мне заплатить, – сказал он пораженной аристократке, – то в качестве платы я забираю тебя.

Конан поднялся, и рука его потянулась к мечу, но Тамира положила свои ладони на его кулак.

– Ничего не делай, – сказала она тихо.

Киммериец нахмурился и недоуменно посмотрел на нее:

– Ты ее так ненавидишь?

Тамира помотала головой и улыбнулась:

– Нужно быть женщиной, чтобы понять. Ей надо выбрать: вернуться и оставаться богатой, но при этом быть изгоем, презираемым за бритунийскую кровь, либо стать пленницей человека, который ее любит. И которого любит она, хотя и не может заставить себя признаться в этом. Такой выбор любая женщина сделает мгновенно.

Конан отметил про себя, что Йондра сопротивляется как-то вяло, не так, как могла бы, хотя и разразилась, как обычно, тирадой:

– Ты, бритунийский олух! Эрлик вырви твою душу! Отпусти меня немедленно! Я прикажу отрубить тебе голову! Деркетто иссуши твой мужской член! Тебя изжарят живым на костре! Ох! Если меня отпустишь, я дам тебе выкуп, какой

никто еще не получал, прокляни тебя Митра!..

Бритуниец с улыбкой выпрямился. Княжна теперь представляла собой аккуратный сверток, обернутый в накидку и связанный ремешком.

– Я бы не взял взамен все богатство Шадизара, – произнес Элдран. – К тому же рабыня в Бритунии может позабыть о золоте в Шадизаре. – Йондра оскорбленно вскрикнула, но он повернулся к ней спиной. – Ты все понимаешь, киммериец?

Конан посмотрел на Тамиру, и она кивнула.

– Мне объяснили, – ответил он. – Но сейчас мне уже пора идти.

– Храни тебя Виккана, киммериец, – сказал Элдран. Фюрдан и Харал тоже попрощались.

Конан вскочил на одну из лошадок.

– Тамира? – произнес он, протягивая руки. Когда он поднимал и усаживал ее за собой, накидка распахнулась и открыла мягкие изгибы шелковистого тела, и ей пришлось плотно прижаться к его спине, чтобы сохранить скромность.

– Поаккуратнее, – пожаловалась она.

Огромный киммериец лишь улыбнулся, затем обратился к остальным:

– Прощайте и выпейте за мое здоровье из чертова рога, если окажетесь в аду раньше меня.

Когда косматая лошадка отнесла их на некоторое расстояние от лагеря, Тамира сказала:

– Тебе не нужно за нее волноваться, Конан. Могу поспо-

ритель, что к концу года она не только заставит его освободить себя, но они еще и поженятся.

Конан лишь проворчал и посмотрел, не появились ли впереди между гор равнины.

– Жаль, что приходится возвращаться в Шадизар с пустыми руками.

Конан по-прежнему молчал.

– Наверняка рубины теперь у каких-нибудь горцев. – Тамира тяжело вздохнула. – Но пойми, я не держу на тебя за это зла. Я даже хотела бы видеть тебя после того, как мы вернемся в Шадизар. Может быть, мы можем встретиться в «Красном льве».

– Может быть. – Засунув руку в сумку у пояса, Конан вынул из нее два огромных рубина, принадлежавших Йондре. Они, казалось, светились алым огнем на его мозолистой ладони. – Может быть, я потрачу на тебя часть того, что выручу за это. – Тамира вскрикнула, и он, почувствовав, что она начала шарить в накидке, улыбнулся. – Ты действительно думала, что я не знаю о кармашке в собственной накидке? – спросил он. – Хотя меня и не воспитывали как вора, я кое-что умею делать пальцами.

Кулачок ударил его по плечу.

– Ты же сказал, что не будешь у нее красть, – крикнула хрупкая воровка.

– Я и не крал у нее, – ответил он спокойно. – Я украл их у тебя.

– Ты не хотел красть их у нее, потому что ты с ней спал, но ведь ты... ведь я... ведь мы...

– Но ведь ты сама сказала, что это не должно беспокоить настоящего вора, – сказал он, усмехнувшись.

– Попробуй только усни, – сказала грозно Тамира. – Попробуй только сомкнуть глаза. Ты слышишь меня, киммериец? Попомни мои слова. Ты думаешь, я позволю...

Конан снова спрятал рубины в сумку, затем передвинул ее на всякий случай так, чтобы воровке было труднее дотянуться. Может быть, его и не встретят с триумфальными почестями, как Тенерса, но и он возвратится в Шадизар с хорошим настроением. Рассмеявшись, он ударил пятками в бока лошади.